

ПИСАТЕЛЬ И МЗЛД

№ 2, 2011 год

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА • INTERNATIONAL LITERARY NEWSPAPER • INTERNATIONAL LITERARY ZEITUNG

НАСЛЕДИЕ

Сергей Есенин:

«Звезды и круг — знаки той грамоты, которая ведет читающего ее в сад новой жизни и нового просветленного чувствования».

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И КУЛЬТУРА

Николай Переяслов:

«Слово способно влиять на развитие событий и даже менять ход истории».

НАШ ЯЗЫК

Валентин Недзвецкий:

«Опасность дегуманизации и деморализации русского языка в последние годы возросла».

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА

Ирина Фещенко-Скворцова:

«Самовыражение людей искусства часто становится самоутверждением за счет других, на фоне их, порой совершенно незаслуженного, принижения».

▲ **БОЛГАРИЯ. ВАРНА.** Председатель иностранной коллегии Академии Российской словесности Марат Каландаров вручает Пушкинскую медаль мэру Варны Кириллу Йорданову.

▼ **ЛИТВА. КАУНАС.** На презентации новой поэтической книги Эляны Суодене «Христианский календарь».

МИР и МЫ

тели, представители кафедры русской литературы университета McGill. Президент МАПП Марат Каландаров рассказал о Международной ассоциации писателей и публицистов, представил собравшимся литературные сборники МАПП, газету «Писатель и мир». Руководителем канадского отделения МАПП стал писатель Михаил Блехман, который предложил программу работы отделения с участием русскоязычных авторов Канады, в том числе проведение литературных семинаров с обсуждением вопросов развития русского литературного языка и творчества русских писателей.

Марат Каландаров и Михаил Блехман. ▶

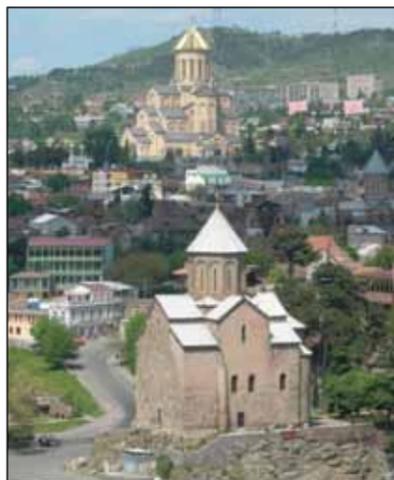
▲ Михаил Блехман и Лариса Шебалинская с писателями Исааком Рукшиным и Николаем Комаристым.

◀ **КАНАДА. МОНРЕАЛЬ.** В Доме творчества «Россия» прошло открытие Канадского отделения МАПП. На конференции, организованной членами МАПП директором дома «Россия» Ларисой Шебалинской и Сергеем Дерновичем присутствовали монреальские писатели, изда-

▲ **РОССИЯ. МОСКВА.** На встрече делегации азербайджанских писателей с президентом МАПП М.Каландаровым.

▼ В МАПП вступает азербайджанская поэтесса Конул Ордубадли.

◀ **ГРУЗИЯ. ТБИЛИСИ.** Марат Каландаров и координатор МАПП в Грузии известный писатель Гурам Одишария.

«Братья от корня славы»

В Болгарии прошел Международный поэтический фестиваль «Славянское объятие»

В эпоху европоцентризма, причем европоцентризма англо-саксонского, многие ли знают и помнят такие цифры: 53,3% территории Европы занимают страны со славянским населением, а это 10,5 млн. км.

Кириллица является официальной письменностью в 7 государствах, в которых проживает 173 млн. человек.

Латиницу используют 5 держав с населением 61 млн. человек.

Православных христиан в Европе 150 млн., католиков – 60 млн., мусульман 13,6 млн., других вероисповеданий – 9 млн.

Равняясь на «цивилизованный Запад», мы как-то стали забывать, что славянство – это особое пространство, исторически занимавшее две трети современной Европы, давшее миру высочайших писателей и поэтов, художников и музыкантов, ученых и космонавтов. Это духовное пространство напитано братскими чувствами, укорененными в наших генах и подвергаемых ныне сложнейшему испытанию поруганием, остракизмом и дезинформацией. Великий русский художник Н.К.Рерих так определил это особое единство – «братья от корня славы». Точнее не скажешь. И что бы не происходило между обитателями политических олимпов, как бы не определяла себя властвующая олигархия, народные души так же остались близки и верны друг другу, как и прежде.

Не случайно в Болгарии, в Варне, прошло заседание круглого стола по теме «Славянство – единая духовная идея». Идея, определяющая будущее наше и наших детей, будущее, которое писатели часто держат на кончике своего пера: либо ввергая мир в новую катастрофу, либо соединяя осколки в единую прекрасную мозаику. Сердечность, любовь, взаимопомощь – казалось бы, известные всем понятия, но как нуждается мир сейчас в чистом поэтическом слове, в светлой идее, в гармоничном звучании красоты, несущем человеку внутренний мир, надежду и выздоровление. Славянство богато этими качествами. И книга – чудесный дар – несет слово через время и пространство к современникам и потомкам, служа той нитью преемственности, без которой прошлое остается безвозвратно потерянным, а будущее – лишенным корней.

В диалоге приняли участие: ведущая круглого стола Е.Няголова, Генеральный консул России в Болгарии Ю.А.Соловьев, председатель Союза писателей Болгарии Н.Петев, президент Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП) академик М.Каландаров (Латвия), зампреда сообщества писательских союзов, председатель Московской городской организации Союза писателей России В.Бояринов (Россия), поэт и издатель академик Р.Василевский (Сербия), вице-президент МАПП Т.Житкова (Латвия), секретарь Содружества хорватских писателей Р.Циндори, поэт и прозаик В.Латынин (Россия), поэт и общественный деятель Д.Станева (Болгария), а также представители Польши, Македонии, Белоруссии, Чехии, Словении, Словакии, Украины, Швеции.

Поэтическое братство продолжает традицию взаимных переводов славянских поэтов. В изящной серии «Библиотека «Славянска прегръдка» Славянской

литературной и художественной академии, возглавляемой замечательной женщиной-поэтом, издателем и подлинной радательницей за славянство, культуру и духовность Елкой Няголовой, выходят поэтические произведения славянских поэтов в переводе на болгарский язык. То же и в руководимом ею журнале «Знаци», который Н.Петев назвал уникальным литературным и полиграфическим продуктом. Та же самая традиция продолжается в других славянских странах.

Вечером открылся международный поэтический фестиваль «Славянска прегръдка» («Славянское объятие») с участием 50 поэтов из 14 стран. Фестиваль организован Общиной Варны, Славянской литературной и художественной академией, Фондом устойчивого развития в Болгарии, Союзом писателей Болгарии. Главный организатор и душа фестиваля, Е.Няголова огласила приветствие от президента Болгарии Г.Пырванова и президента Российской академии словесности Ю.Беляева.

С приветствием выступил мэр Варны К. Йорданов. В сложнейших экономических условиях, в которых находится Варна, г-н Йорданов не только не забывает о культуре, но и всемерно ей помогает. Интеллигентный, доступный в общении, тонко чувствующий искусство... Поистине, во времена глубокого кризиса культуры и духовности можно только порадоваться за Варну и пожелать таких мэров другим городам.

Благословенная Болгария приняла нас в свое объятие крепко и навсегда. Невозможно не полюбить эту страну и её жителей. Невозможно не почувствовать пульс близких по духу сердец. Невозможно не восхититься любовью болгар к поэзии. Их дух восходил и закалялся в драматических битвах и веках иноземного владычества, он возносился в молитве и почитании первоучителей – святых Кирил-

ла и Мефодия, создавших славянскую письменность, введшим богослужение на славянском языке и принесшим в Болгарию весть о Христе.

Если вы видели только политические манифестации, приезжайте в Варну, и вы увидите ежегодное праздничное шествие, организованное не политическими партиями, а шествие учителей и их учеников, где об учителях будет сказано доброе слово, а отличники будут отмечены особыми лентами, где радостно будут звенеть детские голоса «праздник, праздник, праздник!», где будут петь гимн Кирилла и Мефодия, при первых звуках которого болгары встают.

Но были еще встречи и артзалы на «Радио-Варна», в галерее «Римски път», в художественном музее Варны, где хранится самое древнее золото Европы, фракийские клады, датируемые 4400-4200 годом до н.э. На улице «Поэзия» встречались Хорватия (Р.Циндори) и Сербия (С.Игнатович), Украина (А.Багряна) и Рос-

сия (В.Бояринов, М.Замшев, Е.Исаева, К.Риц, В.Латынин), Т.Житкова (Латвия), и конечно же, Болгария (И.Балабанов, Н.Попова, Е.Няголова, Е.Виденова и др.). И везде – сердечность и любовь, поддержка и дружеские приветствия собратьев по поэтическому цеху.

Замечательный концерт в Оперном театре в честь святых Кирилла и Мефодия с участием всемирно знаменитого тенора К.Калудова, его ученицы А.Дитри, эксперта Нобелевского концерта, профессора М.Казиника, хора «Морские звуки» прошел под рукоплескания зала, в котором невозможно было найти свободного места.

На оперной сцене мэру Варны была вручена престижнейшая награда – Пушкинская медаль Российской академии словесности. По поручению её президента Юрия Беляева вручал награду президент МАПП Марат Каландаров. Почетный знак Варны получил профессор Михаил Казиник (Швеция).

Поэтический фестиваль завершился вручением наград.

Обладателем большой награды «Атлант славянства» и первого ордена «Иван Вазов» стал Владимир Бояринов (Россия).

Большая литературная награда «Летящее перо» была вручена Бранко Цветкоскому (Македония).

«Серебряное летящее перо» – Валерию Латынину (Россия), Диане Буразер (Хорватия), Виктору Шечеровскому (Сербия).

Специальная награда «Золотое перо» от Синдиката болгарских учителей была вручена Елке Няголовой (Болгария).

Специальная награда от Союза писателей Болгарии «Золотое перо» – Марату Каландарову (Латвия).

Специальная награда от Синдиката болгарских учителей «Золотой Пегас» – Татьяне Житковой (Латвия).

Перед отъездом судьба подарила встречи с любителями поэзии в городах Добрич и Шабла. Мы пересекли Болгарию с юга на север. Живописные желто-зеленые холмы меняли очертания, их линии переплетались, устремляясь к горам. В центре Добрича нам показали памятник Ф.М.Достоевскому – великому русскому писателю, поднявшему в свое время общественность на освобождение братьев-славян от османского ига. К подножию памятника поэты возложили цветы. Стихи, звучавшие на разных языках, были прерваны виртуозной игрой М.Казиника и не менее виртуозным его даром вести с публикой доверительную беседу, после которой музыка уже безраздельно властвует в зале. Шабла была последним пунктом наших поездок и порадовала теплой встречей, замечательной игрой флейтистки и интересными пейзажами болгарских художников, окаямлявших зал радужной игрой цвета.

С отъездом из Варны «Славянское объятие» не разомкнулось, оно только расширилось, обнимая теперь все пространство наших славянских душ.

Татьяна ЖИТКОВА
Варна-Рига

→ Николай ПЕРЕЯСЛОВ
РОССИЯ, МОСКВА

Критик, поэт, прозаик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор четырех поэтических, трех литературоведческих и одной прозаической книг. Секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат Шолоховской премии 2000 года.

«Я не думаю, что кого-то поражу этой мыслью: совершенно очевидно, что в ближайшие годы развитие нанотехнологий способно изменить облик человечества, изменить нашу жизнь».

Дмитрий МЕДВЕДЕВ
(выступление на Втором нанофоруме, 5 октября 2009 года).

1.

Как утверждают учёные, всё началось с того, что около четырёхсот миллионов лет назад в атмосфере нашей планеты появился тонкий слой озона, оказавшийся достаточно плотным для того, чтобы защитить жизнь от губительного воздействия космического излучения и дать ей возможность выйти из океана на сушу. Именно это дало начало той уникальной эволюционной цепи, которая породила впоследствии огромное разнообразие живых форм, включая человека.

Озоновый слой – самобалансирующаяся система. Чем больше его находится в атмосфере – тем больше ультрафиолетового излучения он поглощает, обеспечивая безопасность всему живому на Земле.

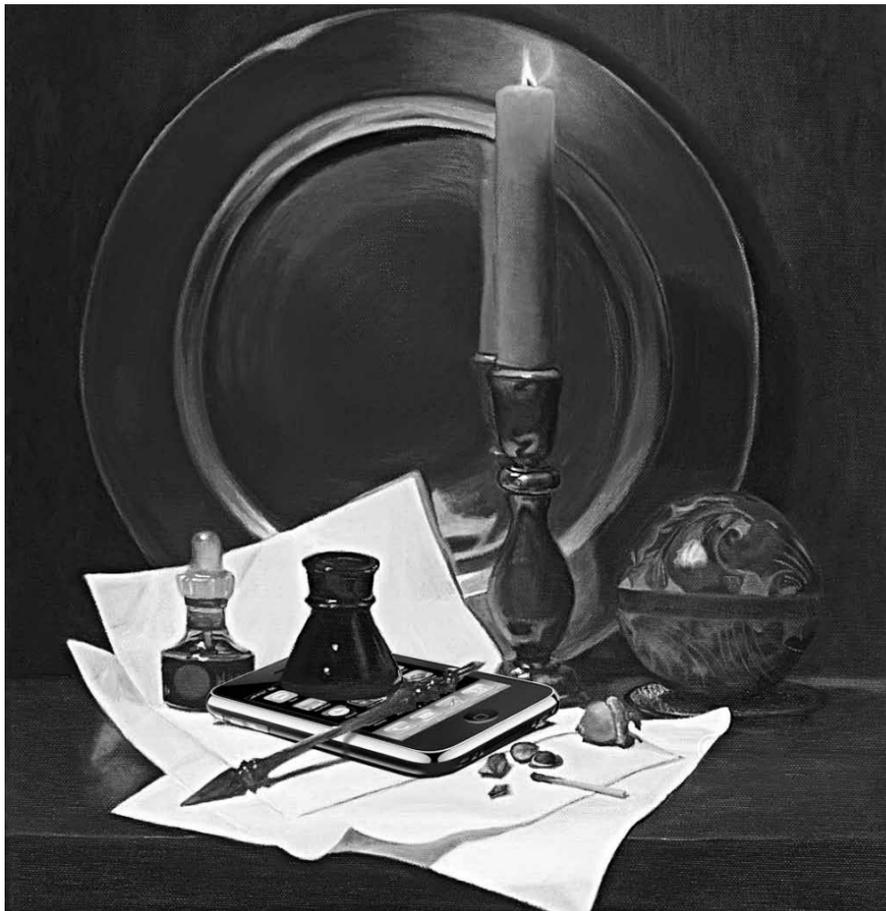
Однако этот спасительный для нас щит оказывается не так уж и прочен. Если бы весь находящийся в атмосфере озон можно было извлечь и сжать под нормальным давлением, то в результате получился бы слой, покрывающий поверхность Земли толщиной всего 3 мм, тогда как вся сжатая под нормальным давлением атмосфера составила бы слой в 8 км. Таким образом, отношение толщины озонового слоя к защищаемой им атмосфере равняется 3:8000000 и являет нам, по сути, пример естественного, созданного самой природой, нанослоя. Именно этот невидимый глазу газовый щит защищает Землю от смертельного воздействия солнечной радиации, образует тепловую конструкцию нижней атмосферы и способствует тем самым сохранению жизни на планете.

Другой пример давным-давно существующего рядом с нами нанослоя – это покрывающий тыльную сторону зеркала тончайший слой амальгамы, которая как раз и отражает собой всю попадающую в зеркальный створ часть видимого мира.

Практически точно так же, как озоновый слой или амальгама, в строгом соответствии с разработанными самой эволюцией принципами нанотехнологий действует и настоящая серьёзная литература – как классическая, так и современная. С одной стороны, обволакивая собой, подобно озону, духовно-нравственную атмосферу нашей цивилизации, она оберегает её от губящего всё своими пошлостью и цинизмом излучения масскульта, а с другой – позволяет, как в зеркале, увидеть в себе наш сегодняшний нравственный облик и, в случае его отклонения от идеала, внести своевременные коррективы в формирование духовного мира современника. При этом речь ни в коем случае не

Литература как нанотехнология

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, как слово – эта мельчайшая и, на первый взгляд, весьма незначительная сама по себе частичка пульсирующего мира способна влиять на развитие событий и даже менять ход истории.

идёт о прямолинейном воздействии литературы на сознание читателя посредством таких литературных текстов, как, например, знаменитый монолог Павки Корчагина из романа Николая Островского «Как закалялась сталь», гласящий, что жизнь человеку даётся всего один раз, «и прожить её надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы».

Нановоздействие литературы проявляет себя иначе, не напрямую. Самой собой, какие-то фрагменты поэмы Николая Алексеевича Некрасова о том, кому на Руси живётся хорошо, а кому – не очень, вдохновляли совестливых граждан царской России на борьбу за освобождение крестьянства, какие-то строчки стихов Пушкина будили в читателях стремление к вольнодумству. Но влияние литературы на народ и историю было гораздо более тонким и значимым, и тому имелись свои причины.

Надо признать, что возможность прочесть столь сильно напугавшее Екатерину II сочинение Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» имела у очень узкого круга жителей дореволюционной России, как и возможность прочесть исследование Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» – у жителей России советской. Но каким-то невероятно парадоксальным образом сила воздействия этих авторов и их творчества на российское общество была при их непечатании во много раз выше, чем после издания их книг массовыми тиражами. Это вовсе не значит, что для увеличения авторитета писателей в глазах читательских масс их книги надо перестать издавать большими тиражами, но это показывает, что наряду с бытованием на книжно-журнальных страницах россий-

ская литература никогда не порывала с начатой ещё древнерусскими духовными стихами XI-XIII веков традицией устного распространения. Да и допущенных цензурой к изданию книг на всех желающих тогда тоже не хватало, а, может быть, в советском обществе просто никогда не хватало таких идей, какие высказывались писателями в их произведениях и разговорах, а потому опубликованные ими в книгах и альманахах строки или сказанные за кружкой пива фразы мгновенно облетали страну, тысячекратно цитировались и повторялись в частных беседах, служа высшей аргументацией в отстаивании своих идей и взглядов. Благодаря этому, в Советском Союзе, едва ли не большее значение, чем сами литературные произведения, стал иметь так называемый *текущий литературный процесс*, уже одними своими непредсказуемыми рывками и поворотами говоривший о нравственной ситуации в стране не меньше, чем содержанием создаваемых в те годы стихов, поэм и романов.

Подобно тому, как нанотехнологии представляют собой технологии работы с веществом на уровне отдельных атомов, литература, неся в глубине своей природы генетически заложенный в неё код нано, также работает на уровне отдельных имён, слов, образов, строчек и выражений, что особенно ярко проявилось в годы торжества соцреализма. Цитаты из произведений классиков отечественной литературы и признанных писателей-современников украшали доклады и речи политических деятелей и учёных, строчки широко известных стихотворений то и дело использовались в качестве названий журналистских статей и телевизионных передач, на писателей ссылались артисты и ру-

ководители промышленных предприятий, встречи с мастерами поэзии и прозы регулярно транслировались по радио и телевидению. Исполнявшиеся тогдашними «звёздами» эстрады песни были написаны не кем попало, а исключительно профессиональными поэтами, литература и её творцы были постоянно на виду и на слуху, в стране выходило огромное количество книг на языках всех народов СССР, произведения национальных авторов переводились на русский язык, а русских писателей – на национальные языки, благодаря чему между жителями братских республик не было и намёка на то непонимание и отчуждение, какие царят в наше время, а события сродни тем, что произошли в Кондопоге и на Манежной площади, были тогда просто непредставимы. Чтение не подменяло собой реальной жизни, оно просто являло собой одну из её сторон – и эта сторона, при всей её кажущейся второстепенности по отношению к повседневной реальности (почти те же 3:8000000, что и в случае с озоном), играла в жизни общества весьма немаловажную роль. Сказать, что ты не читал «Треугольную грушу» Андрея Вознесенского, «Аз и Я» Олжаса Сулейменова или «Алмазный мой венец» Валентина Катаева было тогда всё равно, что признаться в том, что ты никогда не меняешь носки или не чистишь зубы. Литература была выше быта, выше моды. В определённой мере она как раз и была её законодательницей, создательницей модели поведения и мышления.

2.

Ещё один пример применяемой в течение уже многих лет практики использования нанослоя – это женские помада, пудра, румяна, кремы и тени. Имея ничтожно малое покрываемое соотношение к массе покрываемого объекта, тончайший слой парфюмерии, практически ни на йоту не изменяя свойств непосредственно самого лица, резко меняет его восприятие окружающими людьми. Примерно таким же образом воздействовала на сознание советского общества и литература эпохи соцреализма, которая в течение семи десятилетий занималась тончайшей «лакировкой действительности», изменяя с помощью создания положительных художественных образов восприятие не всегда привлекательной правды тогдашней жизни. При этом «лакировочный слой» советской литературы действовал не лобово и одномоментно, а опосредованно и постоянно. Подобно озону в атмосфере Земли, он был расщеплён в кипении социалистического бытия в виде школьных сочинений о Павке Корчагине, заучиваемых стихов Маяковского, Багрицкого и Светлова, показываемых по телевизору мультфильмов про Мальчиша-Кибальчиша, демонстрируемых в кинотеатрах художественных фильмов по произведениям советских классиков, работ скульпторов и художников на темы известных книг, спектаклей о героях революции, звучащих по радио революционных песен, а также в

других проявлениях социалистической прозы и поэзии.

А параллельно с этим «лакировочным слоем» на коллективный разум и душу граждан СССР оказывал своё воздействие ещё и полуподпольный «нанослой» диссидентской литературы, будоражащий подсознание масс не столько своими запрещёнными произведениями, сколько долетающими по «Би-Би-Си» и «Голосу Америки» фрагментами из них, ходящими о них слухами, сообщениями о высылке из страны их авторов и другими микроинформационными поводами.

Лучше всего механизм воздействия литературного «нанослоя» на текущую реальность можно проиллюстрировать на примере «принципа работы» политических анекдотов, составлявших при советской власти не менее пятидесяти процентов так называемого «городского фольклора» (вторые пятьдесят – это блатные и уличные песни, приносимые в общество освободившимися из зоны «урками», в 1960-1970-е годы весьма сильно потеснённые песнями А. Галича, В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Розенбаума и других бардов). Пребывая в отношении к общенациональной культуре и общенациональной идеологии примерно в такой же пропорции, как озон к земной атмосфере, анекдоты, тем не менее, оказывали огромное корректирующее воздействие на восприятие обществом не только официальной позиции государства по тем или иным вопросам, но и почти всех сторон жизни советского народа – как личных, так и общественных.

Внутренние законы анекдота ещё требует своего серьёзного изучения и анализа, но уже сегодня видно, что его природа во многом напоминает поведение содержащихся в атмосфере наночастиц, которые способны проходить через клеточные мембраны и защитные барьеры иммунной системы человека, провоцируя у него бронхиальную астму и развитие других лёгочных заболеваний.

По этой же схеме ведёт себя и анекдот, который свободно проникает практически через все барьеры и цензурные запреты, разносится со слухами по самым дальним уголкам и закоулкам государства и, подтачивая его идейную крепь, в конце концов, ослабляет и разваливает всю, казавшуюся такой могущественной, политическую систему.

Именно эти способности анекдота сделали возможным то, что этот ничтожнейший из примыкающих к литературе жанров словесного творчества сумел расшатать столь пленявшую многих идею построения государства социальной справедливости и всеобщего равенства, подточить его культуру и, по сути, подготовить почву для окончательного разрушения крупнейшей в мире сверхдержавы. И всё это благодаря принадлежности анекдота к таинственным, могущественным и ещё только начинаемым нами изучаться нанотехнологиям, постижение которых обещает впереди непредсказуемые перспективы и открытия. Мир нанотехнологий выходит далеко за рамки известных нам законов классической физики, даже таких, как широко известные законы гравитации и скорости – и все эти качества в самой полной мере проявляют себя и в литературе.

3.

Если мы посмотрим на некоторые из созданных за последнее время наноразработчиками конкретных изделий

и материалов, то увидим там немало не просто оригинального, но принципиально меняющего роль давно знакомых и обыденных вещей в нашей жизни. Вот, скажем, рубашки, которые в буквальном смысле «подзаряжают» своего владельца энергией во время быстрой ходьбы или бега. Интересна также ткань, в одежде из которой человек навсегда будет избавлен от неприятного запаха пота, поскольку она обладает свойствами ментально выветривать влагу со своей поверхности.

Создана также специальная изолирующая ткань, нейтрализующая опасное электромагнитное излучение, исходящее от мобильных телефонов.

Казалось бы, что ни изобретение – то новизна и открытие. Однако анализ того, что сделано нашими писателями за предшествующие столетия, показывает, что на духовно-интеллектуальном уровне все эти «чудеса» давным-давно являются присущими нашей отечественной литературе, причём не только в виде воздействия на читателя тех или иных конкретных произведений, но как общее для неё свойство взаимодействия с реальностью. Русский народ всегда, на протяжении многих веков, согревал свою душу пламенной духоносной литературой, огненным словом писателей, черпая силы в произведениях наших классиков, которые он берёт, как самые дорогие в доме вещи, и не продавал даже в голодные и максимально трудные для себя времена. А от скольких грехов, заблуждений и соблазнов очищала его душу поэзия Пушкина, Некрасова, Блока, Есенина, Ахматовой, Рубцова, Тряпкина, Мандельштама! Как защищала от губительного облучения пошлостью и цинизмом проза Тургенева, Бунина, Шмелёва, Булгакова, Шолохова, Шукшина, Липатова... При этом далеко не всегда литература воздействовала на реальность непосредственно самими своими текстами, иной раз уже одно только имя писателя или моменты его биографии работали сильнее, чем все его сочинения. Одно только имя Пушкина вот уже двести лет, подобно спасительному озоновому щиту, защищает

“ Литература не просто предсказывает грядущие пути развития общества, но даже формирует и определяет их.

с собой нашу культуру от бомбардирующего её излучения западной массовой культуры – с её неприкрытым цинизмом, пошлостью, порнографичностью, бездуховностью, отсутствием социальной значимости и всё более обозначающимся креном в сторону греха и сатанизма. И всему этому откровенному негативу (если не сказать – ужасу) противостоят даже не столько поэзия Пушкина, сколько веками сохраняющаяся в подпольном русском народа память о его лёгком, светлом, воздушном и радостном имени, входящем в нашу жизнь со сказкой о Рыбаке и Рыбке и строчками удивительных стихов про бой Руслана с вызывающей одновременно и трепет, и ужас, и сострадание Головой...

Нынешние наноразработчики только нащупывают те чудодейственные технологии, которые со времён древнерусского летописания сознатель-

но или бессознательно, но на полную мощь использовала наша великая литература, – не только совокупной идейно-содержательной массой всех саккумулированных в ней произведений, но и отдельными моментами, отзвуками и проекциями литературного процесса, точно мельчайшими наночастицами, влияющая на формирование и развитие отечественной истории. Трезвый взгляд на историю русской литературы от её появления до сегодняшней поры показывает, что слишком многое из того, что случалось в нашей стране и мире за

“ Литература, неся в глубине своей природы генетически заложенный в неё код нано, также работает на уровне отдельных имён, слов, образов, строчек и выражений.

прошедшие тысячелетия, сначала было предсказано и описано на страницах литературных произведений.

В трудах не одного поколения литературоведов уже не раз говорилось о том, как русские народные (и созданные на их основе литературные) сказки предвосхищают многие технические изобретения последующей поры, за десятилетия, а то и за столетия вперёд предсказав такие изобретения, как автомобиль (Емелина самодвижущаяся печь, сани-самокат, шагающие избы и т.д.) и воздушный лайнер (ковёр-самолёт). К этому же ряду можно отнести и изображённое поэтом зеркальце, удивительная способность которого транслировать изображение на большие расстояния позволяет увидеть в этом образе предсказание сегодняшнего телевидения.

Есть в истории литературы и более конкретные, а потому и более впечатляющие примеры. Так, в 1898 году малоизвестный американский писатель Морган Робертсон написал книгу «Тщетность», в которой описывался первый рейс вымышленного океанского лайнера «Титан» с водоизмещением в 75 тысяч тонн и длиной корпуса 250 метров. Двигаясь в водах Северной Атлантики с помощью трёх винтов при скорости 25 узлов, этот корабль сталкивается с айсбергом и идёт на дно, а три тысячи его пассажиров тонут из-за того, что на корабле было только 24 спасательных шлюпки, и на всех пассажиров их не хватило.

А через 14 лет в своё первое плавание отправляется трёхвинтовой пассажирский лайнер «Титаник» водоизмещением в 66 тысяч тонн и длиной корпуса 260 метров. Плывая со скоростью 23 узла, он налетает на айсберг и идёт ко дну. На его борту оказывается только 22 спасательных шлюпки, поэтому большинство из 2200 пассажиров тонет – эта трагедия произошла 14 апреля 1912 года.

По-своему пророческой можно считать и поэму Н.В. Гоголя «Мёртвые души», которая, по сути, предсказала появление той политической системы, что воцарилась у нас после 1917 года, когда живые люди с их реальными судьбами оказались почти напрочь заслонены от глаз власти некими мёртвыми канцелярскими списками – и точно так же, как Чичиков покупал и даже «переселял» в Херсонскую губернию существовавших лишь в виде фамилий на бумаж-

ных списках крепостных крестьян, так в 1920-е годы людей списками загоняли в колхозы, списками принимали в комсомол и в партию, списками представляли передовиков к правительственным наградам, премиям и почётным грамотам, и списками же расстреливали или отправляли на Колыму.

Таким же беспощадно точным прогнозом оказался и роман Ф.М. Достоевского «Бесы», в котором им была описана кровожадная природа социалистической революции, за осуществление которой, по его прогнозам, России потребуются заплатить не менее ста миллионов жертв.

Похожие на эти весьма точные предвидения будущего можно отыскать также в произведениях и других авторов – фантастов, реалистов, поэтов и т.д. – хотя все они, скорее всего, только интересные моменты их личного творчества, свидетельствующие об их индивидуальной прозорливости или даре провидчества. Гораздо

важнее для нас сам факт наличия отчётливой причинно-следственной связи между наблюдаемыми в определённый момент времени тенденциями развития литературы и проявляющими себя через несколько лет после этого в реальной жизни тенденциями общественно-экономического и политического развития государства. И, судя по некоторым признакам, литература не просто предсказывает грядущие пути развития общества, но даже формирует и предопределяет их. А значит, благодаря наблюдениям за литературным процессом, можно не только знать, куда повернёт завтрашняя история, но и самим влиять на ход её развития, уже сегодня воздействуя на развитие текущего литературного процесса.

4.

Посмотрим на самый близкий нам как по времени, так и по актуальности пример воздействия литературы на текущую реальность, проявивший себя в последние годы под видом мирового финансового кризиса.

Ключевым словом при анализе причин обрушения ведущих банков мира стало многократно и повсеместно употребляемое всеми в эти дни, весьма трудно объяснимое слово «деривативы», в упрощённом виде означающее собой некую разновидность вторичных финансовых документов.

Понятнее всего высказался о деривативах известный нью-йоркский журналист и писатель Михаил Идов, сказавший, что «игра на деривативах есть заключение пари об исходах пари, заключаемых кем-то другим». Таким образом, на рынке производных успех подавляющего числа банковских операций по спекуляции деривативами оказался зависим не от развития собственного дела, а исключительно от чужого успеха. Или – от чужого провала.

Те, кто одновременно с анализом финансового кризиса 2008-2010 годов взялись бы по какой-либо причине изучать особенности ещё и литературного процесса десятилетней давности, были бы немало удивлены полнейшим сходством того, что происходило в двух этих, весьма далёких, на первый взгляд, друг от друга, областях. Они бы увидели, что литература конца 1990-х годов – это время воцарения постмодернизма, творческого метода, который практически совершенно перестал создавать литературные тексты, имеющие хотя бы какую-то самостоятельную идейную,

социальную, философскую или художественную ценность. Практикуемая им методика сотворения произведений заключалась почти исключительно в повторном использовании тех текстов, которые были созданы писателями предшествующих поколений.

Оттуда беззастенчиво брались чужие литературные герои и сюжеты, которые облекались в язык сегодняшних жаргонизмов и, таким образом, как бы обретали свою самостоятельную ценность. Оттуда, из книг Толстого, Достоевского, Чехова и других предшественников, выдёргивались десятки сотворённых классиками художественных образов и цитат, которые маскировались в гуще нового произведения и, как котлеты в тесте (*котлеты в тексте*), преподносились затем читателю.

Не производя никаких реальных эстетических ценностей, литература постмодернизма и примыкающих к ней коммерческих направлений только бесконечно закладывала и перезакладывала в банк читательского доверия взятые ею под заведомо невозвратимые проценты акции литературы прежних лет, выжимая себе на её бесконечном опошлении и обихихивании максимально возможные на то время дивиденды.

Однако, не подкреплённые никакими живыми чувствами, глубокими философскими идеями, важной социальной тематикой и подлинным психологизмом, сюжеты постмодернистов и других представителей российской литературы коммерческого направления конца XX века только обесценивали литературное творчество, превращая создаваемые с его помощью произведения в испачканную никому ненужными буквами бумагу, переводя его из категории вечного капитала в не обеспеченные никакими реальными средствами векселя и акции и ведя тем самым этот род искусства к неизбежному банкротству.

По сути дела, это именно писатели, а вовсе не финансисты начали производить на свет такой виртуальный продукт как *деривативы*, когда вместо написания собственных высоко духовных и глубоко идейных книг они стали выпускать сплошь сочинения-пустышки, этикие литературные «куклы», иронически обыгрывающие произведения других авторов, а вместо реальных художественных, идейных, нравственных или эстетических ценностей стали преподносить читателю только бледные копии этих категорий в виде растыканных среди интертекста скрытых цитат из классики либо разбросанных по гипертексту ссылок на первоисточники. Перегрузив книжный рынок России сплошными литературными «деривативами»,

постмодернизм превратил великую русскую словесность практически в абсолютно неликвидный товар (наличие 5-10 успешных авторов являются исключением из правила и на общую картину не влияют).

И ладно бы, если бы переключка между развитием финансового кризиса 2008-2010 годов и текущим литературным процессом второй половины 1990-х (и тот, и другой обанкротили себя переизбытком не подкреплёнными никакими реальными ценностями капитала – один банковского, другой литературного) была единичным совпадением, которое можно было бы считать просто занятным сходством, так ведь нет – литература на протяжении многих лет и веков как бы упреждает ход своего развития те тупики и повороты истории, которые спустя 10-15 лет становятся реальной судьбой России. Так, например, явление декадентов-символистов в русской литературе конца XIX века аукнулось России через неполные два десятилетия революцией 1905 года, а проклюнувшийся в 1910-е годы из бурлюковского «Приказа» и хлебниковских «Смехачей» российский футуризм подготовил своими бунтарскими токами приход революции 1917 года. Или же вспомним предельно жёсткие стихи поэтов-романтиков первых послереволюционных лет – ну хотя бы самого молодого и яркого среди них Павла

говорили, не только повторением в реальной жизни сюжетов конкретных произведений, но в не меньшей степени и самим характером развития литературного процесса. Скука и однообразие в творчестве советских писателей брежневской поры материализовались через какое-то время застоём в экономике и политике, а бунтарство литературного авангарда и постмодерна завершились перестройкой и разрушением СССР.

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, как слово – эта мельчайшая и, на первый взгляд, весьма незначительная сама по себе частичка пульсирующего мира способна влиять на развитие событий и даже менять ход истории. Ведь ещё апостол и евангелист Иоанн раскрыл нам в первой строке своего Евангелия знаменитую формулу развития мировой истории: «В начале было Слово», – дав нам вместе с ней ключ к пониманию того, что это именно оно, слово, подобно обнаруженным в атмосфере наночастицам, отражающим солнечные лучи и влияющим на изменение климата, является главным движителем исторического процесса.

Надо сказать, что «тень нанотехнологий» на мировой культуре и литературе замечалась уже давно, однако, несмотря на поразительное сходство их характеристик, они рассматривались обычно как абсолютно самостоятельные области с индивидуальной природой, хотя при этом и допускалась возможность их случайного или целенаправленного взаимопересечения. По словам автора статьи «Нанотехнологии и культура» Катерины Хайлес¹, «нанотехнологии в настоящее время могут играть значительную роль в культуре общества. Они не содержат практически никаких новых теоретических знаний, однако совместное рассмотрение результатов из различных областей естественных наук в сочетании с применением самых современных приборов даёт синергетический эффект и приводит к тому, что наука выходит на новый междисциплинарный уровень...»

В этом ряду находится, на мой взгляд, и рассмотрение литературы как одной из разновидностей нанотехнологий, что, казалось бы, очевидно говорит о необходимости и целесообразности системного изучения её

свойств с учётом этого неординарного фактора. Ведь если литература влияет на нашу жизнь и историю как наночастицы влияют на атмосферу Земли и её климат, то почему бы нам не влиять на развитие литературного процесса и не корректировать с его помощью ход мировой или хотя бы нашей отечественной истории? Думаю, это стоит того, чтобы наряду с лабораториями современной физики и химии открыть при создающемся ныне научном центре в Сколково также и лабораторию современной литературы... ■

¹ – «Connecting the quantum dots: Nanotechnology and culture», in *Nanoculture: Implications of the New Technoscience* N. Hayles, ed. – Bristol, UK; Intellect Books, 2004, p. 11

“ Почему бы нам не влиять на развитие литературного процесса и не корректировать с его помощью ход мировой или хотя бы нашей отечественной истории? ”

“ Слишком явно видно, как течение литературного процесса предваряет собой наступление реальных событий. ”

Васильева с его кошунственными и страшными призывами: «Чтобы республика зацвела, щедрой рукою посея свинец», «Пусть он отец твой, и пусть он твой брат, не береги для другого заряд... Если припомнишь, что пел коростель – крепче бери стариков на прицел», «Саблею небо руби сплеча, чтобы заря потекла по ней!..» Такие самоубийственные наклеивания беды и крови не могли не распрограммировать себя в реальной жизни, что и явило себя в последовавших в 1930-е годы репрессиях, не в последнюю очередь ударивших и по самим писателям.

В истории нашей страны слишком явно видно, как течение литературного процесса предваряет собой наступление реальных событий – причём, как мы уже

→ Александра ЛЕБЕДЕВА ГЕРМАНИЯ, БЕРЛИН

Архитектор, пишет стихи и прозу. Занимается художественной фотографией. Публикуется в литературных альманахах.

Москва. Июнь 1947 год.

Мне десять лет. Новая трёхкомнатная квартира. Коммуналка. Три семьи. Восемь человек. Две кошки и одна канарейка.

Трёхэтажный особняк. Почти в центре города, но уже за Садовым Кольцом. Как маленький дворец, возвышается он среди старых построек в окружении голубых полей гречихи на Октябрьском поле.

Ведутся ещё отделочные работы, счастливые жильцы благоустраивают свой двор, где я с мальчишками играю до позднего вечера среди цветов около нашего фонтана, и лишь громкие голоса мам и бабушек возвращают нас домой.

Какая сегодня жара! Мне бы на улицу, но уроки... И опять этот немецкий!

Я сижу у окна. В доме пахнет свежей побелкой и масляной краской. Отражен-

ный луч солнца падает на потолок с белоснежной гипсовой лепкой лепестков дуба и непонятных завитков по кругу, обрамляющих ещё голую лампочку на чёрном проводе. Луч блуждает по ещё не обставленной комнате, по коробкам с вещами и книгам, аккуратно связанным (на скорую руку) белой тесьмой. Ласкает большой разлапистый фикус, соскучившийся по солнцу... И опять возвращается на мою тетрадь немецкого языка. Жужжание осы нарушает наступившую тоску. Полосатая красавица прилетела на запах домашнего варенья и душистого белого хлеба. Села на мою тарелку и лапками стала перебирать крупинки сладостей. Но и она не может мне помочь!

Издали доносятся непонятные мужские голоса и скрип подвесной люльки. В нашем доме ведутся фасадные работы. Голоса приближаются всё ближе и ближе. От скрежета уже улетела оса, и мой взгляд останавливается на газетной статье, медленно появляющейся всё выше и выше за моим окном.

С замиранием наблюдаю я, слушая до боли знакомый противный язык, и пере-до мной лицом к лицу, в «треуголке» из старой газеты, весь в краске, – показался пожилой мужчина и с доброй улыбкой посмотрел на меня...

«Добрый день, девочка! Как дела?» – на плохом родном для меня языке произнёс он. Я застыла с открытым ртом... Много видела я военнопленных немцев, которые в строительных батальонах восстанавливают Москву. Колонны утром и вечером проходят под нашим окном. Я наблюдаю за этими людьми, и сложное чувство овладевает мной: в нем и страх, и жалость!

Так близко, как сейчас, с немцем я ещё не встречалась!

Шелест тетрадных страниц от поднявшегося ветерка вернул меня к разговору. «Учу немецкий...» – вымолвила я. «Давай помогу!» – предложил мужчина. – Читай вопрос и записывай ответ!»

Пока его напарник бегал за очередным ведром краски, у нас появилось несколько минут для занятий. Записывая

корявыми буквами подсказку, я поймала его неловкий взгляд на своей тарелке, где так и лежал не тронутый мной сладкий обед.

Я молча протянула ему белый кусочек хлеба с моим домашним вареньем...

В этот вечер я первая появилась в нашем сказочном дворе и, счастливая, носилась в брызгах фонтана, наслаждаясь цветущим запахом июня и Мира! Домашняя работа написана была на отлично. И мне так хотелось, чтобы за окном ещё раз появился тот немец с газетой «Правда» на голове; и чтоб у него кончилась краска именно в тот момент, когда на моей тарелке уже лежали приготовленные кусочки душистого белого хлеба с домашним вареньем.

...Эту историю рассказала мне моя мама. В руках у меня старая школьная тетрадь, где детской рукой, кривыми буквами по-немецки написано: «der Frieden, die Freundschaft...»¹ ■

¹ Свобода, дружба (нем.)

➔ **Ристо ВАСИЛЕВСКИЙ**

СЕРБИЯ

Поэт, критик, эссеист, переводчик и составитель антологий. Автор около 50 книг поэзии, романов в стихах, философских трудов и антологий. Удостоен многих литературных наград. Стихи представлены в 100 с лишним антологиях современной македонской, сербской, югославской и мировой поэзии.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Многие уже давно отвергли Христа
и нашли себе других богов и идиологов,
но не смогли к ним приблизиться
и разгадать их в полной мере,
так, чтобы доверить им
свои большие и маленькие страхи,
открыть им свои большие и маленькие тайны,
те, кто отворачивались от Храма,
как от чумы,
стыдясь и отказываясь
от своих предков и потомков,
переступавших через его святой порог,
вдруг стали переодевать рубахи
и, толпясь,
тыкаться бесстыдно в колени Всемогущего,
не попросив милости и прощения.
А Он, всеведущий,
нежно трепал их поседевшие волосы,
смывал святой водой все их грехи
и опять принимал в свое стадо,
как пастырь заблудших овец.
И вот
теперь они
стоят, преклонив колени, перед иконами,
опять отмечают старые праздники,
возвращаются в мир церквей и монастырей
и служат Господу
истовей, чем Ему нужно.
Но, похоже, только до времени,

до появления другого бога,
перед которым они опять преклонят колени
и станут невидимой точкой
в его лживой тени.

ГРЕХ

Те, кому положено знать, знают:
и кто согрешил,
и как он дошел до греха
и почему,
вот поэтому плод греха всегда оставляли
пред милостивыми вратами Храма.
Тот, кому положено наказывать,
казнит совершивших грех,
но больше того – ребенка,
который так и не поднялся в полный рост,
не встал на ноги,
чтобы стереть пот со лба,
посмотреть по-человечески в небо.
Ни человек, ни зверь,
ходит на четырех ногах или четырех руках,
и никто не знает, что это:
четыре ноги, или четыре руки.
Сквозь прорехи в носках и рукавицах
просвечивает тело,
в дырках башмаков и сапог
таится холод и пустота.
Дождевые капли стучат ему по спине,
солнце печет его непокрытое темя,
пальцы никогда не смахивали слезы,
не творили крестного знамения.
Он поднимает голову только,
чтобы увидеть, куда идти,
принять милостыню от шаферов
и восприемников,
которым его вид врезается в сознание
как изнаночная сторона природы
и потом долго преследует их,
как их преследует его взор,
когда они уходят в свою обычную жизнь.
Так все пострадали,
но больше всего тот ребенок,

ибо сперва он был наказан Всевышним,
а теперь его жгут их недоуменные взгляды.

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Она смотрит с небес,
приходит ли кто
на могилу ее тела,
приносит ли
на помин души,
чтобы утолить ее голод,
освещает ли путь,
который ей нужно пройти,
чтобы достичь пределов,
где другие души
уже нашли упокоение.
За время скитаний
она изменилась,
желая чистой предстать
пред Господом,
принять Его суд
и примириться с собой.
Но как ей отвести взор
от своей прошлой жизни,
в которой остались плач детей
и печаль близких,
как оборвать нити,
связывающие ее с ними,
зовущими ее назад?
Поэтому она спускается с небес
и кружит вокруг земного Храма,
проникает в комнаты родных,
неслышно целует их,
тайком врачует их раны,
так, чтобы никто не заметил
ни ее нежных прикосновений,
ни медленного ее ухода.
Так она лечит
свою боль, прощается
с тем, что было,
так она умирляет свою радость
в преддверии новой жизни.

СПОР

Вы не достигли ранга
В звании моралиста!
Вы предпочтёте танго?
А я без ума - от твиста.

Разве - не иронично?
Разве борьба уместна?
Если мы идентичны,
Это - не интересно!

Спорить и дальше будем
О звании эгоиста...
Я выбираю - Шуберта,
Вы предпочтёте - Листа!

МОЙ ОКТЯБРЬ

Полыхай.... полыхай для меня!
Мой октябрь, с оранжевой гривой!
Языками шального огня
Расскажи о душевных порывах...

Листопадом за мной наблюдай,
Хризантемой, пылающей в вазе,
Мой октябрь, гори – не сгорай -
Этой осенью, зеленоглазой.

В переливах осенних истом,
Как во сне перелётных стай,-
Золотистым кленовым листом
В самом сердце моем.... полыхай!

Игры Тигра
Я - не твоя жертва.
Я - не в твой стае.
Эта игра бессмертна.
Ход тебе уступаю.

Мы - на одном поле,
Правила твёрдо зная.
В клетке ты и на воле,
Руки мои лобзая.

Что же ещё планируешь,
Тактику избирая?
Может, ты мне импонируешь,-
Что ж, давай подыграю.

Выслеживая, охотишься:
Прыгнешь - и притаишься...
Рядом со мной находишься,
Только напасть боишься.

Когти в подушечки пряча,
Я за тобой наблюдаю.
Что ж ты играть-то начал,
Правила не соблюдая?

Спорить с тобой не стану:
Меня забавляют игры.
Не подобает сану
Травлей идти на тигра.

ПАРАЛЛЕЛИ

Мы с тобой на одной параллели -
В плоскостях, не понятных друг другу.
Только, как с них сойти б не хотели,
Всё бежим по привычному кругу.

Зачеркнув закон притяжения,
Для себя подвожу я итог -
220 - моё напряжение,
И один на двоих у нас ток.

Изогнулись витыми спиральями
Наши судьбы, сплетаясь навечно ...
Искушение – идеальное.
Искусители – безупречны.

СНЫ

Невесомы нежные сны...
Невесомы светлые ночи...
Как всегда, мы с тобой одни
Ищем смысл пунктиров и точек.

➔ **Екатерина КОРНАКОВА**

РОССИЯ, МОСКВА

Автор двух книги стихов. Обладатель литературных наград. Публикуется в литературных изданиях России. Награждена «Золотой Есенинской медалью» Московской областной организации Союза писателей России. Член Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков. Кавалер Памятной медали «100-летие А.Т. Твардовского».

И опять не уснуть до утра,-
Лишь на пару часов забыть.
«До свиданья! Пора, пора!»
«Обещаю тебе присниться»

Этот смысл поймем только мы...
Как люблю я твои многоточья!
Невесомы нежные сны...
Невесомы летние ночи...

Я сегодня инкогнито
Снова взойду на престол.
В этой геенне огненной
Свой сохранию ореол,

Платья шуршащего складки,
Тонкий с изгибом каблук -
Имя мое - три девятки
Трижды по девять букв.

Принадлежит по праву
То, что как мир старо,
Скипетр и держава -
Чернильница и перо.

→ Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

РОССИЯ

*Кругом измена трусость и обман..
Из дневника Николая II
Кругом измена, трусость и обман.
С мучительной натужностью воловьей
Век натянул в последний раз аркан -
И захлебнулся собственной кровью.
На пустыре величественный кран,
Как вождь, простёр пустую длань. И снова -
Кругом измена, трусость и обман,
И горький дым отечества больного.*

*Он ждал инфаркта после сорока,
Поскольку это, всё же, был бы выход
Оттуда, где его по капле, тихо
Высасывала странная тоска.
Он ждал инфаркта, будучи вполне
Нормальным и, практически, здоровым,
Одетым, сытым, под семейным кровом,
И оттого непонятым вдвойне.
Он ждал инфаркта. Он привык к жене,
К подросшим детям и к своей работе,
К тому, что жизнь отпущена по квоте,
И к беспричинной, ноющей вине.
Он ждал инфаркта, ибо не умел
Уйти в запой, внутри себя разбиться,
Влюбиться страстно, истово молиться,
И дни его крошились, будто мел.
Он ждал инфаркта просто потому,
Что ведь должна у боли быть личина -
Вполне материальная причина,
Понятная и людям, и ему.
Он ждал инфаркта, чтобы разогреть
Вкус к жизни, как холодные консервы,
Поправиться, родным испортив нервы,
И от совсем другого помереть.*

*Когда революция выжрет своих
Детей – романтичных убийц, поэтов,
Идеалистов, и память о них,
Что называется, канет в Лету,
Когда уйдут её пасынки – те,
Которые, выйдя откуда-то с боку,
Ловят рыбку в мутной воде
И поспевают повсюду к сроку,
Когда сравниваются нечет и чёт,
И козырь – с краплёною картой любовью,
И обыватель вновь обретёт
Счастье быть просто самим собою,
Когда добродетели и грехи,
И неудобовместимые страсти,
В общем раздутые из чепухи,
Станут нам непонятны отчасти,
Когда перебродит в уксус вино,
И нечего будет поджечь глаголом,
Придёт поколение пехт. И оно
Выберет пепси-колу.*

*Распутица, а я ещё в пути.
Распутица – и все пути рас-путны,
Раз – путь, два – путь... Куда бы ни идти –
Всё так же грязно и всё так же трудно.
Ни дома отчего, ни даже кабака,
Где можно всё пропить и всё растратить...
О, русская дорожная тоска –
Распутицы нестиранная скатерть.*

*Сквозь темноту, сквозь тишину,
Над прошлым счастьем и виною
Я робко руки протяну
К любимым, к позабытым мною,
Пред кем пожизненно в долгу.
И, может быть ещё продлится
К ним памятью живой смогу –
Услышать смех, увидеть лица.
Чтоб каждому сказать «прости»,
И, полные горячей соли,
Глаза, как ведра понести
На хрупком коромысле боли.*

Наша анкета

1. Ваше самоощущение в современном обществе?
2. Вам как писателю в первую очередь хочется высказаться или – создать произведение искусства (хотя вроде бы важно и то и другое)?
3. Свыше получает, читателю передает – таким было всегда представление о писателе. Насколько утратил сегодня писатель своё сакральное значение? Нет ли у вас ощущения, что современный литературный процесс уже не является своего рода общегражданским форумом? Какова перспектива у коммерческой литературы, доверившейся ощущению, что «Бог умер» даже не в религиозном, а в общеполитическом значении этого ницшеанского образа современного мира?
4. У нас теперь появились «фабрики звезд», в том числе в литературе, и, скажем так, талант перестал быть главным компонентом на пути к славе. Мечтаете ли вы, противостоящий медийным фабрикам кустарь-одиночка, о славе? Или все-таки – «нас мало, избранных»?
5. Каковы ваша самая «горячая» мысль и ваше самое тревожное обращение к современному читателю?
6. Мы живем в новом тысячелетии, после многих революций и связанных с ними катастроф, после двух коренных ломок общественного строя, причем вторая предполагает полный отказ от христианских норм жизни, а следовательно, коренным образом меняет наш национальный менталитет. Возможна ли в современной литературе связь с литературой прошлых эпох? Какие книги из прошлого, включая XX век, могут быть актуальны сегодня и почему?
7. Какого вопроса вы от нас не дождалась и что бы вы на этот вопрос ответили?

Екатерина Полянская: «Пока мы – ещё люди, классическая литература актуальна»

1. Самоощущение не самое приятное – «внутреннего эмигранта» какого-то. В самом деле – не то «свой среди чужих», не то – «чужой среди своих».

2. Ни то, ни другое (хотя и то, и другое, конечно же, на самом деле важно – но уже постфактум). Когда же я пишу, то ни о чём таком вовсе не думаю. Дело в том, что я пишу только тогда, когда именно не могу не писать, никогда ничего из себя не «выжимаю» специально, потому что вот об этом надо (или хотелось бы написать). Так вот когда я пишу стих, а потом долго работаю над ним – я просто пребываю в состоянии счастья от того, что это состояние души всё же наступило, несмотря ни на какие тяготы и суету жизни. И пусть меня даже обвинят в графоманстве (хоть я и очень много работаю над каждым стихом, но работаю тоже только тогда, когда не могу не работать, когда стих сам требует, а я это чувствую), я от этих своих слов никогда не отступлюсь.

3. Настоящий писатель, пока он таковым является, никогда и ни при каких обстоятельствах не может утратить своё сакральное значение. Если утратил – уже не настоящий писатель, а так – бизнесмен от литературы, тусовщик. Ведь «продаваемость» книг и известность пропиаренного имени ещё не делают человека настоящим писателем, так как для Того, Кто в нас именно вдыхает дар писательства все эти вещи не имеют ровно никакого значения.

Ну а по поводу литературного процесса как «общегражданского форума» могу сказать следующее (но это – моё личное мнение, и я его ни в коем случае никому не навязываю):

Во-первых, у меня, к сожалению, нет ощущения того, что мы живём в развитом гражданском обществе, поэтому – какой уж там «общегражданский форум». А во-вторых, может быть, это и очень даже неправильно, но я – закоренный индивидуалист, и литература для меня – дело совершенно индивидуальное, даже – интимное (в отличие от политики, скажем, или – экономики, даже – образования и вопросов культуры в целом, которые обсуждать коллегиально а то и – всенародно просто необходимо), а вовсе не «форумное». Я, например, любимые книги (особенно – стихи), только с очень близкими людьми обсуждать могу. А кроме того, истинная любовь к истинной литературе (неразвлекательной), на самом деле всегда, во все времена была делом не такой уж широкой прослойки населения.

О коммерческой литературе.

Она ведь тоже разная бывает. Вот, например, Дюма – он тоже по большому счёту представитель коммерческой литературы. Но какой талантливый представитель, и

как здорово писал! Валентин Пикуль в своё время говорил о себе: «Я пишу бульварные романы. Но я это делаю хорошо». Коммерческая «бульварная» литература несомненно имеет право на существование, несомненно – нужна при условии её определённой качественности. Но она должна

сама знать своё место, несмотря на свои огромные тиражи и продажи. Беда начинается тогда, когда коммерческая литература объявляет себя мало того, что настоящей, но – единственно возможной вообще, когда мериллом таланта и «литературности» становится «покупабельность».

“ Читайте хорошие книги, и – думайте, думайте, думайте. Не спешите нырнуть в толпу, не бойтесь одиночества.

О современном же «ширпотребе» коммерческом и говорить не хочется. Какое там «ницшеанство»? Ницше – он серьёзный философ был, настоящий философ, соглашаешься ты с его идеями или не соглашаешься. А тут – однодневки. Это ведь – и вовсе не литература, а просто индустрия определённых продуктов для потребителя, подкрепляема массой маркетинговых и даже психологических исследований (что лучше «пойдёт»). Урвать кусочек материального благополучия и известности на один день – и исчезнуть навсегда. «..и в Лету – бух!». У такой «литературы» есть только одна перспектива – окончательно выродиться в комиксы – и писать быстрее, и «пипл» легче «хавают».

4 Во-первых, ещё господин Шопенгауэр когда-то сказал, что храм славы состоит, преимущественно из покойников, а также из небольшого количества живых, которых, по большей части, выносят оттуда незамедлительно после смерти.

Во-вторых, что есть слава, и что значит её желать? Я ведь – не генерал, не политический деятель, не поп-звезда, не актриса. Чтоб на улице узнавали? Чтоб по телевизору показывали? Чтоб детишек в школе стихами моими мучили в обязательном порядке? Чтоб хвалебные статьи в журналах и газетах печатали?

Нет, такой славы я бы не желала. Тем более, что такая слава в поэте поэта убивает, а ведь никакая слава не сравнится для меня с безумной радостью от написания одного-единственного стиха.

Но я бы желала получить просто возможность доступа к потенциальному читателю своих стихов без всяческих унижений.

Ведь книжка, изданная тиражом 300 экземпляров за счёт автора, и самим же автором распространяемая (ни один книжный магазин не возьмёт, стихи – «не товар») – это же страшное унижение. Вот недавно попробовала я «постучаться» в одно уважаемое московское издательство, причём не сама даже, а по рекомендации издаваемого там писателя-прозаика. Ну и что? Стихи посмотрели – уже сделали одолжение. Потом сказали интересную фразу: «к стихам претензий нет». А потом вынесли вердикт: «Печатать будем только за счёт автора. Стихи хорошие, но автор «не раскручен»». И назвали цену – несколько моих зарплат.

Так вот, если мои стихи действительно являются стихами и если они хоть кому-то из людей нужны и созвучны, то мне бы и хотелось не славы, но принципиальной возможности донести их до этих людей. И ещё хотелось бы, чтоб не было этой унизовки, когда каждый издатель смотрит на тебя, как на графомана, или – как на идиота (любой каприз за ваши деньги), причём печатать ему за эти самые деньги абсолютно всё равно что и кого.

5. Ну что я могу сказать читателю, кроме того, что уже сказала всеми своими стихами?

И всё-таки, скажу: живите, любите, смотрите на Божий мир и слушайте его – он так красив и гармоничен, читайте хорошие книги, и – думайте, думайте, думайте. Не спешите нырнуть в толпу, не бойтесь одиночества. Вообще ничего не бойтесь. Ведь главное – за короткую земную жизнь успеть стать человеком и остаться им до последнего вздоха, несмотря ни на что.

6. Если говорить о литературе настоящей, то она просто не может существовать без литературы предыдущих эпох, как не может ребёнок появиться на свет без матери. (если когда-нибудь и научатся люди в пробирках выращивать, то ещё неизвестно – люди ли это будут, без любви, без памяти). Отрицать связь литературы современной (пока ещё, кстати, не самой блестящей в человеческой истории) со всей предыдущей отечественной и мировой литературой и культурой вообще – просто глупо. Как это вообще и в голову-то может придти?

Думаю, что вся классическая литература всегда остаётся актуальной для человека. Ведь человек не меняется – он не становится умней (только сумма его формальной средней информированности может быть увеличена), он так же рождается, любит, ненавидит, совершает добрые и злые дела, умирает достойно, или же – недостойно. А классическая литература об этом и пишет, только декорации меняются. Есть вопросы, которые должны волновать людей всегда, если они ещё люди – именно вопросы жизни и её смысла, смерти и её смысла, вечности души, веры, любви, греха, добра, зла, любви, ненависти, то есть именно те вопросы, которые под разными ракурсами и пытается как-то осветить, приоткрыть классическая литература. Если эти вопросы перестают быть актуальными, значит – мы просто «расчеловечиваемся», что-то с нашими душами нехорошее происходит. Ведь мы, и правда, – нагими приходим и нагими уходим, и, никакое «потребление», никакие «шопинги» тут не помогут.

Поэтому, пока мы – ещё люди, классическая литература актуальна. Другое дело, что для каждого человека есть свои книги, списка тут не напишешь.

7. Да всё, вроде бы. Итак слишком много наговорила, а мне это вовсе непривычно, да и неловко как-то людей на свои рассуждения отвлекать. ■

→ Димитр ХРИСТОВ БОЛГАРИЯ

Поэт, бард, драматург, переводчик. Окончил филологический факультет Софийского университета имени Св. Климента Охридского. С 2009 года – директор Болгарского культурно-информационного центра в Скопье (Республика Македония). Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат национальных и международных литературных премий. Член Союза болгарских писателей и Международной ассоциации писателей и публицистов.

ДОЖДЬ

Осенний дождь все льет и льет с рассвета,
туманы наплывают издали!
А из меня не выветрилось лето
со днями, что прошли, но не ушли.

Дождь барабанит в неустанный рвень,
чтоб запах леса и лугов примять,
и я не жду от струй его спасенья,
и взорами я обращаюсь вспять.

Искрится возле сердца под рубахой
страсть, налетевшая внезапно днем;
то, что не пережил, – как в небе птаха,
а то, что пережил я, – под пластом,

под тем земным пластом я воли жажду,
не спета песнь моя от немоты...
Мне жаль, что искры вычернились в сажу
и залепили нежности черты.

Спасибо, дождь, что тучи кочевые
смывают пепел горя и вину...
Несут твои осенние стихии
мне зиму, а вослед за ней – весну,

а там и лето в солнечном причастье,
в размахе разгулявшихся страстей.
Но в холоде осеннем скрыто счастье, –
дождь
с властью очищающей своей.

С душою честной, оголенной,
ты выдержишь ли без натуг,
когда мороз зимой бессонной
тебя пронзит, мой милый друг?

Не превратишься ли ты в пепел,
когда костра обугленного след,
и не забудется ль, как небыль,
души подснежниковый свет?

Останешься ли сам собою,
забыв про зимний волчий вой,
когда друг позовёт весною
жизнь с ледоходною водой?

С душою оголенной, честной,
с душой, звенящей, словно медь,
способен ли взорваться песней
и никогда не умереть?

БАЛЛАДА О ГРЕХЕ

Моя грустная лада, прости,
за мальчишечью дерзость, прости!
Слух мой имя твой упустил.
Я себя испугался, – прости!

А ведь было: небесный простор
покидали с тобою вдвоем...
На земле поджидал нас костер
с колдовским и целебным огнем.

Опьяненные страстью до дна
от бессрочной и сонной любви
мы всю ночь от темна до темна
даже тени ласкали свои.

Помню только одно я с тех пор:
я взлетел, руки-крылья вразброс,
а внизу – сизый пепел, костер,
плач твоих разметавшихся кос.

И тогда, содрогаясь в душе,
я мечтал о тебе горячо...
Да ведь поздно встречаться уже,
а вчера было рано еще.

ГИТАРА

От черных мыслей на моем пороге
отвлечь меня моя гитара хочет,
и глас ее – то низкий, то высокий
звенит, как колокол или звоночек;

звенит, меня волнует и тревожит,
звенит непредсказуемо-сердечно,
струною на ружейный спуск похожа,
который уж не подведет осечкой.

Моя гитара – чувств глубоких вестник,
и светел глас ее, как озаренье.
От радости – заплачет нежной песней!
От горя – засмеется до забвенья.

Она не дастся посторонним в руки,
попявшись в верности навеки,
и только лишь одной моей подруге
позволит гладить по блестящей деке.

Когда же зазвенит моя гитара
так, что струна омоется слезой,
мы вздрогнем
от любви в той песне старой,
неповторимой меж тобой и мной.

Фото Сергея Лаврентьева

СОН

Засни хоть на мгновенье,
дорогая,
печально в сновиденье
ожидая
меня,
а я иду почти
блаженным
сквозь Время на пути
самозабвенном.
И спелой нивой
ты, переливаясь,
шепни счастью мне,
не просыпаясь.
А то проснешься ты –
вот я – в дорожной пыли!
И, значит, сны, мечты
не нужны были.

Перевод с болгарского Олега Шестинского.

YURI ALEXEEVICH GAGARIN

Из цикла очерков «За слово каждое ручаюсь...»

Это незабываемо. Таким я впервые увидела напечатанное огромными буквами его имя под портретом, на котором он улыбался своей неповторимой улыбкой... Апрель 1961 года, Куба, второй год Революции. Мы, одна из первых групп советских специалистов, прилетевшая несколько дней назад, ходим ошалевшие от экзотики, красоты и истинно революционного духа. По телефону на звонок телефонистка обязательно говорит: «Patria o muerte! Venceremos!»¹ Что вам угодно? Гавана сияет, блестят витрины, улицы полны невиданных нами машин. Всё ещё так, как было раньше. Внешний блеск американского курорта пока ещё не исчез. 12 апреля. Все наши выходят, чтобы ехать на работу, как вдруг со всех сторон на нас налетают кубинцы – милисианос, обслуга, суют нам газету «Гранма», цветы, обнимают, теребят, что-то говорят про космос. Первая мысль – нас с кем-то перепутали, как неловко, сейчас всё выяснится, отберут цветы, извинения... И только освободившись от объятий и взглянув на газету, мы видим это имя и его портрет. Наш советский человек первым покорила космос! Да какой человек! Как он прекрасен, как прост, а улыбка...! Передать наших чувств невозможно, а описать – тем более. Мы были так горды, а кубинцы лучи его славы по-доброму направляли на нас, будто все мы были сопричастны этому прекрасному событию.

В конце дня к отелю подъехал длинный кадиллак, и из него вышла щупленькая старушка в розовом платье с огромным декольте. «Кто тут русский, где здесь русские – неожиданно громко вопрошала она по-русски, к нашему неопишному удивлению. Так мы познакомились с княгиней Софьей Ухтомской, эмигранткой первой волны, которую занесло этой волной аж на Кубу. «Скажите, первое, что спросила она, – это действительно потомок князей Гагариных?. А из какой ветви?» И когда мы рассказали ей о рабоче-крестьянском происхождении Первого Космонавта, она нисколько не огорчилась, а сказала убежденно: «Всё равно, только НАШИ могли сделать это, только Наши – русские.»

А мы расхватили все газеты в отеле и всё смотрели и не могли наглядеться

¹ Родина или смерть! Мы победим!

на этого прекрасного человека, нашего соотечественника, прославившего нашу страну. И мы вдруг впервые после приезда ощутили, как далеко мы от неё, как было бы здорово оказаться сейчас там и, зародившись в такой радостный мо-

→ Зинаида ДЫРЧЕНКО
ИСПАНИЯ

Кандидат филологических наук. Автор трёх сборников стихов и публикаций в книгах серии «Планета поэтов», в альманахах Академия поэзии /Москва/, 2009 и 2010 годов, периодических литературных изданиях. Награждена Золотой Есенинской медалью.

мент, это ощущение отдалённости так и осталось в душе. И никакая экзотика и красоты уже не могли пересилить этого чувства...

Кубинцы сразу и всем сердцем признали Гагарина родным и полюбили его, а молодой, 35-летний, Фидель просто не отводил от него влюблённых глаз, когда уже в июле Юрий Гагарин приехал на Кубу. Что творилось в Гаване! Но об этом... Незабываемо!

«Это и твой дом, Юрий!» КУБА, ИЮЛЬ 1961 года.

Только 3 месяца прошло после полёта Юрия Гагарина в космос, а он уже на Кубе! Это первая страна, начало его бесконечных визитов. Гагарин приглашён на празднование второй (только 2-й!) годовщины Кубинской революции, 26 июля 1961 года. Революция молода, полна сил, энтузиазма, человеческого обаяния её народа и его вождя, бородача Фиделя, которого уже знает весь мир.

И вот 24 июля 1961 года Гавана устремляется вся, от мала до велика, в аэропорт имени Хосе Марти встречать Человека, Покорившего Космос. Конечно, и мы, первые советские специалисты, – туда же и впереди других, не опоздать бы! Красавица Гавана словно вымерла. Ни машин, ни людей – она неузнаваема, странна, город без людей! Но по какому-то ощущению понимаешь, что это от хорошего события – город дышит вольно, он украшен к празднику и к приезду гостя. Везде транспаранты с приветствиями Гагарину, его огромные портреты, кажется, что город улыбается его улыбкой. По дороге в аэропорт ещё попадаются посёлки с маленькими домишками, хибами – и на них то намалёвано краской, то вывешено на полотнище, одно: «ЭТО И ТВОЙ ДОМ, ЮРИЙ!» А нам, советским, так тепло от этого, словно и нас приглашают вместе с ним.

В аэропорту удаётся устроиться на одной из трибун, специально выстроенных для встречи, где-то в тесноте и с краешку, но понимаем, что-то удастся увидеть. Ждём долго и терпеливо, ведь приехали заранее! Но вот наконец видим, – началось какое-то оживление в тех местах, где был Фидель и правительство, значит – скоро. Солнце светит как-то празднично,

жара (пекло!), вполне терпима или мы не замечаем этого. Но вот в небе появляется самолёт, снижение, приземление и остановка точно у означенного места. Фидель в своей оливковой униформе и Освальдо Дортикос, глава правительства, в костюме по протоколу, направляются к самолёту и останавливаются у трапа.

И тут...! Среди ясного неба грянул тропический ливень – стена дождя, обрушение, разверзлись хляби небесные, по-другому не скажешь! Никто и с места не стронулся – во-первых, такие ливни очень коротки, а во-вторых, как можно уйти! И распахивается дверь лайнера, и выходит Он – в белоснежном тропическом тонком шёлковом форменном костюме лётчика, под этот ливень. Шёлк в секунду облипает его, а он, как ни в чём ни бывало, улыбается и делает жест приветствия. У Фиделя из рукавов, как из пожарных шлангов, льётся вода, но он тоже нимало не смущён и весь устремлён навстречу гостю. Надо было видеть эти объятия!... Казалось, Фидель больше не выпустит его из этих объятий никогда – так почти и происходило – Фидель долго не давал поздороваться другим, но позволил, не отпуская Гагарина от себя «насовсем», а придерживая его. И после, все дни пребывания Юрия Гагарина на Кубе, он не снимал с его плеча своей руки, и, наклонившись с высоты своего роста к невысокому космонавту, так и ходил, наклонившись, неотрывно глядя на него.

А нам, малой тогда ещё группе советских специалистов, предстояло ещё одно счастливое событие – встреча с Юрием Гагариным в нашем посольстве. Незабываемо... ■

ВРЕМЯ ПРИШЛО ГОВОРИТЬ

Тревожная, черная мысль
Вся ночь мою душу
Снедает:
Мне снится -
Коварная рысь
Кровавый разбой
Затекает...
И вот она рядом уже,
Приблизилась к цели
Заветной, -
Стоит на моем
Рубеже
И силой грозит мне
Несметной...

И вся она в прищуре
Глаз,
В стремительном росчерке
Воли...

Метнулась...

И нет больше нас...

Последние сыгранные
Роли...

И потому я сбросила
фигуры
С игральных досок
Напрочь,
Без затей...

Пусть дни стоят и пасмурны,
И хмуры,
И небо низко.

Но не быть ничьей!

Сойдемся в поле,
Проторим дорогу
В сраженья ярость...

Холод жжется рос...
Гнев поднимается...

Змея ползет в порогу...

Горит трава на тыщи,
Тыщи верст...

Но я означила черту,
С которой не сойду...

Но если ни направо,
ни налево

Ступить нельзя,
То, значит, - ввысь?
То, значит, - в небо?
Или пешочком, краем света,
Туда, где камни
Точит Лета?

Ушло из глаз,
Исчезло лето...

Но на вопрос мой
Нет ответа.

И под ногами
Грязь и слизь...

Кто принял вызов?
Поднял кто
Перчатку?

Не предал -
Кто?

Так Господа моли
Помочь!

Ломай в смиренность
Шапку! -

Мы проиграли бой!
Надежду!
Душу!
Схватку!

Еще лишь час -

→ Сэда ВЕРМИШЕВА
АРМЕНИЯ

Поэт, публицист, ученый, общественный деятель. Член союзов писателей России и Армении, сопредседатель секции русскоязычной литературы Союза писателей Армении и член правления, руководитель творческого центра Союза армян России.

Небывалый интерес в Латвии вызвала выставка «О Русь, взмахни крылами», которую рижанам продемонстрировал Московский государственный музей Сергея Есенина. В ее экспозиции причудливо переплелись судьбы и мироощущение Сергея Есенина, Юрия Гагарина и Николая Рериха. – Что же роднит этих непохожих людей, вписавших своими трудами неповторимые строки в развитие земной цивилизации? С этого вопроса и начался наш разговор с бессменным директором Московского государственного музея Сергея Есенина, кандидатом филологических наук Светланой Николаевной Шетраковой, разработавшей концепцию этой своеобразной космической выставки.

– Если ответить двумя словами, то объединяет их – космос и Россия. Нашу выставку мы приурочили к 50-летию полета в космос Юрия Гагарина.

Как он рассказывал, вид Земли из космоса ему напомнил картины Николая Рериха. Та же суровая и волнующая загадочность, фантастическая феерия красок и света. Космонавту невольно захотелось как-то высказать переполнявшие чувства, и он стал читать стихи. Это были строки Сергея Есенина из стихотворения «Капитан Земли».

Думаю, этот выбор не случаен. В поэзии Сергея Есенина причудливо переплелись рязанские, персидские и космические мотивы.

– Космические?

– Да, да, не удивляйтесь, космические. Чем больше мы изучаем поэзию Есенина, тем яснее ощущаем ее космизм. Наш музей даже подготовил специальный сборник его произведений, названный «О Русь, взмахни крылами». Его подзаголовок «Поэзия космоса». Почитайте эту подборку стихов, и вы убедитесь, что в этом определении нет ничего надуманного или преувеличенного.

Я напому только некоторые космические метафоры Есенина. Небо у него –

Несказанное, синее, нежное...

Почему не стареет поэзия Есенина

как колокол, месяц – язык, земля – телега в оглоблях небесного коня, звезды – колосья слов, Млечный путь – звездная дуга в упряжке небесного коня. Его космические метафоры и образы естественны и убедительны, ибо в основе их лежит тысячелетняя мудрость народа, не столько разумом, сколько душой осознающего единство человека и космоса.

Об этом Есенин убедительно пишет в своей работе «Ключи Марии». Человек, по мнению поэта, есть ни больше и не меньше, как чаша космических обособленностей. Он еще задолго до космических полетов утверждал, что наступит время, когда «опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба».

Он видит космическое даже в таких привычных вещах, как резной конек на крыше, которым мужики издревле украшали самый верх избы. «Все наши коньки на крышах, – пишет Сергей Есенин, – уподобляют хату колеснице, устремленной в небо. «Я еду к тебе, в твою лону и пастбища», – говорит наш мужик, запрокидывая голову конька в небо». А от этого вывода совсем недалеко до строк из «Пантократора»:

*Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.*

– Эти наблюдения и выводы, думаю, многих заставят вновь перечи-

тать и по-новому взглянуть на поэзию Есенина. Но согласитесь, что и сегодня читателям ближе его лирические мотивы. С момента написания им первых стихов прошло почти сто лет, но и сегодня они восхищают и волнуют людей самых разных возрастов и стран. Даже у нас в Латвии, где русский язык стал иностранным, Сергея Есенина издают сугубо коммерческие издательства. Издают потому, что есть спрос, даже в наше непростое время. В чем же секрет популярности есенинской поэзии?

– Ответ на этот вопрос есенисты ищут давно, и пока никто его не нашел. Как говорится, «тайна сия велика есть». Я изучаю его поэзию всю жизнь, и до сих пор у меня нет однозначного ответа на многие вопросы о жизни и поэзии Сергея Есенина. С одной стороны, она проста и понятна каждому, как письмо от хорошего друга. С другой – за каждой строкой космос души.

Ведь, если задуматься, то душа человека – это тоже космос. А Есенин, как никто другой, понимал душу человека, знал, какую струну тронуть, чтобы она открылась и зазвенела, затрепетала, запела.

Его многие строки удивляют и восхищают своей поэтичностью, которой трудно найти логичное объяснение. Вот возь-

мем, например, одну известную строку:

«Несказанное, синее, нежное...» На первый взгляд, в ней соединены несовместимые образы, вербальные и визуальные, звуки, краски и эмоции. Но вместе они создают неповторимый и гармоничный и непередаваемо естественный образ родного края, о котором никто лучше Есенина не сказал. И кто скажет, где сокрыта в этих словах или между ними неповторимая есенинская поэзия? А может, она и будет волновать нас до тех пор, пока остается загадкой?

– Думаю, для вас не секрет, что спрос на поэзию в последние годы уменьшился. На книжных полках куда больше книг о вкусной и здоровой пище. Не потеснит ли подобная литература поэзию в душе человека?

– Эти сомнения волнуют и нас, работников музея. К сожалению, надо признать, что за время кризиса число посетителей музея, хоть и незначительно, но уменьшилось. Меньше стали и тиражи есенинских изданий.

Но с другой стороны, в России становится все больше частных музеев Сергея Есенина, других поэтов. Среди посетителей нашего музея становится все больше молодежи. Растет число и людей, которые не только читают, но и пишут стихи. Так, на портале Stihi.ru число авторов перевалило за триста тысяч.

Думаю, что поэзия будет со временем востребована больше. Полтора века назад английский поэт Шелли писал «Никогда так не нужна поэзия, как в те времена, когда вследствие господства себялюбия и расчета количество материальных благ растет быстрее, чем способность освоить их согласно закону души».

Это, на мой взгляд, не вправе забывать и сегодняшние поэты. Время сложное, противоречивое. А разве оно было проще в годы Сергея Есенина, который в своих стихах признавался:

С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий...

Не только признавался, но вселял в людей веру в «Несказанное, синее, нежное».

Беседу вел Петр АНТРОПОВ

ДЕБЮТ

Здесь не хотелось слышать рвущиеся звоны фанфар, разносившиеся тысячами отголосков. Воинственно марширующие, вселяющие лихорадочное стремление бежать, лететь, действовать...

Здесь, словно перетекая в воздухе, кружил радужными волнами таинственный, неведомый нам эфир. Кружил, затаив дыхание, покой...

Осторожно ступая, боясь потревожить, благословенно шли куда-то вперед, всё равно...

Оглядывались на причудливые пейзажи.

Хрусталь изящно сплетенных веток, плавно преломляясь, сливался в исполненные величия агатовые станы необыкновенных деревьев. Серебряный, ласковый перзвон маленьких рубиновых птичек, порхавших вокруг.

Осторожно ступая, затаив дыхание, очарованные шли куда-то вперед. Растворяясь в легкокрылых мелодиях, необъятном, бесконечно близком дыхании неба...

Идти вечно, без усталости, встречая и провожая солнечные восторженными взорами...

Хотели стать рубиновыми птичками и неожиданно обнаружили крылья цвета вершинных недоступных снегов. Взлетели навстречу искрящимся солнечным лучам, навстречу звонкому нежному свету. Всё выше

Как долго ждали...

и выше, над причудливыми, сотканными из переливающихся опалов, водами. Над огромными изумрудными лесами...

Удивленные, зачарованные вдыхали хрусталь чистейшего звонкого воздуха, выдыхали свет...

Поравнялись с величественно умиротворенными облаками, устремившими взор за тонкую грань едва осязаемого горизонта...

Плыли по реке ароматного эфира, плыли всё выше и выше в бесконечно спокойную бездну...

Лететь вечно, без усталости, падая в таинственный колодец...

Солнце осталось где-то далеко внизу. Только далёкие челноки звёзд, рассекающих бесконечность. Тишина...

Внезапно откуда-то возникло необъятное синее солнце! Заворожено смотрели, когда также неожиданно исчезло...

И тогда увидели вспыхнувшие ладьи солнц где-то далеко внизу... Как? Всё равно...

Только плыть бы в этой вечности.

И звёзды танцевали, пели, расстояние перестало

«Даниил ПОСАЖЕННИКОВ

РОССИЯ, НОВОКУЗНЕЦК

Окончил с красным дипломом музыкальную школу. Учится в шахматной школе и в училище искусств. Занял первое место в общероссийском конкурсе «Золотое Руно». Лауреат областного фестиваля «Весенняя симфония», обладатель первых мест в конкурсах литературно-музыкальных композиций, первого места в городском литературном конкурсе.

существовать, перестало существовать и небо и земля, и только бесконечность, и только ещё непонятое величие. Откуда? Куда? Где? Силы притяжения исчезли вместе со звёздами и планетами.

Бездна тьмы, но тьма ли это? Только огромное спокойствие и уверенность царили повсеместно, когда внезапно исчезло всё... Как долго ждали. ■

Орнамент — это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием. Его образы и фигуры какое-то одно непрерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте. Но никто так прекрасно не слился с ним, вкладывая в него всю жизнь, все сердце и весь разум, как наша древняя Русь, где почти каждая вещь через каждый свой звук говорит нам знаками о том, что здесь мы только в пути, что здесь мы только «избяной обоз», что где-то вдали, подо льдом наших мускульных ощущений, поет нам райская сирена и что за шквалом наших земных событий недалек уже берег.

Прежде чем подойти к открывшимся нам тайнам орнамента в слове, мы коснемся его линий под углами разбросанной жизни обихода. За орнамент брались давно. Значение и пути его объясняли в трудах своих Стасов и Буслаев, много других, но никто к нему не подошел так, как надо, никто не постиг того, что —

на кровле конек

Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

(Н. Клюев)

Все ученые, как гробокопатели, старались отыскать прежде всего влияние на нем, старались доказать, что в узорах его больше колдуют ассирийские заклинатели, чем Персия и Византия.

Конечно, никто не будет отрицать того, что наши древние рукописи XIII и XIV в. носят на себе явные признаки сербско-болгарского отражения. Византийские и болгарские проповедники христианских идей наложили на них довольно выпуклый отпечаток. Никто не скажет, что новгородская и ярославская иконопись нашли себя в своих композициях самостоятельно. Все величайшие наши мастера зависели всецело от крещеного Востока.

Но крещеный Восток абсолютно не бросил в нас, в данном случае, никакого зерна; он не оплодотворил нас, а только открыл лишь те двери, которые были заперты на замок тайного слова.

Самую первую и главную отрасль нашего искусства с тех пор, как мы начинаем себя помнить, был и есть орнамент. Но, просматривая и строго вглядываясь во все исследования специалистов из этой области, мы не встречаем почти ни единого указания на то, что он существовал раньше, гораздо раньше приплывтия к нашему берегу миссионеров из Греции.

Все, что рассматривается извне, никогда не рождается в яслях с лучами звезд в глазах и мистическим ореолом над головой. Звезды и круг — знаки той грамоты, которая ведет читающего ее в сад новой жизни и нового просветленного чувствования. Наши исследователи не заглянули в сердце нашего народного творчества. Они не поняли поющего старца:

«Как же мне, старцу

Старому, не плакать.

Как же мне, старому, не рыдать:

Потерял я книгу золотую

Во темном бору,

Уронил я ключ от церкви

В сине море».

Отвечает старцу господь бог:

«Ты не плачь, старец, не вздыхай,

Книгу новую я вытку звездами,

Золотой ключ волной выплесну».

Из чувства национальной гордости Равинский подчеркивал нечто в нашем орнаменте, но это нечто было лишь бледными словами о том, что у наших переписчиков выписка и вырисовка образов стояли на первом месте, между тем как в других странах это стояло на втором плане.

Все говорили только о письменных миниатюрах, а ключ истинного, настоящего архитектурного орнамента так и остался не выплеснутым, и церковь его стоит запечатана до сего времени.

Но весь абрис хозяйственно-бытовой жизни свидетельствует нам о том, что он был, остался и живет тем самым прекрасным полотном, изображающим через шелк и канву то символическое древо, которое означает «семью», совсем не важно, что в Иудее это древо носило имя Маврикийского дуба и потому вместе с христианством перешло, как название, бесплатным приложением к нам. Скандинавская Игдразиль — поклонение ясеню, то древо, под которым сидел Гуатама, и этот Маврикийский дуб были символами «семьи» как в узком, так и широком смысле у всех народов; это древо родилось в эпоху пастушеского быта. В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чем свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений. Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песня и тонкая, как кружево, философия жизни на земле есть плод прозрач-

Сергей Есенин

Ключи Марии

Фрагмент статьи

ных пастушеских дум. Само слово пас-тух (пас — дух, ибо в русском языке часто д переходит в т, так же как е в о, осень — осень, и а в я, яблонь — яблонь) говорит о каком-то мистически помазанном значении над ним. «Я не царь и не царский сын, — я пастух, а говорить меня научили звезды», — пишет пророк Амос. Вот эти-то звезды — золотая книга странника — и вырастили наше вселенское символическое древо. Наши бахари орнамента без всяких скрещиваний с санскритством поняли его, развязав себя через пуп, как Гуатама. Они увидели через листья своих ногтей, через пальцы ветвей, через сучья рук и через ствол туловища с ногами, обозначающими коренья, что мы есть чада древа, семья того вселенского дуба, под которым Авраам встречает святую троицу. На происхождение человека от древа указывает и наша былина «О хоброме Егории»:

У них волосы — трава,

Телеса — кора древесная.

Мысль об этом происхождении от древа породила вместе с музыкой и мифический эпос.

Происхождение музыки от древа в наших мистерирах есть самый прекраснейший ключ в наших руках от дверей закрытого храма мудрости. Без всякого Иоулла и Вейнеймейнена наш народ через простой лик безымянного пастуха открыл две скрытых силы воздуха вместе. Этот пастух только и сделал, что срезал на могиле тростинку, и уж не он, а она сама поведала миру через него свою волшебную тайну: «Играй, играй, пастушок. Вылей звуками мою злую грусть. Не простую дудочку ты в руках держишь. Я когда-то была девицей. Погубили девицу сестры. За серебряное блюдечко, за наливчатое яблочко». Здесь в одном образе тростинки слито три прозрения.

Узлом слияния потустороннего мира с миром видимым является скрытая вера в переселение души.

Ничто не дается без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть. Конечно, никакие сестры не убивали своей сестры; это убил ее в своем сердце наш творчески жестокий народ, чтоб легче слить себя с тайной звуков и слова и овладеть ею как образом.

Все от древа — вот религия мысли нашего народа, но празднество этой каны и было и будет понятно весьма немногим. Исследователи древнерусской письменности и строительного орнамента забыли главным образом то, что народ наш живет больше устами, чем рукою и глазом, устами он сопровождает почти весь фигуральный мир в его явлениях, и если берется выражать себя через средства, то образ этого средства всегда конкретен. То, что музыка и эпос родились у нас вместе через знак древа, — заставляет нас думать об этом не как о случайном факте мифического утверждения, а как о строгом вымеренном представлении наших далеких предков. Свидетельство этому наш не поясненный и не разгаданный никем бытовой орнамент.

Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не простой характер узорочья, это великая значная эпопея исходу мира и значению человека. Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице. Ни Запад и ни Восток, взятый вместе с Египтом, выдумать этого не могли, хоть бы тысячу раз повторили себя своей культурой обратно. Это чистая черта скифии с мистерией вечного кочевья. «Я еду к тебе, в твои лона и пастбища», — говорит наш мужик, запрокидывая голову конька в небо. Такое отношение к вечности как к родительскому очагу проглядывает и в символе нашего петуха на ставнях. Известно, что петух встает вместе с солнцем, он вечный вестник его восхода, и крестьянин не напрасно посадил его на ставню, здесь скрыт глубокий смысл его отношения и восприятия солнца. Он говорит всем проходящим мимо избы его через этот символ, что «здесь живет человек, исполняющий долг жизни по солнцу. Как солнце рано встает и лучами-щупальцами влагает в поры земли тепло, так и я, пахарь, встаю вместе с ним опускать в эти теплые поры зерна труда моего. В этом благословение моей жизни, от этих зерен сыт я и этот на ставне петух, который стоит стражем у окна моего и каждое утро, плеском крыл и пением встречая выкатившееся из-за горы лицо солнца, будит своего хозяина». Голубь на князьке крыльца есть знак осенения кротостью. Это слово пахаря входящему. «Кротость веет над домом моим, кто ты ни был, войди, я рад тебе». Вырезав этого голубя над крыльцом, пахарь значением его предупредил и сердце входящего. Изображается голубь с распростертыми крыльями. Размахивая крыльями, он как бы хочет влететь в душу того, кто опустил свою стопу на ступень храма-избы, совершающего литургию миру и человеку, и как бы хочет сказать: «Преисполнясь мною, ты постигнешь тайну дома сего», — и действительно, только преисполнясь, можно постичь мудрость этих избяных заповедей, скрытых в искусствах орнамента. Если б хоть кто-нибудь у нас понял в России это таинство, которое совершает наш бессловесный мужик, тот с глубокой болью почувствовал бы мерзкую клевету на эту мужичью правду всех наших кустарей и их приспешников. Он бы выгнал их, как торгующих из храма, как хулителей на святого духа...

Нет, не в одних только письменных свитках мы скрываем культуру наших прозрений, через орнаментику букв и пояснительные миниатюры. Мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы. Вглядитесь в цветочное узорочье наших крестьянских простынь и наволочек. Здесь с какой-то торжественностью музыки переплетаются кресты, цветы и ветви. Древо на полотне — значение нам уже известное, оно ни на чем не вышивается, кроме полотенца, и опять-таки мы должны указать, что в этом скрыт весьма и весьма глубокий смысл.

Древо — жизнь. Каждое утро, встав от сна, мы омываем лицо свое водою. Вода есть символ очищения и крещение во имя нового дня. Вытирая лицо свое о холст с изображением древа, наш народ немо говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов вытираться листовою, что он помнит себя семенем надмирного древа и, прибегая под покров ветвей его, окунаясь лицом в полотне, он как бы хочет отпечатать на щеках своих хоть малую ветвь его, чтоб, подобно древу, он мог осыпаться с себя шишки слов и дум и струить от ветвей-рук теней добродетель. Цветы на постельном белье относятся к кругу восприятия красоты. Означают они царство сада или отдых отдавшего день труда на плодах своих. Они являются как бы апофеозом как трудового дня, так и вообще жизненного смысла крестьянина.

Таким образом разобрав весь, казалось бы, внешне непривлекательный обиход, мы наталкиваемся на весьма сложную и весьма глубокую орнаментичную эпопею с чудесным переплетением духа и знаков. И «отселе», выражаясь пушкинским языком, нам видно «потоков рожденье». ■

Мария на языке хлыстов шелапутского толка означает душу. (Прим. С. Есенина.)

→ Алексей ШОРОХОВ РОССИЯ, МОСКВА

Окончил Литературный институт имени Горького. Секретарь Правления Союза Писателей России. Автор пяти книг стихов. Лауреат литературных премий и конкурсов. Впервые статья о Мандельштаме опубликована в «Московской правде».

POLACU!

Поляки! Я не вижу смысла
В безумном подвиге стрелков:
Иль ворон заклюет орлов?
Иль потечет обратно Висла?
Или снега не будут больше
Зимой покрывать ковыль?
Или о Габсбургов костыль
Пристало опираться Польше?
А ты, славянская комета,
В своем блужданье вековом,
Рассыпалась чужим огнем,
Сообщница чужого света!
Октябрь 1914 г.

После семидесятилетнего забвения стихи Мандельштама вернулись в русскую жизнь. В последовавшие за этим двадцать лет к его поэзии получил доступ самый широкий круг читателей, как в России, так и за её пределами. Поэт прочно и по праву вошёл во все мыслимые и немыслимые антологии русской поэзии XX века и в учебники по литературе, по его творчеству написаны сотни диссертаций. Казалось бы, можно только радоваться...

Но вряд ли именно такое возвращение порадовало бы поэта. Дело в том, что нынешняя, несколько истеричная, «любовь к Мандельштаму» меньше всего связана с его поэзией. Возвращение поэта в родную культуру оказалось отравлено «политикой», которую он так ненавидел. Из него сделали своего рода либеральную икону, «мученика режима», «жертву ГУЛАГа» и лично Сталина. Чуть ли не «руссофоба», чуть ли не «европейца», презиравшего «всё русское».

И это его! Раз и навсегда влюблённого в Петербург, зачарованного имперской мощью Северной столицы России; это его, заворожённого нежнейшим кружевом Московского кремля и кремлёвских соборов, «с их итальянской и русскую душой!» Сегодня очень трудно найти «неканонические» стихи поэта в широком доступе. Везде подаётся знаменитая эпиграмма на Сталина, далее немножко любви, немножко культурологии, немножко Чёрного моря, всё. Патриотическая лирика Мандельштама практически изъята из культурного обихода. А ведь он не был сторонним наблюдателем начавшейся Мировой войны! Уже в октябре 1914 года поэт пишет стихотворение Polacu! (Поляки!), напрямую продолжающее пушкинское «Клеветникам России».

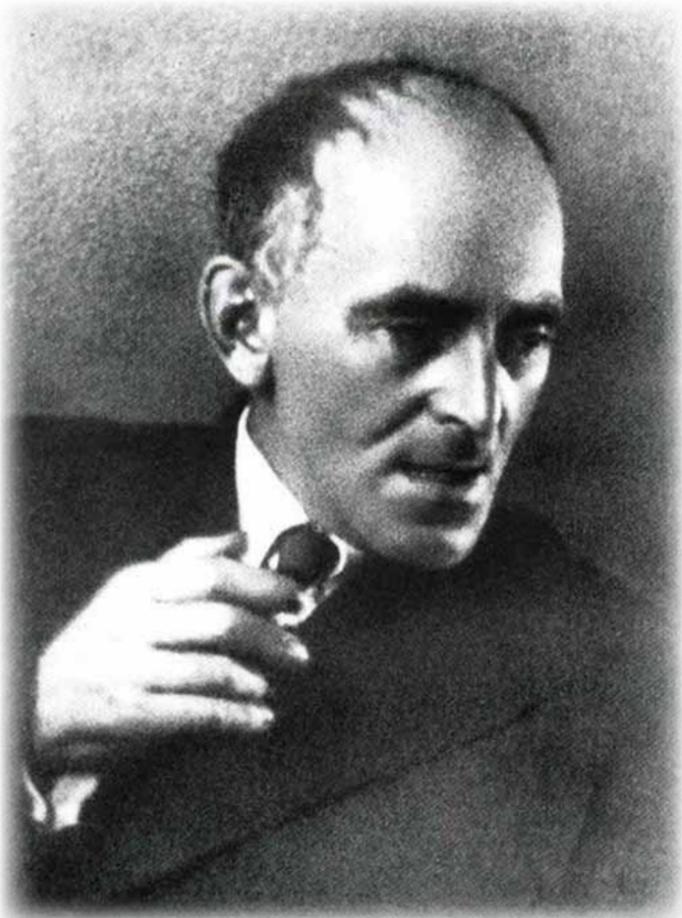
И это именно о ней, о своей родине (Осип Мандельштам родился в Варшаве), в очередной раз предавшей Россию, он говорит: «Рассыпалась чужим огнём/Сообщница чужого света!»

Самой большой удачей своей жизни Мандельштам считал дружбу с Гумилёвым и Ахматовой. Трудно представить, чтобы Георгиевский кавалер, убеждённый монархист и православный христианин Николай Гумилёв дружил с человеком, не любившим и не понимавшим Россию.

Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового завета.
Не к вам влечется дух в години тяжких бед,
Сюда влачатся по ступеням
Широкопашурным несчастьем волчий след,
Ему вовеки не изменим.
Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры.

Это отрывок из стихотворения «Исаакий под фатой молочной белизны», написанного ровно 90 лет назад, цитирую его с особенностями старой орфографии по изданию: О. Мандельштам. Tristia. Petropolis, Петербург-Берлин, – 1922 г. В молодости Мандельштам крестился в протестантской общине, позже много и восторженно писал о католической культуре, но в час

Неожиданный Мандельштам

народной беды поэт восходит именно по ступеням одной из святынь Православия – Исаакиевского собора Санкт-Петербурга. Это о чём-то, да говорит...

«Мне на плечи кидается век-волкодав» – так он скажет о своей судьбе и о всём безбожном XX веке. Жернова истории перемалывали в ту пору миллионы человеческих судеб и по эту, и по ту сторону границы. Вспомните «о потерянном поколении» у Ремарка, Хемингуэйя, Фолкнера... А впереди ещё был Гитлер и газовые камеры, американские ядерные бомбардировки и общечеловеческий напалм. Кто-то выживал в этих жерновах, кто-то ломался. Кто-то исчезал навсегда.

Осип Эмильевич Мандельштам погиб в 1938 году от тифа, под Владивостоком. Так и не доехав до места своей второй ссылки. «Птицей Божьей» называл его ближайший друг и первый поэт русской эмиграции Георгий Иванов. А ещё: «поэтом – в самом чистом, самом беспримесном виде». ■

АДМИРАЛТЕЙСТВО

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.
Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.
Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?
Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря -
И вот разорваны трех измерений узы
И открываются всемирные моря!
1913 г.

О свободе небывалой
Сладко думать у свечи.
– Ты побудь со мной сначала,–

Верность плакала в ночи, –
Только я мою корону
Возлагаю на тебя,
Чтоб свободе, как закону,
Подчинился ты, любя...
– Я свободе, как закону,
Обручен, и потому
Эту легкую корону
Никогда я не сниму.
Нам ли, брошенным в пространстве,
Обреченным умереть,
О прекрасном постоянстве
И о верности жалеть!

1915 г.

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых кровей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,
Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей,
И меня только равный убьет.

17-28 марта 1931 г., конец 1935 г.

Я вздрагиваю от холода, –
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото,
Приказывает мне петь.
Томись, музыкант встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь,
И, с тусклой планеты брошенный,
Подхватывай легкий мяч!
Так вот она, настоящая
С таинственным миром связь!
Какая тоска щемящая,
Какая беда стряслась!
Что, если, вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда?

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

Н. Гумилеву

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.
Зимуют пароходы. На припек
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, как броненосец в доке, –
Россия отдыхает тяжело.
А над Невой – посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.
Тяжка обуза северного сноба –
Онегина старинная тоска;
На площади Сената – вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...
Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.
Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход –
Чудак Евгений – бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянёт!

Январь 1913 г.

«Правдивый и свободный»

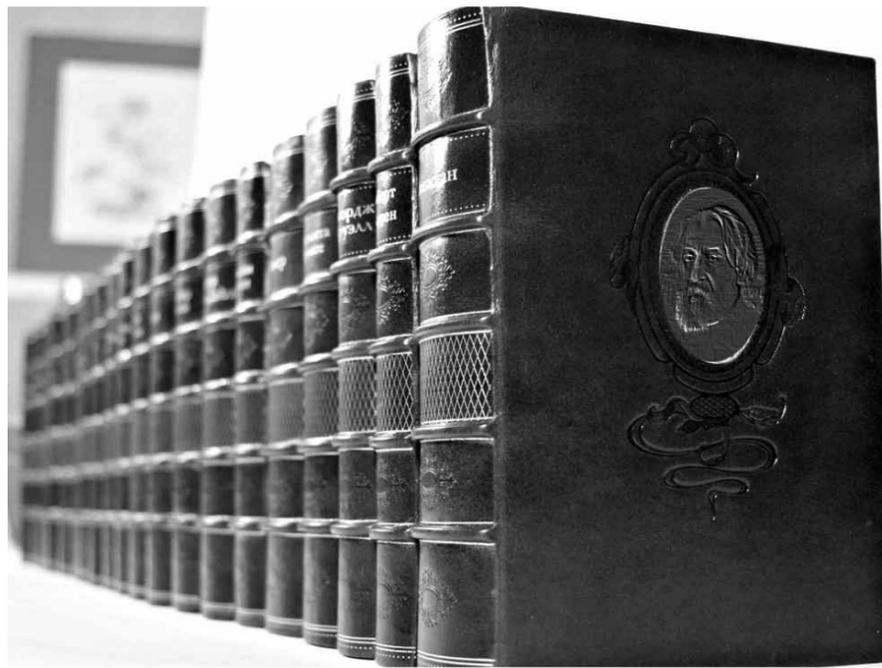
Стихотворение И.С. Тургенева «Русский язык»
и нынешняя лингвокультурная ситуация в России

Со школьных лет памятное нам прозаическое стихотворение «Русский язык», на первый взгляд, выглядит дифирамбом писателя родному великорусскому наречию как главному средству его творческой деятельности. Прочитав тургеневскую апологию русского языка. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу». (Курсив наш. – В.Н.).

Не трудно убедиться: внимание Тургенева перенесено со словесно-литературных и ораторских возможностей родного языка на его нравственное своеобразие и главные нравственные качества – именно выделяющиеся на фоне иных языков правдивость и свободу. Больше того – по логике тургеневской мысли, отмеченные достоинства русского языка в первую очередь и делают его «великим» и «могучим». Они же оказываются и самыми ценными для Тургенева как русского писателя, ибо позволяют ему оставаться духовно свободным и абсолютно правдивым в его творческом воспроизведении российской действительности, а также противостоять приступам отчаяния при очередном наступлении сил государственного российского деспотизма и официальной лжи. Такова первая смысловая грань тургеневского стихотворения «Русский язык».

В тесной связи с ней находится и вторая. Дело в том, что свободный и правдивый и тем великий русский язык становится у Тургенева по существу *мерилом-критерием* самого русского народа в его современном писателе морально-нравственном состоянии.

Есть много свидетельств тому, что Тургенев всегда различал и разделял в русском народе его настоящее состояние и дальнейшее историческое развитие. Как сообщает С.И. Лаврентьева, он говорил с нею о «нашем прекрасном богатом языке», «который до времени Петра был так тяжел и который с Пушкина развился так богато, сложился так поэтично». «По самому тому, – прибавлял Тургенев, – я верю, что у народа, выработавшего такой язык, должно быть прекрасное будущее». Ту же уверенность находим и в письме Тургенева и к графине Е.Е. Ламберт от 12 (24) декабря 1859 года. Но здесь же содержится и та оценка нравственного уровня русского народа в его нынешней период, которая позднее прозвучит в стихотворении «Русский язык». При этом, не стесненная перспективой публикации по меньшей мере при жизни

писателя, она лишена и малейшей неясности. Отметив, что русский язык «удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе», Тургенев заключает: «Странное дело! Этим четырех качеств – честности, простоты, свободы и силы нет в народе...». А в году 1862-ом, скептически оценивая свободолобивые устремления российского общества, писатель не делает исключения и для русского народа, с грустью констатируя: «...а совершается ли <...> хотя неловко, хотя косвенно, действительное развитие

“ Потеря народом своего языка есть воистину народная гибель, а нравственная порча языка – шаг к этой гибели.

народа, этого никто сказать не может». (Курсив наш. – В.Н.).

Те качества свободы и правды, честности и силы, которыми Тургенев восхищался в русском языке и которые всячески желал массе русского народа, совпадали в его глазах с будущим развитым и ничем неколебимым в русском простонародье чувством человеческого и личностного достоинства и сознанием каждым из его представителей своих общественных прав и обязанностей. Словом, с тем, без чего невозможно было их гражданское сознание и поведение, как немислимо было и социально-политическое совершенствование России без кровавых бунтов, революций и гражданских войн.

При невозможности раскрыть человеческое достоинство его крестьянских героев в их общественно значимых поступках автор «Записок охотника» вполне достигает своей цели передачей уже особенностей их речи. Точная речевая характеристика литературных героев, выдающимися мастерами которой были, конечно, все русские писатели-классики, стала у Тургенева первым, но отнюдь не единственным следствием его апологии

родного языка. Намного важнее, на наш взгляд, было запечатленное в стихотворении «Русский язык» предвидение неизбежной, а с течением времени и все более прямой зависимости духовно-нравственного состояния народа и общества от лингво-культурного состояния их языка и наоборот. Скажем больше – данное тургеневское предвидение мы относим к тем заветам русской классической литературы девятнадцатого века, помнить о которых полезно всегда, а в переходо-кризисные эпохи, подобные переживаемой Россией в последние пятнадцать-восемнадцать лет, и совершенно необходимо.

«Язык имеет, – утверждал Алексей Толстой, – обратное действие»; «Обращаться с языком кое-как – значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно». Другой крупнейший деятель русской литературы двадцатого века – Анна Ахматова в своем знаменитом стихотворении 1941 года «Мужество» трактовала непосредственность связи языка и его носителя-народа еще шире. По ее убеждению, россиянам «Не страшно под пулями мертвыми лечь, / Не горько остаться без крова», самое страшное для них – утратить свой природный язык. И если не забывать, что национальный язык это не только средство всенародного общения, но и национально-неповторимая картина мира, национальная сис-

“ Печально, что в качестве пропагандистов слов-уродцев и далеко не благородных речений оказываются и первые лица послеперестроечного российского государства.

тема основных жизненных ценностей и идеалов, а также историческая память этноса и условие неразрывных связей между всеми его поколениями и ветвями, то Ахматова совершенно права: потеря народом своего языка есть воистину народная гибель, а нравственная порча языка, кто бы ее ни наносил, иноземные враги или собственные правители, – ша-

ги к этой гибели.

«Народ-языкотворец» и его язык – воистину близнецы-братья. Оскудевает духовно, нравственно, эмоционально и интеллектуально народ – дегуманизируется и оскопляется его язык; обездушивается, становится примитивнее язык – морально, психологически и умственно грубеет и беднее народ, в конечном счете вся национальная жизнь.

В современной России налицо фактически оба эти процесса. «После перестройки, – констатирует в своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» (М., 2008) Максим Кронгауз, – мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную...». И каждая оставила солидное, но вовсе не благотворно действовавшее на народ и общество наследство. Первая – словопонятия «разборка», «забить стрелку», «бабки». Вторая, помимо ряда оправданных заимствований из английского постаралась внедрить в русскую речь и вовсе не обязательных в ней «риэлтора» (вместо прежнего *маклера*) или «тинейджера» (вместо *подростка*). Третья – прилагательные «элитный» (вместо *отборный*), «экссклюзивный» (вместо *исключительный, особо редкий*) и множество таких же «изящных» слов, отвечающих вкусам тех людей, что отныне покупают не просто качественную, а только «экссклюзивную баранину».

«Это яркий пример того, – замечает о таких лексических нововведениях в нынешнем русском языке специалист-филолог, – как от языка зависит взгляд на мир». В самом деле: для человека, перешедшего на «элитный» словесный жаргон, мир и люди скорее всего разделяются на «гламурных», т.е. достойных его почтения, и всех прочих, уважать и сочувствовать которым ни к чему.

Как известно, лингвисты нынешней России в отношении к потоку иноязычных заимствований и неологизмов, созданных посредством русификации английских слов, во мнениях разошлись. Одни бьют тревогу, другие, напротив, успокаивают, что русский язык-де отфильтрует и переварит любые заимствования так же, как он сделал это с многочисленными техницизмами в эпоху Петра I. На наш взгляд, благодущие это далеко не оправдано. Если замена русских слов «согласие» и «представление» на «консенсус» и «презентацию» действительно не опасна и свидетельствует только о снобизме тех, кто бы ее инициатором, то в случае, например, со словами «киллер» (вместо «наемный убийца») и «путана» (вместо «проститутка») перед нами фактическая *подмена* не одного звучания, но и самого значения названных русских лексем. Родион Раскольников позволил себе «по совести» убить

старуху-процентщицу. Но, услышав на улице от незнакомого ему мещанина обращенное к нему «Ты убивец...», герой «Преступления и наказания» чувствует, как «ноги его вдруг ужасно ослабели, на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло». И это не от страха возможного разоблачения – таков жуткий даже для умышленного

→ Валентин НЕДЗВЕЦКИЙ
РОССИЯ, МОСКВА

Заслуженный профессор Московского Государственного университета, лауреат Литературной премии им. И.А. Гончарова.

преступника морально-нравственный ореол, неразрывный в русском языке со словом «убийца». Однако для русского слуха его совершенно лишено английское «киллер», звучащее для нас столь же нейтрально, как и обозначающий всего лишь род занятий «дилер» или жанр кино- и телепродукции «триллер». Лексема «путана» (от итальянского puttana – женщина легкого поведения) своим полногласием не отвращает, а ласкает наш слух, а смыслом аналогична древнегреческой гетере (буквально – подружка, любовница) и японской гейше, т.е. обученной музыке, танцам, умению вести светскую беседу исполнительнице роли хозяйки на приемах, банкетах и т.д. Ясно, что ничего общего с сегодняшней российской проституткой, торгующей своим телом без крайней на то нужды, иноземная «путана» не имеет.

Особую и немалую опасность для русского языка несет нынешняя агрессия языка матерного, все шире и беззащитнее эксплуатируемого в своих сочинениях рядом наших писателей-прозаиков. Люди моего возраста помнят непростое впечатление, произведенное на них нецензурными словами в повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Но, во-первых, там они звучали не обнаженно, а намеками, так как были всегда фонетически замаскированы. Во-вторых, с художественной точки зрения были вдвойне оправданы – и как отражение не умильных и изящных речей лагерных зеков, и как сознательная авторская реакция на речевой «новояз» официальной советской литературы и прессы, призванный не называть вещи своими именами, а скрывать и затемнять их подлинную сущность.

Сегодня указанная мотивация матерной лексики в литературных текстах большую актуальность утратила. В то же время ее присутствие в произведениях, претендующих на художественное достоинство, заметно возросло. Все это не безобидные языковые тенденции. Совершенно прав И.Б. Зингер: языковые «ошибки одного поколения становятся признанным стилем и грамматикой для следующего».

В одной из своих статей 1990-х годов академик Никита Ильич Толстой составил такую парадигму гуманитарной грани человеческого существования, индивидуального и национально-этнического: Язык – Словесность – Культура – Самосознание. При этом справедливо подчеркнул, что в случае расположения этих компонентов в «вертикальной» иерархической последовательности, язык «можно трактовать как одну из форм культуры и, безусловно, как форму словесности, книжной и устной, а национальное самосознание – как определяющий показатель и объединяющий стержень компонентов культуры». Поскольку же самосознание того или иного исторического периода нации закрепляется и передается другим ее периодам посредством опять-таки слова (устного и письменного), естественно считать, что вся духовная культура нации языком начинается и им же заканчивается. Так логикой своей мысли замечательный ученый напомнил нам библейское «В начале было Слово, и Слово было Бог». Заходя к данной проблеме с иной, чем Н. Толстой, стороны, но имея в виду тот же библейский ориентир, протоиерей Александр Шмеман утверждал: «...С падения слова, с его извращения началось

падение мира, словом, вошла в него та ложь, имя которой дьявол».

Именно ложью как извращением сперва в сознании людей, а затем и в практическом воплощении фундаментальных политических понятий, морально-нравственных и социальных ценностей в конечном счете чревато то искажение русского языка, которое в означенных выше формах происходит в России вот уже почти два десятилетия. Увы, за его примерами далеко ходить не надо. Вот три определения, взятые наугад из новейшего школьного учебника для учащихся одиннадцатых классов «Обществознание. Глобальный мир в XX веке», под редакцией Л.В. Полякова (М., «Промсвещение», 2008). Как вы думаете, что такое «авторитарно-политическая культура», гражданское общество, легитимность и «суверенная демократия»? А вот что. «Авторитарно-политическая культура,

“ Мы сейчас не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а, скорее, заимствуем их вместе с соответствующими словами, т.е. живем в условиях трансляции чужой культуры.

– разъясняет учебник, – система представлений о государственно-политической власти как инстанции, обладающей безусловным авторитетом, единственным способом поведения по отношению к которой (инстанции, системе или власти? – В.Н.) является безусловное и безоговорочное подчинение». Гражданское же общество – «понятие, с помощью которого характеризуется свободная активность граждан, самостоятельно создающих некоммерческие организации (НКО) и осуществляющих (с помощью понятия? – В.Н.) местное самоуправление». Легитимность (от лат. legitimus – законный) власти есть не мера ее законности, определенная широтой свободного народного выбора, а – «одобрение и поддержание законной власти народом». «Суверенная демократия – политический режим, при котором свободные граждане осуществляют эффективное самоуправление» (Курсив везде наш. – В.Н.).

Спрашивается, если все эти дефиниции с невразумительной грамматикой и откровенно антидемократическим пафосом верны, то чем же обрисованный ими порядок отличается от того тотального государственного произвола, который царил в России семьдесят с половиной лет?

Опасность дегуманизации и деморализации современного русского языка в последние годы возросла тем больше, что при отсутствии сколько-нибудь серьезной государственной его защиты должным образом противостоять этой опасности не может, несмотря на свои огромные воспитательные возможности, и русская классическая литература. И главная причина этого – в позиции наших чиновников от педагогики, ведущей, во-первых, к крайней минимизации классической русской литературы в учебном процессе средней школы (всего 2 часа в неделю в старших классах против 6-ти часов литературы американской в школах США, при сокращении времени на нее и в младших классах), а, во-вторых, к противоестественному отрыву изучения русского литературного языка от изучения русской литературы. Ведь литературный язык, в отличие от жаргонов, слен-

гов, диалектов и просторечия, потому так и называется, что выработан именно литературой, в России – сначала языковыми реформами Ломоносова, Н.М. Карамзина и Пушкина, а затем и творчеством последующих отечественных писателей. Научить ему школьников без чтения и изучения литературно-художественных текстов невозможно.

В сегодняшней России один книжный магазин приходится в среднем на 60 тысяч потенциальных покупателей (в Европе – на 10-15 тысяч).

Мне скажут: «С книгой, чтением сейчас – и это процесс всемирный – все активнее соперничают аудио-визуальные средства получения информации». Конечно, но отчего же в Западной Европе, где эти средства распространены раньше и шире, чем у нас, читают больше нашего? Не оттого ли, что в тамошних школах не упразднены национальные литературы, как это, по мере бездумного внедрения «от Москвы до самых до окраин» ЕГЭ, с литературной русской классикой фактически сделано в наших?! Более, чем печальный, факт этот зафиксирован в объемном издании «Единый государственный экзамен. Белая книга» (М., 2008), состоящем из многочисленных коллек-

тивных и индивидуальных протестов против ЕГЭ, появившихся в наших СМИ за последние годы. Почти 150 страниц в ней занял раздел «ЕГЭ и место русской литературы в школе». Вернемся к взаимоотношению и взаимозависимости между состоянием русского языка и моральным состоянием россиян, каким оно было в эпоху тургеневского стихотворения «Русский язык» и каково оно в нынешней России.

Тогда русский язык своей честностью, простотой, свободой и силой обязывал к этим же качествам и собственно народ и российское общество. И являлся залогом того, что они смогут подняться до

его морально-нравственного уровня. Могучим помощником русскому языку в нравственном формировании по крайней мере российского общества было одухотворенное его свободой и правдивостью литературное творчество крупнейших русских писателей. Вместе они сформировали поколения русской творческой и научно-педагогической интеллигенции, на гражданское общественное поведение которой ориентировались в своей жизни многие представители и российских крестьян и рабочих.

Сегодня российское общество, гражданская слабость которого проявляется и в его непостижимой терпимости к нравственной деградации соотечественников, отдало право публичной речевой деятельности (следовательно, и речевого образования) не школьному учителю, специалистам-филологам или писателям, хранящим и приумножающим благородные нравственные качества русского языка, а прежде всего легиону «популярных» (читай – ангажированных властью или модных, а то и скандальных) журналистов, десятке думских ораторов и работающих на словесно-речевой базе «звезд» шоу-бизнеса (юмористов и пародистов, певцов и певиц и т.д.). Побывайте сейчас даже в весьма отдаленной от Москвы деревне, и вы в речи едва ли не каждого тамошнего школьника услышите не только «оторваться по полной программе», «расслабиться» «класно» и «клёво», но и бесстыдное сквернословие. Русский язык, в конце девятнадцатого века нравственно обязывающий и стимулирующий как российское общество, так и собственно народ, ныне, под прессом общественного равнодушия и массовых проявлений аморализма все более уступая этим же качествам, оказывается и сам орудием их распространения в стране. И это уже не «нервный срыв, а настоящая драма современного русского языка».

«Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии творить чудеса!» – завещал нам Тургенев, продолжая: «... Берегите чистоту языка, как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас...» (Курсив наш. – В.Н.). Увы, оба эти завета в нынешней России нарушаются ежедневно и повсюду, часто без всякой на то необходимости. В первую очередь это наносит непоправимый ущерб, конечно, нравственности самих нарушителей. Но в конечном счете – духовным началам всего нынешнего и последующих поколений россиян.

Беспрецедентная глубина постановки и решения русской литературой «вековых» проблем, коллизий и исканий «самого человека» влечет к нам, на филологические факультеты России, немало иностранных студентов, аспирантов и стажеров. Уже этот факт обнадеживает: пусть не скоро, но сбудется предсказание Осипа Мандельштама – настанет время, когда тот «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык», который вместе с российским народом создала литературная отечественная классика, в мире будут изучать так же широко, как в античные времена изучали язык греческий, а в эпоху средневековья – латынь. Однако для этого нам, россиянам, необходимо самим, всегда и везде охранять и постигать как высшее национальное достояние наш язык и созданную на нем русскую литературу. ■

→ Ирина РЕПЬЕВА

РОССИЯ, МОСКВА

Писатель, публицист, член Союза писателей России, основатель и руководитель Товарищества детских и юношеских писателей России.

Владимир Бондаренко, блистательно показавший в Проханове-Маканине не только два политические полюса текущей литературы, но и два более чем типичные для нашего времени характера творческой интеллигенции, вдруг пишет: «Прилепин сразу вошел в лидеры своего поколения. На голову опередив всех своих сотоварищей, уже годами публикующихся в толстых журналах».

Только потому, что не первый раз он Захара Прилепина ставит поколению нулевых в лидеры, только потому, что многие русские (или «русские») критики с ним согласны, только потому, что во мне тоже есть очень горячее желание увидеть завтрашних Белова и Распутина, я тоже Прилепинскую прозу попыталась прочесть.

Итак, в 2005 году издательство «Андреевский флаг» выпустило книгу Захара Прилепина «Патологии». Название броское, по моде литературного либералья. И потому скучное, заранее вызывающее отторжение. Так и видишь: автор тихонько подвёл нас к комнате, где собраны в банки заспиртованные уродцы. Ведь патология – это отклонение от нормы.

Так кто же помещен в кунсткамеру Захара Прилепина?

Главный его герой – русский парень Егор. Он отправляется в Чечню, в командировку, цель которой поддерживать на Северном Кавказе мир и порядок.

И, забывая о названии повести, настаиваешь себя на серьёзность разговора.

К тому же, сам Прилепин все-таки вовлекая в Чечне, а свидетельства очевидца всегда интересны. А война – не сахар, а выживание. А война в Чечне – это еще и за пределами любой самой вольной фантазии.

Например, много мужчин, вооруженных стрелковым оружием, отрезают пленному голову ножом. А это – не курок нажать. Или, например, одна писательница рассказывала мне о том, что видел в Чечне её знакомый-военный. Врываются наши бойцы в городскую квартиру, а в ней повешенный вниз головой русский солдатик, с которого содрана кожа, и всё ещё капает на пол свежая кровь.

Даже в Освенциме такого не увидишь. Потому что немцы – люди практичные. А была ли необходимость в ... свеживании человека? Не абазуры же из кожи заключенных поставляла Чечня в Черкизово?

Но честная русская писательница так и не решилась вставить этот эпизод в свою повесть. Не потому, что мы не сможем поверить. После всех терактов с массовыми жертвоприношениями неведомым нам богам мы во что угодно могли бы поверить.

И дело не в толерантности писательницы. Просто, столь чудовищная расправа с пленным – это безумие, патология, которая предметом художественного изображения не является. Это сфера для специалистов другого профиля.

Лермонтов, кстати, тоже оставил картины подобных событий (а они наверняка имели место и в его бытность

Без комплиментов О творчестве Захара Прилепина

на Кавказе) за рамки своей повести. Оставил по праву художника. И, что для русского аристократа было характерным, умолчал он об этом по праву сильного духом «старшего брата». Да и понимал он, что помимо горцев диких, с хазарских времён живущих варварским разбоем, есть их единоплеменники, трудом добывающие свой хлеб. Да и вообще, Лермонтов посвящает «Героя нашего времени» иной теме. Его волнует судьба несчастной и чистой Белы, проданной собственным братом. Идеал красоты полудикого края, чистая душа, ещё только ожидающая «жениха».

Как бы то ни было, Бела – добыча богатого и прихотливого русского барина, который прибыл на Кавказ с той же целью, что и герои повести Захара Прилепина – поддержать мир и порядок. Но легко домыслить, что могло бы стать с «диким цветком», хрупкой девушкой, если бы Печорин не был Печоринным. Русский человек отвёз бы её в своё имение, дал ей образование, выдал

ни то ново-мусульманство, которое насажается у нас на деньги иностранных спецслужб.

Короче говоря, мне было интересно, какой покажет Чечню Захар Прилепин. Через полтора века после Лермонтова. Тем более было мне интересно, какой покажет мне Чечню человек, не согласившийся быть всего лишь Евгением Лавинским, избравший себе для псевдонима и имя, и фамилию, как бы зачерпнутые из самих русских глубин (ну, фамилии-образы – в традиции отечественной литературы; это Алексей Пешков, ставший Максимом Горьким, или, наоборот, Борис Бугаев, ставший Андреем Белым).

Что же значит собственный, подчеркнуто русский, писательский образ в глазах самого Прилепина?

Ведь не только известнейший критик Бондаренко преподносит его как нового Распутина, а и Капитолина Кокшенёва, написавшая о Распутине как о писателе, олицетворяющем все высокие смыслы русской литературы, создав Гражданский литературный форум, доверила ему

его наследия. Как после Черткова – появились и другие «темные».

Графиня хорошо понимает, в отличие от своих юных дочерей: с кем поведёшься, от того и на берёшься. Незаметно для себя подчас. И верно: Маша уже влюблена в «тёмного» Бирюкова, которого посадила в семью Толстых Чертков, а дочь Таня увлечена самим Чертковым, женатым, между прочим. С Чертковым дружит и сын Лев.

То есть, Софья Андреевна не за себя беспокоится, за детей, а вот Капитолина Кокшенёва в своей статье «Драйв и счастье Захара» (речь в ней идет о писателе Прилепине), в отличии от Софьи Андреевны, уже не хочет отделять «черненьких» от «беленьких», «темных» от «светлых». Её почему-то заинтересовала одна только животная энергия автора «Патологии»: «Этим крепким инстинктом жизни, принятием её всякой-разной, всякой-любой, кажется, и особенно привлекательно творчество Захара Прилепина...»

Ладно, Кокшенева – не графиня, но вроде бы к писателям и, тем более, читателям русские критики относились с высочайшей нравственной ответственностью, как и к своим детям. Представить русского критика в виде хозяина прибыльного притона я просто не могу.

А почему «драйв»? Зачем? Разве используем мы это слово в разговорах со своими детьми? Не есть ли и тут некая словесная патология? Ведь критик – доктор филологических наук – как бы кокетливо молодится, желая опуститься вровень с молодым писателем (родился в 1975-ом). И – зачем?

«Большой энциклопедический словарь» объясняет: «драйв» (в переводе с английского) означает движение, гонку, спешку, энергичную манеру исполнения в джазе, при которой достигается эффект нарастающего ускорения темпа, активной устремленности движения. Одним словом, «несёт».

Так куда же несёт Захара Прилепина? А вместе с ним и его героев, и читателей?

К. Кокшенёва объясняет свою симпатию к Прилепину очень просто: «...Здорово обновил современную русскую литературу. После придурков, которые ели свой кал; после мерзких старушечек Авдотьюшек, странного народа-уродца и рядом с припадочными извращенцами, дебилами, например, персонажами елизаровских «Кубиков», прилепинский герой выглядит положительным пределом литературному нигилизму и обладающим шансами противостоять анти-идеалу современной литературы».

Но когда вчитываешься в большую по своим объемам повесть З. Прилепина, так и хочется ответить критикессе словами Софьи Андреевны: «Ты привык всю жизнь водиться с подобной дрянью, но я не привыкла».

Захар всего лишь прилепился к новономенклатурной литературе с одного какого-то, самого отвратительного её бока. Сама же русская литература имеет тысячелетнюю богатейшую духовно-нравственную культуру, основанную всё-таки на православии. И потому не с руки нам радоваться, что герои Захара не кал едят, а всего лишь живут «всякой-разной, всякой-любой» жизнью, разлагаются прежде при жизни.

“ Если автор описывает ад, то где то Небо, ради которого стоит жить и вернуться домой живым? Где нравственный противовес низменному? ”

замуж, поставил бы её на большую социальную высоту, чем она была в своей семье, в своём краю.

Этот хеппи-энд вполне характерен для русской истории. Известно (да и из «Тихого Дона» Шолохова об этом можно узнать), что на дорогах семи или восьми русско-турецких войн наши солдаты и офицеры нередко подбирали турчанок-сирот, отвозили их в Россию и, воспитав на свой православный лад, женились на них. И они были хорошими женами. Обретали любовь.

Поверженный враг – уже не враг, так извечно считалось на Руси. Как говорил Пушкин: «И милость к падшим призывал...». Любовь – одно из имён нашего Бога, Творца. До этого понимания не поднимается ни язычество, ни модернизированное Западом христианство,

должность сопредседателя. То есть, поставила во главе некоего литпроцесса, сделала вождём, светочем.

Не сомневаюсь, что наша литературная молодежь тоже дрогнула, стала в Прилепине искать себе образец. Тем более, что пред этим образцом даже либеральное телевидение открыло двери, стало в его лице показывать стране истинно русского и, страшно подумать, оппозиционного писателя.

«Тут русский дух, тут Русью пахнет...». И все тут.

Но я, читая Прилепина, почему-то в первую очередь вспомнила о Софье Андреевне Толстой. Как она встревожилась с появлением в её доме первого «тёмного» человека, Владимира Черткова, от которого отказались даже собственные родители-аристократы, по сути, лишив

Неслучайно, наверное, комплиментарная статья К. Кокшенёвой не разбирает тексты «Патологии» подробно, по-цитатно. Цитировать Захара иногда невозможно: так много в диалогах-монологах мата. И потому критик даёт самые общие оценки повести: «Такой у него драйв», «Прилепин любит сильную жизнь», «Он возьмёт да и пройдёт по жизни жарким словом», «Он пришёл из России, а потому не хочет и не может жить вполпамяти и в полсилы».

Владимир Бондаренко тоже торопится вписать имя Захара Прилепина в общий ряд русских классиков, ставит его ведущим. Но почему? Не потому ли, что «роман не идеологичен»?

И тогда что же в нём остаётся?

Приведём цитату из самой «Патологии»: «...И я, до сей поры задумчиво и любовно обводящий пальцем её нежно-коричневый сосок, выпроставшейся из-под одеяла, грудки, пугался, что девочка моя проснётся и, шепча: «Тцц», опускает руку на её горячий, как у щенка, живот, где, блуждая любопытным мизинцем, задевал ласковый завиточек черных волос...» Это – внутренняя исповедь Егора.

Сладенько, как на порно-сайте, где вам за небольшую плату тоже предложат мысленно пошарить по горячим, по щенячьим животикам, а когда у вас потечёт сладкая слюна, задеть и виртуальный черный завиточек. Даже фотографию завиточка приложат.

Невозможно дать эту повесть своим и чужим детям. Не думаю, что Захар сам прочтёт её вслух своей подрастающей дочке. Не войдёт она по доброй воле педагогов никогда и в школьную программу. И нет в ней ничего русского, почвенного, хотя К. Кокшенева то и дело напоминает нам, что Евгений Лавинский, подстать своему псевдониму, произошёл на свет в какой-то черноземной деревне, такая, понимаешь ли, травинка с сельского лужка, кость от кости крестьянской, горшок печной от горшка печного.

Автор, полагая, что критикам его будет достаточно хитро придуманного псевдонима и официальной родословной, описывает любимую женщину даже и как-то... по-собачьи.

Его герой, лишенный души, убежденный, а значит, и мысли, всё-таки больше похож на животное, чем на человека. И в этом видится мне патология. Которую, кажется, не замечает и сам автор. Или – считает её некоей преодолённой «клерикальной» предрассудки нормой. Потому и не даёт ей никакого разумного объяснения. Он, можно даже сказать, в «Патологии» почти не рассуждает. Вместе с героями он живёт на плотско-чувственном уровне.

И, если Софья Андреевна, переписывая роман мужа «Война и мир», сообщала Льву Николаевичу, что от каждой строки она становится чище и лучше, что своей прозой супруг-писатель поэтически осветляет её душу, то «война и мир» героев Захара Прилепина душу и дух читателя опускают ниже пояса. Практически, до животного уровня. До уровня главного героя, Егора.

Вот как выглядит центральная часть сюжета повести: однажды омоневцы перепились до такой степени, что враг взял их тёплыми: кого-то в сортире, кого-то едва ли не в постели, и перебили их жестоко и беспощадно. И при этом Прилепин с героем своим сливается воедино, не умея над ним, над его глупым мальчишеским ухарством и грешками приподняться. Он и сам не думает, а только чувствует, на животном уровне сопереживая своему Егору.

Да, Егору страшно с первых же минут по прибытии в Чечню. Но и это тоже животный ужас. Его то и дело тошнит,

выворачивая, как загнанную собаку, и он не умеет справиться с этим нечеловеческим страхом. Непонятно ему, зачем он прибыл в Чечню. Наверное, можно было бы сюда и не ехать. Особенно – от любимой «сучки», как, не стесняясь, называет он свою милую, оставшуюся в его родном городе, в Святом Спасе. Не понятно и то, почему город, в котором живут «кобели» и «сучки», носит такое красноречивое название. Или наши предки были подобны писателю? В это уже не верится.

«Поджав под себя ножки, грудками на диване, Даша потягивалась... Совершенно голенькая. Какой же она ребёнок, господин, какая у меня девочка, сучка, лапа».

Если бы так описывал жизнь русского солдата, его деревенский дом, семью Лев Толстой в своих «Севастопольских рассказах», то над ними не плакала бы императрица, а Александр Второй не приказал бы найти переводчика, чтобы это произведение появилось и на французском языке.

Франция была нашим врагом в Крымской войне, которую мы не то чтобы проиграла, а, как пишет в своих мемуарах дочь поэта Фёдора Тютчева, Анна, постыдили завершить, заключив мир на невыгодных для нас условиях. Потому что

Какая может быть религиозная философия или хоть какая-то нравственная основа у того, кто изъясняется матом?

слишком уж жалко было терять добрых русских людей, лучших офицеров в этой, на годы затянувшейся, кровавой схватке.

Но «Севастопольские рассказы» должны были показать Европе нашу несломленную силу, умение умирать радостно, бесстрашно, ведь идёшь к Богу с чувством выполненного долга, – помня, что мы человечней, потому первыми завершаем баталию. Хотя, ещё чуть-чуть бы потянули войну, и получили бы многое из того, ради чего она затевалась. Так пишет Анна Тютчева, фрейлина супруги Александра Второго.

Но для героя Захара Прилепина Чечня – это что-то невразумительное. Как для какой-нибудь Новодворской. Хотя ради интересов своего народа Новодворская могла и пострадать. И потому Егор не может понять: «Зачем я всё-таки сюда приехал?» И потому с точки зрения Прилепина – патология, это когда нет любимой «сученьки», есть только «пацаны»-друганы, с которыми, вот уж повезло, можно жрать водку под каждым деревом. В общем, в собутыльниках он только и спасается...

А раз они воевать не хотят, то и не умеют (мы-то думали, что их наша либеральная власть постоянно предаёт). А раз не умеют и забывают всё, что умели, их и режут как баранов. А уж если они во мне, русском читателе, вызвали отвращение, то вызывают его и в местных жителях, которые их презирают, не считают людьми. Ведь у людей есть свой смысл жизни, есть идеалы, есть высокие принципы. Должны быть, вопреки мнению В. Бондаренко.

Так ли всё было на самом деле, как это изображает Захар?

Это на его совести. Но если он видит в человеческой недоразвитости и пьянстве главную беду нашего воинства, то где его авторское отношение к этому? Если он обнаруживает животное начало в человеке, то где духовное? Если автор описывает ад, то где то Небо, ради которого стоит жить и вернуться домой

живым? Где нравственный противовес низменному?

У одного солдатика мелькнул на груди крестик. Но только мелькнул. Другого прозвали Монахом за то, что учился в духовной семинарии и даже что-то проповедует главному герою. Но тот его не любит.

«Вот, скажем, Монах, – не курит, не шутит, он сидит на кровати, бессмысленно копошится в своём рюкзаке. Лицо его покрыто следами юношеской угревой сыпи. Он раздражает многих, почти всех. За безрадостный душевный настрой Язва называет его «потаскуха» – от слова тоска. Кроме того, у Монаха всё валится из рук, – то ложку уронит, то тарелку, – что дало основание Язве называть его «ранимая потаскуха». Утром Монах, спускаясь по лестнице, упал сам, и Язва тут же окрестил его «падучей потаскухой».

Этих литературных героев Ф.М. Достоевский наверняка бы назвал случайными людьми. Есть у него такое понятие – «случайное семейство». То есть такое, которое не столько создавалось волей и любовью двух людей, сколько сложившимися обстоятельствами, которым они, безвольные, не имели возможности противиться.

Не умеют такие люди подчас проти-

вить и разводу. И войне. Их всегда несёт – случайными течениями жизни, как какие-то щепки, а не людей с волей, умом и душой. Несёт. И чем ближе к концу, тем сильнее и безумнее крутит.

Вот и Монах выходит из-под пера автора квёлый, почти безвольный, безотносительно глубоких убеждений и едва ли не с суевериями вместо веры. Как будто в семинарию его ветром случайности занесло, как и на войну. У него есть вера в Бога, но нет жизни, вытекающей из этой веры. И уж, конечно, он не православный. Не любит войны, насилия как какой-нибудь пацифист-сектант, а между тем прибыл в Чечню.

Говорит: «Бессмысленно бороться со злом – на всё воля Божья», как будто не знает, что Бог дал человеку такую же волю, как у Него самого, и потому в свободе волеизъявления он подобен образу Божьему. Поэтому есть и такое зло на свете, какое идёт от людей, от сатаны, от бесов. Есть и люди – носители бесов и сатанинской воли. Так как же им не противиться? Тогда бы и Куликовской битвы не было. Бог может попустительствовать злу, то есть временно, но только до тех пор, пока человек не начнёт молиться и искренне просить о помощи, набираясь силы от Бога.

Но Захару Прилепину надо словно бы доказать читателям поражение христианской догматики, и его главный герой легко побивает Монаха дешёвой демагогией: «Если на всё воля Божья, так ты не умывайся по утрам: Бог тебя умоет. И подмоет. Не ешь, он тебя накормит. Не лечи своего ребёнка, он сам вылечит». И Егор делает самодовольный вывод: «Я просто чувствую, что гнев мой не напрасен».

Фраза прозвучала, красивая фраза, горделивая, но она не имеет развития, выхода в жизнь. **Не холоден и не горяч Егор.**

Не подумайте, что он прибыл на войну, чтобы защитить свою Родину. Что у него есть четкое преставление о том, ка-

ким ради этого надо быть или стать. У него разорванное сознание, в котором нет твердых правил и точного следования им. Нет принципов, которым он изменить не может. Да и какая может быть религиозная философия или хоть какая-то нравственная основа у того, кто изъясняется матом? Какое благоговение перед Богом? Он что и молится, матерясь? Понятно, на войне как на войне. Не цветы солдаты нюхают на полях сражений. Но, честно говоря, в «Севастопольских рассказах» Толстого война куда более страшная, чем у Прилепина.

Если Егор действительно «гневаётся» на бандитов, то почему не несёт хотя бы трезвой вахты? Почему так быстро соблазняется очередной дозой, очередным стаканом, бутылкой? Перед роковым утром, когда полегли почти все его дружки-собутыльники из таких же бедолаг – командировочных, как он сам, все перепились до того, что стреляли с крыши школы-казармы, не выбирая цели, над ночным городом и по ночному городу. Просто сходили с ума. Пьют до рвоты, до того, что валяются на койку в грязных ботинках, себя не помня. И охрана, дозор спит. Стадо баранов.

«Потанцуют?» – Кизяков и Плохиш начинают странный танец вокруг костра. Подняв вверх руки, ритмично топя берцами. Пацаны посмеиваются. – Буду погибать молодым! – начинает читать рэп Плохиш в такт своему танцу. – Буду погибать! Буду погибать молодым! Буду погибать!... – кричит Плохиш. «Буду погибать молодым! Мне ведь поеб...ь, – кричат пацаны».

То есть бойцы, прибывшие в Чечню вроде бы ради выражения своего «святого гнева», такие же дикие, как и противостоящие им головорезы. И тогда зачем им, похожим друг на друга, друг друга убивать? Это, что ли, желает показать нам «лидер своего поколения» Захар Прилепин?

С таким же ёрничеством ищут в повести и несколько «бойцов», которые с утра укатали на машине за водкой и пропали. Те, кто их ищет по всему городу, подъезжают к очередному блок-посту и издевательски спрашивают: «Вы не видели машину с тремя бойцами, которые с утра укатали за водкой и не вернулись?»

От такого воинства больше вреда, чем пользы. Они и себя губят да позорят, и товарищей, и всю свою империю. Не из-за них ли противостояние и длится уже полтора десятка лет? Не такие ли пьяные ухари пропускали в Москву грузовики с гексогеном? И сами себя сделали «пушечным мясом», и в такое же «мясо» превращают других, мирных граждан.

А вот и проявление чувств к врагу: «Пуля попадает в переносицу (чеченцу-И.Р.) На рожу Плохиша, стоящего возле, как будто махнули сырой малярной кистью, – всё лицо разом покрыли брызги развороченной глазницы. «Тьфу, бл...! – ругается Плохиш и оттирается рукавом... Санька Скворец, отвернувшись, блюёт не переваренной килькой. Уходим. Плохиш крутится возле машины. Я оборачиваюсь и вижу, как он обливает убитых чеченцев бензином из канистры, найденной в грузовике... Через минуту он, довольный, догоняет меня... Оставшиеся возле корпусов отделение, выстроило восемь чеченцев у стены... Чеченцы ни о чем не подозревают, стоят, положили руки на стены. ...Шея махнул рукой. Я вздрогнул. Стрельба продолжается секунд сорок... Подбежал Плохиш с канистрой, аккуратно облил расстрелянных. – А вдруг они не... боевики? – спрашивает Скворец у меня за спиной. Я молчу. Смотрю на дым. И тут в сапогах у расстрелянных начинают стрелять патроны. ... Ну, вот, и отвечать не надо... Парни, шашлыкку

не хотите? – это, конечно, Гоша сказал».

А вот что говорит им командир: «С почином вас, ребята! – Все ждут, что Семёныч скажет. Ну, Семёныч, ну, родной! – Десять бутылок водки на стол! – Ура!»

За этим они, видимо, сюда и приехали. За шашлычком после расстрела и водочкой после сожжения вражьи трупов. Совсем по-язычески.

И опять текут слюны у главного героя: «Водка, чудо моё, девочка. Горькая моя, сладкая. Прозрачная душа моя».

Ну, прям булгаковский Клим Чугункин! Та же самая поэзия.

Когда Егор обращается к друзьям, называя их «б...», они даже не обижаются: привычные. Разговор между ними в основном в балаганном тоне. И женщины для них, если не собачьего рода, то и не человеческого.

«Егор, ты пойми, вот ходят все эти существа, на них трусики одеты, тряпочки всякие... грудки свои девочки несут... попки... и у каждой из них, подумай только, у каждой, ни одного исключения нет, – между ног вот это розовое... серое... прячется, – Саша слотнул слюну. – Это ведь божий дар, то, что у них это есть... А девушки, Егор, все девушки им торгуют. Балуются им, этим даром. Не так торгуют, чтобы б...ть, а просто разменивают, как папуасы... на всякие побрякушки».

И точно, Егор вспоминает, как любимая девушка однажды его «обрадовала», сообщив, что у неё было 26 любовников. И только это, наверное, для К. Кокшенёвой и В. Бондаренко свидетельство сильной плоти, и сильной личности, способной к продолжению рода.

И спрашивается, какую правду пришли защищать на Кавказ своим животным «гневом», своей грубой животной плотью и своими сексуальными фантазиями эти недоразвитые солдатики? Что они со своим узким, селедочным сердцем и скудным умишком принесли в Чечню? Какую культуру? Какую веру? Во что? Какую правду? И разве не смотрят на них и не видят их души, их действий сами чеченцы? Да если бы такие «пацаны» пришли на мою землю и на ней стали развратничать, я бы сама взяла в руки автомат, чтобы их повывести, как нечисть.

И как это пьяное животное воинство, без души, без священной любви к дому родному, можно ставить в один ряд с писателями-фронтовиками? Если мой дед выжил, завершив войну в Кенигсберге, то потому, что он в Бога верил, и каждый день ему молился. И не пришёл он с войны алкоголиком.

А когда «взлетают в крытые брезентом кузова» герои повести З. Прилепина, он думает: «Истерика... Нас везут на убой».

Кому нужна такая литература?

Нет и драйва в этой трусости и мерзости напоказ. Если только у кого есть извращенный вкус к драйву, выраженному в том живописном желудочном расстройстве, которое напало на русских бойцов сразу после прибытия в Чечню. Причём, на всех сразу.

Мы уже не столь наивны, чтобы не знать, что в технологии одичания русского человека были вложены средства куда большие, чем было бы достаточно для его процветания и духовного развития.

Мы уже не столь наивны, чтобы только-то и плакать над судьбой лермонтовской Беллы, этим чистым и прекрасным «растением» в длинном платье и чадре (говоря «растением» только потому, что родной братец относился к ней, как к товару, а новые её братцы относятся к ней как к одноразовому средству транспортировки взрывчатки в Домодедово, в московское метро, к бесланским школьникам и т.д.).

Но и не так мы ожесточены и ослеплены двумя войнами с бандформированиями этой маленькой республики, кровью в Москве, чтобы лишиться её человеческого образа, чтобы забыть, что в каждом человеке есть образ и подобие Божье.

Сила русского человека всё-таки не в «праведном гневе» и выворачивании себя наизнанку, во всей, накопившейся в иных людях, дряни. А в другом – в умении быть «старшим братом». Стать неким уравнивающим разныи стороны центром, который не имеет права быть самым разгневанным, самым яростным, самым сумасшедшим среди остальных. Как говаривал самый «страшный» символ Российской Империи, всесильный обер-прокурор Святейшего синода К. Победоносцев (эту должность он занимал 25 лет): «Мы можем отнять у подвластных нам народов всё, кроме того, в чем они мыслят себя стоящими перед Богом».

Я бы еще и не решилась ссылаться на русскую историю и русскую классику, на литературу нашего фронтового поколения. То было другое время. И – откуда мне знать внутри своего Садового кольца, кто там сегодня в Чечне предстал в великом образе русского воина, в образе нашего не менее героического брата чуваша, башкира или татарина? Может быть, не только русскому и российскому воину, а и писателю русскому уже неоткуда взяться? Может быть, уже ничего и никого от русской православной цивилизации не осталось, и Бондаренко с Кокшеневой просто идут вслед за «всякой-разной, всякой-любой» Россией, ей, потерявшей не по доброй воле ум и душу, обреченно, утешения ради («да, да, ты тоже, Захарушка, хороший козлик») подыгрывая?

Но откуда берутся такие писатели, как Василий Дворцов с его даже не придуманными именем и фамилией?

Он тоже обратился к теме кавказской войны, но не переступил черту человечности и здравого смысла, хотя и по-своему переиначил историю лермонтовской Белы в своей повести «Тогда, когда случится...»

Герои повести В. Дворцова – реальные, живые люди. Они разного возраста. Есть поопытней, есть помоложе. Есть те, кто приехал сюда для того, чтобы заработать, немного поправить своё материальное положение. Ведь они, в отличие от Печорина, доходных имений не унаследовали.

А есть среди героев В. Дворцова те, кто всё ещё бредит романтикой Кавказа, лермонтовской поэзией. Это Славка. Перед командировкой в Чечню он чита-

ет невесте «Демона». И когда ему встретилась уже там, на опасной территории, милая девушка-подросток, которая начинает приносить ему записки, и даже приглашает на свидание, он на это свидание приходит. Из любопытства. Естественно для молодого человека. Как же, Лермонтова начитался. Голова кружится. А вдруг... Ох, широк русский человек...

Лишь опытные бойцы знают, чем чревата эта мечтательность. Да, Россия прикормила Чечню, чтобы она немного притихла. Но это не значит, что уже не видит в русском человеке врага. Бандиты растворились в стане «мирных» чеченцев, притворились ими, да ещё тянут с нас деньги.

Новоявленная «Бела», лет 15-ти, на самом деле ненавидит Славку. Но улыбается ему, как другу. А записки вместо неё пишет один из чеченских бандитов. Пишет и хохочет, презирая нашу русскую мечтательность, русскую привычку всех судить по себе. «Бела» заманивает Славку в западню. Заманивает на погибель, потому что она – «мехкари», девочка, взявшая на себя обязанности воина. Ведь у неё нет братьев. Она сознательно «совершила свой подвиг» – «принесла добро тейпу», чтобы иметь право выйти замуж. Да откуда было Славке это узнать?

А враг, когда Славка оказался в его руках, сначала отрезал ему уши, потом

Как свидетельствуют архивы, «укушались» тогда, перед последней битвой, не наши десантники, а их враг.

удалил глаза и язык. А потом перевернул на живот, чтобы он, «русская свинья», не захлебнулся своей же кровью: требовалось, напоследок, отрубить ему ещё и палец с обручальным кольцом.

«...Милиционер и Лермонтов. Это какая-то неправда. Недоразумение, которого не должно быть», – пишет В. Дворцов. А чтобы не просто разрыдаться от этих простых слов, а и написать, рассказать, что за этими словами стоит, добросовестному литературному критику, умному историку надо написать куда более объёмную работу, чем повесть талантливейшего русского православного писателя Василия Дворцова «Тогда, когда случится...»

Ладно, Василий Дворцов где-то по сусекам сибирским был слеплен Господом из последних остатков русских. А куда деть Евгения Родионова, который не только в литературе засиял своим ликом (например, пронзительный рас-

сказ Николая Иванова «Золотистый-золотой»), но и с иконок в наших православных храмах?

Ничего не значит для Захара Прилепина и его опекающей Капитолины Кокшеневой подвиг псковских десантников. А они были и есть среди нас. И кто может сказать, что они совершили свой подвиг, прибыли в Чечню, не принеся в своём сердце образ милосердного Бога? Что они погибли, потому что перепились? Что они были всего лишь «кобелями», а их жёны и невесты – «суками»?

Когда я приехала в Псков, псковичи в первую очередь привели меня в музей своих новых – псковских – героев. Огромное помещение. А все стены украшены лицами, одно другого краше. Чем не иконостас? Такая чистота в каждом взоре, такое прозрение Истины! Слово само Небо готовило их к Подвигу. Слово Оно и послало их к нам для укрепления нашей веры в себя и в Россию.

А, как свидетельствуют архивы, «укушались» тогда, перед последней битвой, не наши десантники, а их враг. Сколько шприцев с наркотой нашли потом на месте стоянки бандитов! Им потребовалось укрепить себя героином. А нашим десантникам – хватило молитвы. Смотришь на их личные вещи в музее, на их портреты и веришь, что однажды и они взойдут если не чудом мироточения, то обыкновенными, обыкновенной типографией изготовленными книгами таких чудесных писателей, как Василий Дворцов. Для нашего духовного укрепления.

Нам скажут: это – уже маргиналы, которые не знают, что почем в этом мире. А мы «бренд» русского писателя никому не отдадим даже и в своем уже современном, уже в товарном, а не духовном значении (так, по крайней мере, грозилась Кокшенева на сайте «Российского писателя»).

Но что для нас может значить мнение желающих поиграть в «национальное самоотречение» – конечно, за определённую мзду, за возможность попасть в число «гениев современности» (это тоже слова Кокшеневой)? Захар Прилепин был открыт фабрикой радикального либерала Сергея Филатова. А сколько бы фабрик ни создали наши сатанисты-либералы, сколько бы ни произвели они своей смердящей продукции – нам достойнее жить не среди их рукотворной мануфактуры, а в мироздании, дарованном нам Господом.

Я, скажем так, с уважением отношусь к критику Владимиру Бондаренко, который всегда утверждал, что настоящая литература та, которая «на слуху». И я с сочувствием отношусь к Капитолине Кокшеневой,

которая до последних дней Владимиру Бондаренко возражала, а потом вдруг его обогнала и знамя у него отняла. Помня, как Лев Толстой, у которого французский журналист спросил, как он, автор «Анны Карениной», относится к фигурантке их судебного процесса над дамочкой, бросившей детей и мужа ради нового увлечения, сначала фигурантку сурово осудил, а затем прислал письмо с просьбой её все-таки пожалеть (цитирую Толстого по памяти: «силен же дьявол, заставивший мать и жену забыть о своем нравственном долге»), так и я никогда не решусь Капитолину Кокшеневу упрекнуть.

Да и Захар Прилепин, заливший свою память о выпавшей на его долю исторической «командировке» в Чечню водкой, надеюсь, однажды поймет, что судьба не военная, а столичная и всего лишь писательская, кабинетная, таит в себе куда более жуткие, хоть даже и не кровавые, трагедии. ■

→ Анна БАГРЯНА

УКРАИНА, КИЕВ

Окончила магистратуру Института филологии Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко. Автор нескольких поэтических сборников и драматических произведений. Переводчик с болгарского и польского языков.

Лауреат международных литературных премий. Председатель Объединения поэтов Киевской организации Национального союза писателей Украины.

ЭТО ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО ТАМ...

Это приблизительно там,
где Богу не хватило нитей,
где земля, не пришитая к небу,
болтается,
будто оторванная лапа
плюшевого мишки -
чужого детства частица.

Это приблизительно там,
где господняя рука
не прикасается
к тени одинокого дерева
срубленного человеком
накануне Праздника.

Это приблизительно так,
будто солнце становится на колени
и прощения просит
у тебя,
у меня
за то,
что слишком поздно
согрело
наши сердца.

ПРЯЖА

Дергаю небо за белое облако -
тоненькая струйка света
вытекает между пальцев,
белая нитка становится золотой,
отправляется в путешествие
к горизонту.

Там, за горизонтом,
Ты
созерцаешь,
как
белое облако
тает и уменьшается,
и вдруг совсем исчезает.

Ниточка золотая,
путешествуя
к Твоему сердцу,
просится,

О своей таинственной пряже,
кроме Тебя,
мне некому поведать.

Подарил паруса -
ветра не стало.
Подарил лодку -
высохло море.
И только крылья
не отважился
подарить.

Можно в каждый карман Поэта
положить по телефону.
Но все равно это не спасет его
от одиночества.

→ Юлий ХОМЕНКО

АВСТРИЯ, ВЕНА

Автор нескольких поэтических сборников и многочисленных публикаций в журналах. Участник поэтических антологий. Член Союза писателей Москвы.

В старых домах поселяются сказки,
Там, где окно без стекла и замазки,
Там, где полы без паркетов, ковров,
Двери - не двери и крыша - не кров.

В старых домах поселяются боги,
Парят простуженно старые ноги
В старых железных и ржавых тазах,
Где нас купали в тридцатых годах.

В старых домах поселяются птицы,
Псы без породы и нищие принцы.
Нам не забыть их заброшенной тьмы -
В их паутине запутались мы.

СААМИ В МОСКВЕ

Морщины лиц, затянутые в узел...
Они брели, чем старше, тем кургузей,
И бились о метро, о скользкий вход,
Как рыбы, выброшенные на лед.

Они потом сидели на вокзале,
Они к вокзалу будто привыкали.
Косые плавники саамских глаз
Виднелись в полыньях вокзальных касс.

Когда ж по ним соскучились олени,
Они ушли, как с лежбища тюлени.
Но над Москвою, ночью, видел я,
Еще горела рыба чешуя.

Шуберт писал удивительно просто,
Сей толстячок невысокого роста,
Сей сладкожежка в очковой оправе
Пишет и пишет, и толком не правит.

Выглянет в форточку - день или что там?
Катит ли почта к тяжелым воротам,
Или плеснет, в вышине проплывая,
Горных форелей хрустальная стая?

Пишет и пишет, и толком не знает,
Что, не спеша расширяясь, сквозная
Рана его облегчает доставку
Звездных материй в суконную лавку.

Небо над Веной, как правило, серое.
Вена сильна католической верою.
Ходишь, любуясь, и думаешь: что ль она
Серой монашеской рясой зашторена?

Все же бывает, что улицы венские
Солнце ласкает, как прелести женские, -
Если сперва от подола до ворота
Ветром-охальником ряса распорота.

Каждая крыша пытается небо поймать.
Трубами, разными архитектуры виньетки.
Даже антенна, что тоже нетрудно понять,
Плюш этот синий цепляет колючими ветками.

Не говоря о деревьях, что будут весной
Все одеяло небес на себя перетягивать,
И в заскорузлом дворе, и в чащобе лесной
Трогать шершавую глуть
и от этого вздрагивать.

→ Настя ЯСНАЯ

РОССИЯ, МОСКВА

Пишет стихи и песни. Член Союза писателей России и Международной ассоциации писателей и публицистов. Награждена медалью А.П. Чехова в 2011 году.

Слова - опавшие листья,
Их подметет дворник.
У счастья походка лисья.
Зима на часах, вторник.

Застыло в прихожей утро
И мнётся, войти не решаясь.
У утра шаги будто
твои, их расслышать пытаюсь...

Зависла душа в лифте,
В пути на седьмое небо.
Пора нам с тобой выйти,
И первым лететь снегом.

В глазах твоих тает лето.
Весна на губах уснула.
И бродит любовь где-то,
Где небо землю качнуло...

Голая осень дрожит и намокла.
Прячет лицо от шального дождя.
Сбросила листья, стоит... и умокла.
Белая грудь и босая ступня!

Ветер кленовые пряди разносит,
Прелести девичьи не тая.
Жизнь обнажилась, вонзилась и просит
Голую правду, где голая я...

ОСЕНЬ

Сегодня в восемь наступит осень
И будет молча смотреть в окно,
И взглядом карим
Ты будешь ранен,
Но только осени все равно.

Она не ответит,
Тебе не ответит,
Ни здесь, ни где-то в другом краю.
И даже если ты станешь лесом,
Она лишь сбросит листву твою...

Сегодня в восемь наступит осень.
Она не станет тебе звонить.
И можешь верить или не верить,
Но с первым снегом ей уходить...

Что есть литература? Что есть жизнь? Каким должен быть писатель? Как сохранить талант? Время идет в размышлениях, в постороннем, временами ненавистном, труде, который должен «прокормить» эти размышления, в работе над рукописями, в горьких наблюдениях за так называемым «литературным процессом»... Раздаются премии – в десятки тысяч долларов – кому? за что?; на экране телевизора Михаил Швыдкой калякает то с Львом Аннинским, то с Баклановым, то с Чуприниным, и все они счастливы и благополучны; Александр Кушнер публикует в «Новом мире» стихи «Третья платформа»:

*Не Вырица даже, а третья платформа
За Вырицей. Что за название: «Третья
Платформа»? Увы, не хватило на эти
Платформы названий – и стали, как норма,
Привычны затерянность и неудобство.
Я даже подумывал новую школу
В поэзии так окрестить – и сиротство
Ее подчеркнуть, новизну и крамолу...
Пишите как хочется! Нет ни литфонда,
Ни дач государственных, ни государства,
На просеку выйдешь – до горизонта
Глухое, родное, еловое царство,
Народ, выпивающий в праздник и в будни,
Вон в мшистой канаве лежит представитель.
Прекрасная школа! Чем школа безлюдней,
Тем лучше: ты сам ученик и учитель.*

Неужели это и есть жизнь? Неужели это и есть литература? Если это литература и жизнь, то мы (не одна же я такая!) живем в совсем другом, как бы не существующем мире, и временами хочется писать книги, не показывая их никому, ни одному человеку из этой шумливой, прожорливой, суетливой литорды. Временами хочется, чтобы тебя не знали. Совсем. Есть тайна красоты, и если она тебе приоткрылась хоть краешком, сколько счастья приходит в жизнь! Так пусть же те, кто не знает этой тайны, живут своим довольством, а мы будем жить нашим счастьем! Главное – написать, а не напечатать. Всё – так. Но почему же горько, а не радостно, когда читаешь чужую бездарность?

Потому что нормальный писатель должен чувствовать ответственность за свой дар (пусть и небольшой), за свою родину, за всю жизнь, которая вокруг него. И не надо молчать, быть «выше». Я живу у себя дома, я люблю Россию, я хочу, чтобы на наших литературных нивах зрели колосья, а не торжествовал чертополох, и мне для того, чтобы писать, не надо ни разрешений, ни благословений Кушнера.

В чем состоит суть воспитания детей, воспитания человека? Детей надо так воспитывать, чтобы они смогли добраться до счастья. Потому что при всей разности понимания, состояние счастья – это то состояние, которое ни с чем не перепутаешь. Только счастье может примирить человека со смертью. Я счастлив, значит, моя жизнь состоялась. Значит, уходить не так страшно.

Счастье невозможно без чувства любви и чувства родины. И вот я еду – небо высокое-высокое, поля – широкие, леса, лесочки и перелески, деревеньки и кладбищенские оградки... Это моя родина – я у себя дома. А по равнине – ветер. От него серебрится тополь у моего двора. Ветер – летит и стонет, стонет и летит. Не от того мне грустно, что никогда мне его не догнать, а оттого, что вдруг я не сумею, или не успею, или струшу о нем рассказать...

Говорят, что писатель отражает время. Это так, и не так. Писатель, по-моему, должен искать истину в любом времени и писать о ней. Говорить о главном.

*Родина моя, земля святая,
Иволги, кукушки, соловьи,
Лебедой забвенья зарастают
Избы деревянные твои.*

Чтобы не писал литератор, и о ком бы он не писал – о тете Даше или о Чубайсе, и о чем бы он не писал – о планете Марс или о покосившихся избах в Кос-

Два мира

Мы не можем быть «демократами» и «плюралистами» в литературе

тромской губернии, везде он пишет прежде всего о себе, он открывает свой мир для себя и для других. Нет, я не сравниваю кушнеровское философствование «чем школа безлюдней, тем лучше» и стихи Валентина Сорокина: «Родина моя, земля святая!» Есть вещи просто несопоставимые. И поэтические миры Кушнера и Сорокина сравнивать нельзя, как нельзя сравнивать голову Швыдкого и бюст Сократа, недвижимость покойника и сосредоточенность солдата перед боем. Нужно просто показывать разницу. А сравнивать надо стихи Кушнера и Андрея Дементьева.

*Поменяв российский беспредел
На хороший климат и провизию,
Улетаю из Москвы*

в провинцию,

*Чтобы оказаться не у дел.
Не у дел моих старинных дружб,
Без которых жизнь так одинока.
Ты всю эту музыку нарушь
С незаметной хитростью*

Востока.

*И когда я по стране несусь
На своем выдавшем виды «форде», –
На моей выдавшей виды морде
Лишь одно отчаянье и грусть.*

Пусть читатель сам решит, чьи стихи – Кушнера (Санкт-Петербургские) или Дементьева (Иерусалимские) лучше. Разве поэты виноваты, что и в России им в духовном смысле «пустовато», и в Израиле тоже как-то грустно? Стихи – «гостевые». И можно было бы простить «гостям» их заблуждения по поводу ценности создаваемой ими духовной «провизии», если бы их поведение, публикации, тиражи, премии, ордена, телеэкран не были такими самоуверенно-хозяйскими. И потому мы ничего не будем прощать. И никому.

Что мы видим? И у Кушнера, и у Дементьева есть рифмованные строки, есть ритм, есть слова, расставленные в определенном порядке, но нет образа, а значит, и нет стихотворения. Пустота безлюбия.

Атеист и верующий, подлец и праведник, Маркс и Достоевский совершенно по-разному трактуют мир, поступки, течение жизни. И в атеистическую схему современный мир укладывается гораздо охотней, чем в религиозную. Атеизм и материализм объясняют всё, кроме одного – чуда. Чуда любви. Причем не какой-то абстрактной, «к человечеству», а к конкретному человеку, в котором сосредоточен весь мир. Каждый, к кому приходила любовь, скажет, что это

чудо, причем совершенно нежданное и незаслуженное, счастье сверхмерное, райское. Как? За что? Нет объяснения. Ну, не будут же говорить, что в крови появляются особые вещества или что гормоны играют и т.д. Любовь – чудо. И только осознание этого чуда в религиозном смысле позволяет продлить блаженство. Какая тревога у Есенина, какой крик, какая тоска по любви, по откровению!

*Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?*

Но и художественная проза (я уж молчу про поэзию) – это чудо, природу которого разгадать невозможно! Вот ты сидишь за письменным столом, и – ничего, в душе тишина. Но стоит тебе выйти из дому, сделать шаг, вдохнуть свежего воздуха, посмотреть на родное небо – без всякой «творческой» мысли – и что-то соединяется в тебе, начинает работать, образ мгновенно делается живым. И каждое движение, взгляд, поворот головы – все это добавляет жизни образу.

Возьмите Есенина, любое стихотворение, наугад:
*И тебе говорю, Америка,
Отколота половина земли, –
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!*

Какая воля, какая уверенность в слове, какая пророческая правда! И разве сегодня Америка – не отколота половина земли?

Возьмите Бориса Корнилова:
*Эти вовсе без края просторы,
где горит палисадник любой,
Нижний Новгород,
Дятловы горы,
ночью сумрак чуть-чуть голубой.
Влажным ветром пахнуло немного,
легким дымом,
травую сырой,
снова Волга идет, как дорога,
вся покачиваясь под горой.*

В каждой строке – предчувствие любви, сильной, чистой, юношеской. И как залог силы, победительности – Волга-дорога, просторы без края, сумрак, ветер...

Дмитрий Кедрин:
*Серы, прохладны и немые
Воды глубокой реки.*

↔ Лидия СЫЧЕВА

РОССИЯ, МОСКВА

Автор нескольких книг прозы и публицистики. Главный редактор интернет-журнала «МОЛОКО» («Молодое око»). Лауреат международных литературных премий. Член Союза писателей России.

Тихо колышутся шлемы,
Смутно мерцают штыки.

Смерть, ход, «шаг» истории, река Лета и буднич-
ный пейзаж – умрут многие. А всего – четыре строки!
И возьмите Андрея Вознесенского:
И никогда б в мою жизнь не вошла
Ты, что зовешься греховною силой –
чисто, как будто грехи отпустила,
дом застелила – да это ж волшба!

Вот и вся «волшба»... Волшба, а чуда нет! Но как
вся эта мертвая «волшба» сглаживает, ворует, топит
впечатление от стихов Есенина, Корнилова, Кедрина!
И мы не можем быть «демократами» и «плюралистами»
в литературе! Мы можем быть только несоединимыми,
несопоставимыми, несмешиваемыми мирами, по-раз-
ному понимающими и литературу, и жизнь, и талант,
и призвание. И не будет никогда никакого «объеди-
нения». У нас разные дороги: одни все время в гору
с грузом беды и счастья, другие – с горы, набив кар-
маны пастернаковскими, буковскими, триумфом-
скими и прочими ворованными премиями-доллара-
ми. Помочь друг другу мы, увы, ничем не можем...

Все попытки литературоведов, структуралистов,
лингвистов, философов «разобрать» образ, символ,
разъять его, развинтить – совершенно безнадежны.
Я не говорю, что эти попытки не нужны – исследуют
же физики атомное ядро, расщепляют его и проч. Но
от собственных исследований они же потом и ужаса-
ются – от беспощадной атомной бомбы, например.

«Разъятие» образа порождает информационные,
словесные «бомбы» – рекламу, политагитки, лжели-
тературу, состряпанную по рецептам-шаблонам. Все
это – другой мир. Мир мертвечины, мусора, пустой
жизни. Я люблю – это значит, я ничего не знаю, при
всем моем старании, ежедневном, кропотливом –
познать мир, природу образа, стиха, прозы. Я люблю
– это значит: я чувствую. Безрелигиозность есть
бесчувственность; ведь образ создается только при
участии чувства; нет чувства, и образ не будет жить,
даже если в него вложишь всю свою эрудицию, фан-
тазию и старание. Бог – чувство – помогают творить,
всякое творчество и есть продолжение дела Божьего

на земле. Человека (а не биомассу, не электорат, не
зомби) волнует то, в чем вложено сильное чувство.

Литература не менее точна и беспощадна в своем
оружии, чем физика, но есть «завесы», маскирующие
ее «убойную силу», и есть отсроченность результата.
Но сколько бы физики не истязали атом, а биологи
не плодили клонированных двойников, сколько бы
лингвисты не пытались «развинтить» образ, ничего не
выйдет. Почему и работы настоящих писателей (по-
этов) по этому поводу намного умнее всех ученых –
взять хотя бы Есенина («Ключи Марии») и сравнить
его с изысканиями Лосева.

Почему же образ не может быть до конца раз-
ъят и понят? Образ – это чудо, образ – это Бог. Мы
говорим: «Образ Его». Творчество, и жизнь вообще,
есть различие добра и зла в самых мельчайших
проявлениях. Так и появляется «рисунок жизни», да
и произведения тоже. Мы идем, и все время выбира-
ем светлую сторону; и не надо бояться, что не будет
тени, и что произведение напишется «одноцветным»
– мы не святые. Главное, быть честным – и тогда пе-
ред писателем будет ежедневный очень тяжелый труд
по различению добра и зла.

Всякие мысли – даже самые смелые, умные, вся-
кие наблюдения – даже самые свежие, точные, всякие
догадки – это такая третьесортность по сравнению
с образом! Образ – чудесное слияние чувства, мысли,
движения, истории, тоски – он всегда объемный, дви-
жущийся, живой. Нет, никакой науке за ним не угнаться!

Итак, образ – это чудо. Образ – это Бог. Образ –
это любовь. Образ – это природа. И, наконец, образ
– это родина. Без глубинного чувства родины нет об-
раза! Нет любви, нет чуда и даже – нет Бога. Любовь
к родине – преодоление эгоизма, преодоление страха
смерти. Только родина делает поэта поэтом.

Пушкин:

И долго буду тем любезен я народу...

Лермонтов:

Люблю Отчизну я, но странную любовью...

Некрасов:

Родная земля! Назови мне такую обитель...

Блок:

О, Русь моя! Жена моя!

Есенин:

Звени, звени, золотая Русь!

Луговской:

Ах, Россия, Россия, зачем ты мне снишься?

Рубцов:

Тихая моя Родина!

Прокофьев:

Соловиное горло – Россия...

Сорокин:

Родина моя, земля святая...

Так о чем же мы толкуем? Кому и что доказываем?
Кому какие памятники раздаем?! Кому поклоняемся?
Для чего живем?! В чем же мы ищем счастье? Если
есть в жизни смысл, счастье к тебе придет. Но только
смысл этот должен быть очень высокий, по возмож-
ности вровень с теми вершинами, которые уже были
до тебя. И неужели всем нашим критикам-литерату-
роведам-аналитикам не понятно, что помимо всего
прочего, образ – это человек? Если не будет в писателе
красоты, богатства души, щедрости, чувственности,
многоцветия мира, трагизма, тоски, многоточности,
честности, праведности, отчаянности, мученичества,
любви, силы, добра – не будут его стихи и проза жи-
выми! Образ – это человек. Образ – это народ. Об-
раз – это жизнь. И единственная наша жизнь, такая
хрупкая и бесценная, должна быть красивой и силь-
ной. Неужели это непонятно?!

Счастье невозможно без чувства любви и чувства
родины.

Нормальный писатель должен чувствовать ответ-
ственность за свой дар (пусть и небольшой), за свою
родину, за всю жизнь, которая вокруг него.

Безрелигиозность есть бесчувственность; ведь об-
раз создается только при участии чувства; нет чувства,
и образ не будет жить, даже если в него вложишь всю
свою эрудицию, фантазию и старание.

Литература не менее точна и беспощадна в своем
оружии, чем физика, но есть «завесы», маскирующие
ее «убойную силу», и есть отсроченность результата. ■

ПРОЗА

↔ Евгения РУЗИНА ЛАТВИЯ, РИГА

Журналист, поэт, ху-
дожник. Публикует-
ся в периодических
изданиях. Работы де-
монстрировались на
коллективных верни-
сажах и персональной
выставке в Риге.

ПРО ЛЕТО

Слово ЛЕТО, конечно же, произошло от слова
проЛЕТать. Кто же сейчас не знает, как оно про-
летает: быстро-быстро! Но давным-давно, когда
лето пришло на землю в самый первый раз, про
него еще никто ничего не знал. Да оно и само не
знало про себя ничего: ни как его зовут, ни кто
оно такое, ни чем ему предстоит заниматься, ни
что с ним будет потом... Да что там! То, самое
первое на земле лето еще даже не догадывалось,
что оно однажды кончится!

То древнее лето было жарким и солнечно-гус-
тым, как мед, в который нападали мушки и листи-
тики.

Мушки и листики тоже ничего о себе не знали.
Одни кружили, другие шелестели. В общем, зани-
мались, чем попало, и ни о чем не заботились.

Они несказанно удивились, когда все это од-
нажды кончилось.

Неужели мне конец? – удивилось лето.

Значит, я пролетело? – подумало лето.

Почему жизнь так коротка? И лето разреве-
лось.

Бедное, безутешное лето! Оно не знало, что
еще вернется... ■

Человек мечтает: «Эх, если бы
я умел летать!»

У дерева другая мечта: «Вот бы
походить по земле!» – недаром
стволы многих деревьев ухитряют-
ся так изогнуться, что оказываются
совсем в стороне от того местечка,
где вышли из земли корни...

Но о чем может мечтать лужа?!
Самая обыкновенная, такая, до-
вольно-таки кривоватая, растека-
ющаяся после дождя лужа?

Вот в том-то и штука – что лужа
ни о чем не мечтает! Она отража-
ет сначала небо, а потом вообще
все подряд – дома, деревья, прохо-
жих... Вбирает все это в себя и ра-
дуется. Лужа наслаждается! Чем
это? – спросите вы. Она наслаж-
дается своей сбывшейся мечтой...

Человек свысока смотрит на эту
лужу и брезгливо обходит ее сто-
роной. Или еще хуже – швыряет-
ся в нее всякими камнями и пал-
ками...

Но если хорошенько подумать –
получается, что с лужами все не
так-то уж и просто!

Если подумать – сообразишь,
что их родина – то самое небо, о ко-
тором мечтает бескрылый человек!

Вот пригреет солнышко, лужи
начнут испаряться – и запросто
опять окажутся на небе!

Бывают на свете люди,
которые очень любят что-
нибудь «этакое» себе во-
образить... Только, пожа-
луйста, не путайте: не «о»
себе, а – себе. Без «О» –
понятно?! Это легко спу-

тат. Потому, что человек,
который любит вообра-
жать себе что-нибудь эта-
кое, заодно обязательно
любит сидеть где-нибудь
подальше от других, под-
няв глаза к небу, или к по-

толку, или – ну, в общем
куда-нибудь кверху...

Вот в этом-то вся и бе-
да! Когда смотришь вверх –
всегда заодно задирается
и нос. Сами попробуйте!
Теперь понимаете?!

Дети! Никогда не торо-
питесь дразнить «вообра-
жалой» того, у кого задран
нос! Сначала хорошенько
разберитесь – а куда он
смотрит? ■

О ЧЕМ МЕЧТАЮТ ЛУЖИ?

Сегодня ты на них смотришь
свысока. А завтра они снова забе-
рут на такую верхотуру – только
голову запрокидывай!

И вот там-то, на небе, у себя
дома, бывшие лужи опять начнут
мечтать. Но это не будут мечты
«о высоком». Наоборот! Это будут
мечты о том, чтобы снова про-
литься. Мечты о земле, которая
где-то там, далеко внизу. О чьи-
то смешных босых пятках. О кру-

жащихся в воде сосновых иголок
и случайных листиках... И, конечно
же – о том, чтобы отражать в себе
все подряд...

В следующий раз, если соберешь-
ся бросить камень в лужу, подумай:
а не лучше ли просто как следует от-
разиться в ней? Возможно, когда она
опять станет испаряться, она захва-
тит и твое отражение на небо... Мо-
жет быть, это – твой шанс, бескрылый
человек?! ■

ПРО ЗАДРАННЫЕ НОСЫ

Ирина КОНЯЕВА
ЛАТВИЯ, РИГА

Публицист, сопредседатель оргкомитета Дней русской культуры в Латвии.

«Что-то неизъяснимое произошло, и появилось почти забытое чувство радости». Подобными ощущениями делились разные люди, и глаза их светились. Вот эта полнота чувств, порождающая новые силы жизни, и стала, пожалуй, главным итогом Дней русской культуры, которые впервые за семьдесят лет прошли в Латвии. Громадной работой, большим напряжением и одновременно с какой-то необъяснимой легкостью была восстановлена традиция довоенной Латвии.

Проект, осуществленный в Латвии в конце мая–начале июня этого года уникален уже тем, что при всей своей масштабности у него не было «спиной». Ни у его истоков, ни в процессе подготовки программы, в которой участвовали около сорока неправительственных организаций, десятки творческих коллективов и около десяти тысяч человек в нескольких городах Латвии, не стояли, кого принято называть центрами силы – политической или какой-либо иной. Дни русской культуры в Латвии не финансировались ни одним фондом – ни латвийским, ни зарубежным. У этого проекта не было бюджета, а все расходы, возникшие в процессе подготовки, покрывались, как говорится, «с колес», из самых разных источников благодаря людям, которым сама идея возобновления старой традиции времен Первой Республики оказалась близка и понятна.

Пожалуй, главным итогом Дней русской культуры в Латвии оказалась неожиданная для многих способность русского мира к объединению. Причем к объединению в пространстве культуры – на самой высокой точке, которая находится намного выше привычной для западного сознания консолидации политической или социальной.

Может быть, это неожиданно – про-

водить Дни русской культуры в стране, где русскость просматривается в названиях столичных улиц, где у русских есть позеленевшие от времени надгробные плиты, а почти половина населения говорит на родном русском языке. Однако то, что идея возрождения Дней русской культуры оказалась такой насущной и востребованной, а с того момента, когда она впервые была публично озвучена, до практической реализации прошло меньше года, показывает, что все произошедшее не было безосновательным плодом чьей-то неумной фантазии или случайностью.

Голод на культуру

Первой неожиданностью стали переполненные залы, в которых звучало поэтическое слово. На презентации литературного сборника известного латвийского поэта Веры Панченко в небольшом зале Дома Черноголовых – бывшем купеческом особняке, а ныне красивейшем культурном центре Старой Риги – люди плотно сидели, стояли вдоль стен и везде, где только можно было стоять. На следующей день ценители поэзии толпились у входа на музыкально-поэтичес-

“ Итогом Дней русской культуры в Латвии оказалась неожиданная для многих способность русского мира к объединению.

кий вечер Международной ассоциации писателей и публицистов. Совершенно неожиданно откуда-то повеяло атмосферой, сохраненной воспоминаниями знаменитых поэтов шестидесятых годов уже прошедшего века.

«У нас голод на культуру». – словно оправдываясь, ответила на мой удивленный взгляд женщина, из тех, кто пришел послушать латвийских русских поэтов.

ЭТИ СВЕТЛЫЕ ДНИ...

Открытие Дней русской культуры приветствовал президент Латвии Валдис Затлерс.

Голод на культуру? В Риге? Кажется, это невозможно. Откройте русскую газету – и убедитесь, что уж в латвийской столице культурная жизнь точно бьет ключом – тут и фестивали, и гастроли, и премьеры. Но... все это сегодня – удовольствие не из дешевых, ставшее роскошью для очень многих людей, и этот, долгое время неизвестный нам голод вдруг проявился на фоне разнообразного коммерческого предложения.

Не только поэтические вечера, но и выставки, презентации различных книг, встречи с художниками и концерты привлекли в Дни русской культуры совершенно новый круг людей, которых прежде не видели организаторы многочисленных «междусобойчиков» для узкого круга ценителей искусства и изящной словесности.

Фантастический спрос на русскую часть истории Латвии выявили специалисты, которые проводили экскурсии.

Исследователи из Института русского культурного наследия едва справлялись с многолюдными группами, иногда по сто человек, и назначали дополнительные экскурсии, которые уже выходили за рамки Дней русской культуры. На презентацию книги и демонстрацию документального фильма о Петре Великом в Риге латвийского историка Игоря Гусева пришло столько людей, что сотрудники столичного кинотеатра «Рига» безо всяких условий дали дополнительный сеанс – и это несмотря на то, что вход был объявлен по пригласительным билетам. Паломнический отдел православной церкви дал дополнительную экскурсию в женский монастырь под Елгавой. Множество людей пришли на экскурсию в рижскую Гребенщиковскую общину, которую на один день открыли для интересующихся укладом жизни и историей старообрядцев. Восторженные отклики вызвал международный проект, соединивший светоживопись художника из Юрмалы Виталия Ермолаева, классическую музыку и гениальный текст Лермонтовского «Демона» в спектакле «И рай открылся для любви», где блистали приехавший из США актер Рустем Галич и известная латвийская оперная певица Элина Митина. Да разве все перечислишь!

«Я плакала, когда слушала стихи Петерса», – призналась после билингвального поэтического вечера поэтесса из Литвы Илана Эссе. – Я и не знала, что в Риге живет настолько талантливый человек». Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что известный латышский поэт Янис Петерс, которого русская публика больше знала как автора слов известных песен, написанных им вместе с Раймондом Паулсом, был заново открыт ею благодаря блестящим переводам Ирины Черевичник. Дни русской культуры стали тем мостком, который был переброшен к латышской культуре, а язык литературы и искусства оказался понятен и близок людям разных национальностей.

Ну, а если бы не было Дней русской культуры, – все это не состоялось? Бесспорно, и День славянской письменности и культуры, и день рождения Пушкина не остались бы без внимания. Но объединенные в один крупный проект, организаторы каждого, даже немногочисленного по количеству участников и зрителей культурного явления, ощущали себя частью большого дела, и, видимо, это возникающее почти забытое чувство единения создавало иное, очень волнительное восприятие и поэтического слова, и живописи, и истории. Эти чувства и выплескива-

На открытии Дней русской культуры в Латвии юный корреспондент из Рижской детской академии телевидения и радиовещания берет интервью у посла Российской Федерации в Латвии Александра Вешнякова.

В одном из красивейших культурных центров Риги – Доме Черноголовых проходили поэтические чтения.

лись через наворачнувшиеся на глаза слезы радости вдруг открывшихся сердец.

Долгая дорога к смыслам

То, что проект Дней русской культуры был донесен до общественного сознания, воспринят им и реализован без какого-либо заговора заготовленного ресурса в столь короткий срок, наводит на мысль о том, что он бы выстрадан и стал плодом мучительного поиска русским сообществом пути выживания и сохранения культурного своеобразия в условиях тотального переустройства жизни Латвии по западным лекалам. Эти лекала, при всей их внешней демократичности, не отводили какого-либо пространства для развития того типа мышления и восприятия мира, которое исторически свойственно русскому сознанию.

Все инструменты, которое придумало западное общество для достижения равновесного состояния, в условиях Латвии оказались недействительны, и должно было быть найдено что-то иное, что могло быть позитивно воспринято латышским народом и в то же время позволяло русскому миру обрести для себя свободное пространство для самобытного развития.

Очевидно, эти же вопросы мучили русскую эмиграцию в первой половине прошлого века, когда многие русские люди лишились связи со своей Родиной. И они разработали модель, которая оказалась очень эффективна, неслучайно традиция проведения Дней русской культуры прижилась во многих странах довоенной Европы и выдержала испытание временем.

Известный рижский библиофил Анатолий Ракитянский вспомнил о ней вовремя, когда русская часть общества была подготовлена для восприятия идей такого уровня, и в ней нашлось достаточно людей, осознавших, что наикратчайший путь к самосохранению может быть найден через культуру. И в первую очередь через развитие местной русской культурной традиции.

Двадцать лет назад, когда распалась большая страна, самые известные деятели русской культуры не раз говорили о том, что русскому миру Латвии необходимо сосредоточиться на сохранении наработанного им культурного потенциала. Они не были услышаны в силу того, что по инерции некоторое время сохранялись те каналы, через которые поддерживалось воспроизводство русской культурной среды. Но когда окончательно коммерциализировалось российское телевидение, а русское образование в Латвии претерпело жесткое реформирование, пришло понимание, что русское сообщество ждет неминуемое качественное падение, если единственным источником подпитки останется импортируемый из России на рыночных принципах, а потому недоступный значительной части русского населения культурный продукт.

Несколько пренебрежительное и даже высокомерное отношение к местной русской культуре сменилось беспокойством из-за внезапного осознания того, что за все послевоенное время русские Латвии не обрели каких-либо устойчивых культурных явлений. Все творческие союзы, вся система культурных учреждений в советское время была ориентирована на поддержание культуры так называемых титульных наций, и русской части общества после восстановления независимого латвийского государства пришлось заботиться о самосохранении при минимальных материальных ресурсах.

Члены Международной ассоциации писателей и публицистов Петр Антропов и Марианна Озолина на музыкально-поэтическом вечере «Мелодия сердца».

Те общественные организации, творческие союзы, самодеятельные коллективы, исследователи культуры и их помощники, подвижническим трудом которых создавалась программа Дней русской культуры, достойны, без всякого сомнения, самого высокого признания. Они смогли не только выжить в очень непростых условиях, но и наработать потенциал, создать вокруг себя пространство единомышленников и вложить этот ресурс, а зачастую и личные средства в общее дело – бескорыстно и с максимальной самоотдачей.

“ Наикратчайший путь для самосохранения – развитие местной русской культурной традиции.

Складывая из отдельных заявок, словно из небольших кирпичиков, программу Дней русской культуры, инициативная группа, позднее преобразованная в оргкомитет, обращалась за поддержкой везде, где была надежда обрести ее. Первыми откликнулись латвийские православная и древлеправославная церкви, главы которых благословили возрождение традиции Дней русской культуры. Самые крупные русские газеты «Вести сегодня» и «Час» стали регулярно информировать о ходе подготовки проекта. И как только он стал обретать конкретные очертания, благодаря активной позиции мэра Риги Нила Ушакова Рижская дума полностью удовлетворила заявку оргкомитета на лучшие столичные концертные залы и площадки. Очень вовремя пришла помощь от посольства Российской Федерации в Латвии, при личном участии посла Александра Вешнякова.

Спрос на поэзию был велик...

лянье в красивейшем Верманском парке Риги.

Проект Дней русской культуры в Латвии стремительно выходил за рамки русского мира. На поэтические чтения пришли латышские поэты, в концерте русской классической музыки играли и пели вместе с русскими латышские музыканты, латыши участвовали и помогали в осуществлении многого из того, что было заявлено в программе Дней русской культуры. Но центральным событием, прецедента которому не было в истории Латвийской Республики, стало приветствие прибывшего на церемонию торжественного открытия Дней русской культуры президента страны Валдиса Затлерса.

Впервые президент Латвии пришел к общественности, наиболее полно представляющей русскую часть страны, но также впервые главе государства было куда прийти.

Традиция как ценность

Очень важно, что Дни русской культуры прошли в статусе возрожденной традиции.

В Латвии опыт Первой Республики ценен как первый опыт государственности. И уже поэтому к явлениям, которые появились в этот период, общество относится с особым вниманием. Оно проявилось и в благожелательном ответе министра культуры С.Элерте на обращение русских деятелей искусства, прессы, представителей общественности и образовательной сферы с просьбой поддержать возобновление довоенной традиции. И в том, что на пресс-конференцию накануне открытия Дней пришли представители

Не отказали в поддержке несколько русских предпринимателей, и совершенно неожиданно рука помощи протянулась из латышской провинции. В оргкомитет позвонил латышский предприниматель и со словами «хочу помочь русским, мы должны сотрудничать» оплатил один из счетов за народное гу-

сударственных средств массовой информации, что было естественно при том отношении к проекту, которое выразил глава латвийского государства.

Но, пожалуй, особую значимость сохранение преемственности в области культуры имеет для самого русского мира Латвии. Потому что вовсе небезосновательно люди старшего возраста высказывают огорчение в связи с разрывом духовной скрепы между поколениями. Слом привычных инструментов передачи опыта лишает молодежь защиты от манипулирования и навязывания ей губительных по своим последствиям взглядов и представлений. Механизм культурной традиции позволяет преодолевать такие разрывы, и эта способность культуры не раз проявилась в ходе проекта.

На круглый стол, проведенным молодежными организациями, пришли представители старшего поколения, а молодежь активно участвовала в подготовленном специалистами Балтийской Международной академии обсуждении проблем сохранения нематериальной культуры. И когда во время этого обсуждения выявился большой спектр проблем, требующих своего решения и немалого интеллектуального, организационного и иного ресурса, представители молодежных организаций высказали желание работать сообща.

Программа Дней русской культуры, разнообразие которой оказалось для многих удивительным, вовлекла в свою орбиту людей всех возрастов и создала пространство с большим потенциалом развития. Заявленная программа в течение шестнадцати дней не только была полностью выполнена, она уже после торжественной церемонии открытия дополнилась международным фестивалем авторской песни в Олайне и презентацией книги профессора из Литвы Евгения Костина. Вместе с латвийской столицей Дни русской культуры прошли в Даугавпилсе, Елгаве, Резекне, Юрмале и Виляны. И если в Даугавпилсе и Резекне такое празднование на региональном уровне происходит уже не первый год, то в небольшом латвийском городе Виляны молодое общество «Очаг» специально создало свою программу, узнав о том, что Дни русской культуры готовятся во вселатвийском масштабе.

Программа Дней русской культуры с самого начала была и будет открыта для всех, кто считает русскую культуру и русский язык как носитель этой культуры духовной ценностью. Даже если один человек на отдаленном хуторе запоет русскую песню, а еще трое придут эту песню послушать, то и такое начинание может стать частью общей программы. Потому что культура – это не привилегия элиты. Это естественная потребность каждого человека. Не хлебом единым мы живы.

Будущее

Культура – настолько безграничное пространство, что в нем невозможно испытать чувство полного удовлетворения сделанным. Дни русской культуры этого года зафиксировали нынешнее состояние русского мира Латвии. Очевидно, что предстоит более сложная работа, потому что уже есть с чем сравнивать, и теперь надо установить планку чуть выше.

...Так же, как и в двадцатых годах прошлого столетия, Дни русской культуры начались торжественной литургией в православном соборе. Путь, начатый у храма, и ведет к храму. Им станет человек, преобразивший себя через творчество. Такой человек сможет преобразить мир, утвердив в нем Красоту – главный инструмент культуры. Это и будет ответом на вопрос: а зачем мы все это делали? ■

Фото В. СТАРКОВА, В. ГУЩИНА и Ю. ЖИТЛУХИНА.

ПОЭЗИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

↔ **Вадим
КОЖИНОВ**

1930 - 2001

Философ, публицист,
историк, критик, ли-
тературовед.

«Когда гремит оружие, музы молчат» – это восходящее к Древнему Риму изречение ни в коей мере не относится к нашей Отечественной войне. Даже самый скептический исследователь бытия страны в 1941–1945 годах неизбежно придет к выводу, что его насквозь пронизывала поэзия, – правда, в наибольшей степени в ее музыкальном, песенном воплощении, которое и очень значительно усиливает воздействие стихотворной речи на уши людей, и словно придает ей крылья, несущие ее по всей стране.

Но следует заметить, что грань между поэтом и создателем слов песни была тогда несущественной и зыбкой. Так, не связанная с песней, – скорее уж «разговорная» – поэзия Александра Твардовского воспринималась в качестве глубоко родственной творчеству Михаила Исаковского, которое пребывало как бы на рубеже стиха и песни, а профессиональный «песенник» Алексей Фатьянов был столь близок Исаковскому, что ему могли приписывать произведения последнего (скажем, всем известное «Где ж вы, где ж вы, очи карие...») и наоборот (фатьяновские «Соловьи» звучали в унисон с «В лесу прифронтовом» Исаковского).

Впрочем, не только песни, но и сами по себе стихи подчас обретали тогда широчайшую, поистине всенародную известность, как, например, главы «Василия Теркина» или симоновское «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»; все это безусловно подтвердит самое придирчивое исследование бытия людей в те годы, и все это несомненно для каждого, кто жил в то время. Автору этого сочинения ко дню Победы было около пятнадцати лет, и в памяти с полной ясностью хранится впечатление о повседневной, всепроникающей и поистине могучей роли, которую играло в военные годы поэтическое слово как таковое – и тем более в его песенном воплощении; едва ли будет гиперолой утверждение, что это слово явилось очень весомым и, более того, необходимым «фактором» Победы...

Позволительно высказать предположение, что поэтическое слово имело в то время значение, сопоставимое, допустим, со значением всей совокупности боевых приказов и тыловых распоряжений (хотя воздействие поэзии на людей фронта и тыла было, разумеется, совершенно иным). И без конкретной характеристики участия этого слова в повседневной деятельности людей, в сущности, нельзя воссоздать реальную историю военных лет во всей ее полноте.

Но, отмечая этот изъян в историографии войны, следует сказать и о более, пожалуй, серьезном недостатке сочинений о поэзии той эпохи. Дело в том, что такие сочинения обычно опираются на самые общие и, по существу, чисто «информационные», «описательные» представления о войне, вместо того

чтобы основываться на уяснении того основополагающего «содержания» войны 1941–1945 годов, которое породило именно такую поэзию (включая ее богатейшее песенное «ответвление»). Слово «породило» здесь важно, ибо употребляемые чаще всего термины «отражение», «воспроизведение» и т. п. упрощают, примитивизируют соотношение поэзии и действительности. Да, в конечном счете поэтическое слово «отражает» действительность – в данном случае действительность великой войны, – но, во-первых, «отражение» в поэзии вовсе не обязательно должно быть «прямым», воссоздающим события и явления войны как таковые, а во-вторых, достоинства, ценность этого отражения ни в коей мере не зависят от «изобразительной» конкретности поэтического слова.

Поэтому точнее – и перспективнее – понимание поэтического слова как порождения великой войны, ее плода, а не ее, выражаясь попросту, «картинки». Именно потому поэтическое слово оказывается способным воплотить в себе глубокий, не явленный с очевидностью смысл войны.

Если составить достаточно представительную и вместе с тем учитывающую критерий ценности антологию поэзии 1941–1945 и нескольких последующих лет (когда «военные» стихи еще «дописывались»), – антологию, в которую войдет то, что так или иначе выдержало испытание временем, станет очевидно: преобладающая часть этих стихотворений написана не столько о войне, сколько войною (используя меткое высказыва-

“ Песни во время войны были всеобщим достоянием; не менее важно, что народное самосознание выражалось в них наиболее концентрированно и заостренно.

ние Маяковского). С «тематической» точки зрения – это стихотворения о родном доме, о братстве людей, о любви, о родной природе во всем ее многообразии и т. п. Даже в пространной поэме «Василий Теркин», имеющей к тому же подзаголовок «Книга про бойца», собственно «боевые» сцены занимают не столь уж много места.

Преобладающее большинство обретенных широкое и прочное признание стихотворений (включая «песенные») тех лет никак нельзя отнести к «батальной» поэзии; нередко в них даже вообще нет образных деталей, непосредственно связанных с боевыми действиями, – хотя в то же время ясно, что они всецело порождены войною.

Это, конечно, не значит, что вообще не сочинялись стихотворения и целые поэмы, отображающие сражения, гибель людей, разрушения и т. п., однако не они были в центре внимания в годы войны, и не они сохранили свое значение до наших дней – спустя полстолетия с лишним после Победы.

Особенно очевидно, что в 1940-х го-

Фронтовой концерт.

дах «потребители» поэзии ценили стихотворения (и песни), написанные, как сказано, не о войне, а только «войною» – без стремления «живописать» ее. И это, как я буду стремиться показать, имело глубочайший смысл.

Уже отмечено, что литературоведение в принципе не должно заниматься изучением роли поэзии в бытии людей военного времени, – это, скорее, задача историка: воссоздавая бытие 1941–1945 годов в его цельности, он, строго говоря, не в праве упустить из своего внимания и ту его грань, ту сторону, которая воплощалась в широчайшем «потреблении» поэзии. Автор этого сочинения ясно помнит, как в 1942 году молодая школьная учительница, жених которой находился на фронте, созывает всех обитателей своего двора – несколько десятков

самых разных людей – и, задыхаясь от волнения, смахивая с ресниц слезы, читает только что дошедшее до нее переписанное от руки симоновское «Жди меня», и не исключено, что в то же время где-нибудь во фронтовом блиндаже читал то же стихотворение и ее жених... Об этой пронизанности бытия своего рода поэтическим стержнем верно сказал впоследствии участник войны Александр

Межиров (он, правда, имел в виду прежде всего музыку, но поэзия была в годы войны нераздельна с ней):

*И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души, и тела топтала.*

И подобные сообщенному – бесчисленные! – факты соприкосновения людей с поэзией сыграли, несомненно, самую весомую роль в том, что страна выстояла и победила, – о чем и следовало бы аргументировано рассказать историкам великой войны.

А перед литературоведами стоит другая и, между прочим, более сложная задача: показать, почему поэзия тех лет смогла обрести столь существенное значение для самого бытия страны? Естественно предположить, что она так или иначе выражала в себе глубокий и истинный смысл великой войны – смысл, который не раскрывался во всей его глубине в газетах, листовках и радиопублицистике (доходившей тогда до большинства людей) и, более того, не раскрыт по-настоящему в позднейшей историографии вой-

ны, а во многих сочинениях историков и публицистов 1990-х годов либо игнорируется, либо объявляется пустой иллюзией старших поколений.

В «основном фонде» поэзии 1941–1945 годов война предстает как очередное проявление многовекового натиска иного и извечно враждебного мира, стремящегося уничтожить наш мир; битва с врагом, как утверждает поэзия, призвана спасти не только (и даже не столько) политическую независимость и непосредственно связанные с ней стороны нашего бытия, но это бытие во всех его проявлениях – наши города и деревни с их обликом и бытом, любовь и дружбу, леса и степи, зверей и птиц, – все это так или иначе присутствует в поэзии того времени, Михаил Исаковский, не опасаясь власти в наивность, писал в 1942 году:

*Мы шли молчаливой толпой,
Прощайте, родные места!
И беженской нашей слезой
Дорога была залита.
Вздыхалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели за нами,
Покинув гнездовья свои.*

Через проникновенную поэму Твардовского «Дом у дороги» проходит заветный лейтмотив:

*Коси коса,
Пока роса.
Роса долой –
И мы домой...*

...и ясно, что враг вторгся к нам дабы уничтожить и косу, и росу, и, конечно, дом.

Поэзия в сущности создала этот смысл войны с самого начала, и, между прочим, те авторы, которые сегодня пытаются толковать одно из проявлений извечного противостояния двух континентов как бессмысленную схватку двух тоталитарных режимов, должны, если они последовательны, отвергнуть и поэзию тех лет, – в том числе стихотворения Анны Ахматовой, написанные в 1941–1945 годах и объединенные ею впоследствии в цикл под заглавием «Ветер войны». Напомню вошедшие тогда в души людей строки, написанные 23 февраля 1942 года и опубликованные вскоре, 8 марта, в «главной» газете «Правда»:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил*

*на наших часах
И мужество нас не покинет...
На весах лежит даже слово:
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим и от плена спасем
Навеки!*

Или перекликающиеся своим творческим простодушием с поэзией Михаила Исаковского написанные уже в победную пору, 29 апреля 1944-го, и опубликованные 17 мая в «Правде» стихи Бориса Пастернака, в которых близкая Победа предстает и как спасение самой нашей природы – вплоть до воробьев...

*Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо...
Весеннее дыхание родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства...*

Как уже сказано, песни во время войны были всеобщим достоянием; не менее

важно, что народное самосознание выражалось в них наиболее концентрированно и заостренно. И, наконец, нельзя не отметить, что целый ряд этих песен сохраняет свое значение и сегодня: их поют теперь уже и внуки тех, кто застал войну – поют, собравшись где-либо, и даже перед телекамерами (имеются в виду совсем молодые певцы и певицы). Правда, последнее бывает не столь часто, но надо скорее удивляться тому, что вообще бывает, – если учитывать, какие персоны заправляют сейчас телевидением.

Есть основания полагать, что нынешнее молодое поколение дорожит и теми или иными стихотворениями и поэмами, созданными в годы войны, но полностью убедиться в этом не так легко, а вот тогдашние песни, звучащие сегодня из молодых уст в телестудиях, концертных залах или попросту на улице – убеждают.

Вспомним хотя бы десяток песен, созданных в 1941–1945 годах, известных во время войны всем и каждому и продолжающих свою жизнь по сей день: «В лесу прифронтовом» («С берез неслышен, невесом...»), «Огонек» («На позицию девушка провожала бойца») и «Враги сожгли родную хату...» Михаила Исаковского, «Соловьи» («Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...»), «На солнечной поляночке...» и «Давно мы дома не были» («Горит свечи огарочек...») Алексея Фатьянова, «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь...») Алексея Суркова, «Дороги» («Эх, дороги, пыль да туман...») Льва Ошанина, «Случайный вальс» («Ночь коротка, спят облака...») Евгения Долматовского, «Темная ночь» Владимира Агапова (для которого эта песня, по-видимому, была единственным творческим взлетом). Слова этих песен, конечно же, всецело порождены войной, но на первом плане в них – не война, а тот мир, который она призвана спасти.

Правда, есть еще одна также известная всем и тогда, и теперь песня, которая имеет иной характер – «Священная война» («Вставай; страна огромная...») Василия Лебедева-Кумача. Но, во-первых, она – одна такая, а во-вторых, это, в сущности, не песня, а военный гимн. Написанные в ночь с 22 на 23 июня (24 июня текст был уже опубликован в газетах) слова этого гимна, надо прямо сказать, не очень уж выдерживают художественные критерии; у Лебедева-Кумача есть намного более «удачные» слова песен, – скажем:

*Я на подвиг тебя провожала,
Над страной гремела гроза.
Я тебя провожала
И слезы сдержала,
И были сухими глаза...*

Но в «Священной войне» все же имеются своего рода опорные строки, которые находили и находят мощный отклик в душах людей: «Вставай на смертный бой... Идет война народная, Священная война...»

*И о противнике:
Как два различных полюса
Во всем враждебны мы...*

И призыв, близкий по смыслу другим песням:

*Пойдем лопать всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую...*

На эти строки, в свою очередь, оперлась героико-трагическая мелодика композитора А. В. Александрова, и родился покоряющий всех гимн. Надо иметь в виду, что гимн этот люди, в общем, не столько пели, сколько слушали, подпевая ему «в душе», и едва ли помнили его слова в целом, – только «опорные».

Как и многие обладающие высокой значимостью явления, «Священная война» обросла легендами – и позитивными, и негативными. С одной стороны, по-

стоянно повторяли, что прославленный Ансамбль песни и пляски Красной Армии пел ее для отправлявшихся на фронт войск на Белорусском вокзале уже с 27 июня 1941 года. Между тем скрупулезный исследователь знаменитых песен Юрий Бирюков по документам установил, что вплоть до 15 октября 1941 года «Священная война» была, как говорится, в опале, ибо некие предрешающие власти считали, что она чрезмерно трагична, с первых строк обещает «смертный бой», а не близкое торжество победы... И только с 15 октября – после того, как враг захватил (13-го) Калугу и (14-го) Ржев и Тверь-Калинин, – «Священная война» стала ежедневно звучать по все-союзному радио. Сцену же, якобы имевшую место в первые дни войны на Белорусском вокзале, создал художественным воображением Константин Федин в своем романе «Костер» (1961–1965), и отсюда сцена эта была перенесена в многие будто бы документальные сочинения.

С другой стороны, с 1990 года начали публиковаться совершенно безосновательные выдумки о том, будто бы «Священная война» была написана еще в 1916 году неким обрусевшим немцем. Но это – один из характерных образчиков той кампании по дискредитации нашей великой Победы, которая столь широко развернулась с конца 1980-х годов: вот, мол, «главная» песня сочинена за четверть века до 1941-го, да еще и немцем... Юрий Бирюков, анализируя сохранившуюся в Российском государственном архиве литературы и искусства черновую рукопись Лебедева-Кумача, в которой запечатлелись несколько последовательных вариантов многих строк песни, неоспоримо доказал, что текст принадлежит ее «официальному» автору.

Важно сказать еще, что нынешние попытки дискредитации прославленной песни лишены раз свидетельствуют о той первостепенной роли, которую сыграла песня (и поэзия вообще) в деле Победы! Ибо оказывается, что для «очернения» великой войны необходимо «обличить» и ее песню...

Сам Г. К. Жуков на вопрос о наиболее ценных им песнях врынул ответ так: ««Вставай, страна огромная...», «Дороги», «Соловьи»... Это бессмертные песни... Потому что в них отразилась большая душа народа», и высказал уверенность, что его мнение не расходится с мнением «многих людей». И в самом деле к маршалу, конечно же, присоединились бы миллионы людей, хотя и добавив, может быть, в его краткий перечень еще и «В лесу прифронтовом», «Темную ночь», «В землянке» и т. д.

Но обратим еще раз внимание на то, что собственно «боевая» песня – «Священная война» – только одна из вошедших в «золотой фонд»; остальные, как говорится, «чисто лирические». И вроде бы даже трудно совместить «ярость» этого гимна с просьбой к соловьям «не тревожить солдат», хотя маршал Жуков поставил и то и другое в один ряд.

Здесь представляется уместным отступление в особенную область познания прошлого, получившую в последнее время достаточно высокий статус во всем мире – «устную историю» (oral history), которая в тех или иных отношениях способна существенно дополнить и даже скорректировать исследова-

ния, основывающиеся на письменных источниках.

Близко знакомый мне еще с 1960-х годов видный германский русист Эберхард Дикман в свое время сообщил мне о, признаюсь, весьма и весьма удивившем меня факте: в Германии во время войны не звучало ни одной связанной с войной лирической песни; имелись только боевые марши и «бытовые» песни, никак не

“ Едва ли будет гиперболой утверждение, что это слово явилось очень весомым и, более того, необходимым «фактором» Победы...

соотнесенные с войной. Могут сказать, что устное сообщение одного человека нуждается в тщательной проверке фактами, но мой ровесник Дикман в данном случае не мог ошибиться: он жил тогда одной жизнью со своей страной, даже являлся членом тамошнего «комсомола» – гитлерюгенд, старший брат его воевал на Восточном фронте и т. п.

Эберхард Дикман рассказывал и о том, как в 1945-м кардинально изменилось его отношение к страшному восточному врагу. 7 мая в его родной Мейсен на Эльбе ворвались войска 1-го Украинского фронта, чего он ожидал со смертельным страхом – и из-за своего брата, и из-за своего членства в гитлерюгенд. Но его ждало настоящее потрясение: вражеские солдаты, расположившиеся в его доме, вскоре занялись благоустройством комнат и двора, добродушно подчиняясь указаниям его строгой бабушки... И хотя его отец считал за лучшее перебраться в Западную Германию, Эберхард не только остался на оккупированной нами территории страны, но и избрал своей профессией изучение русской литературы (прежде всего творчества Льва Толстого).

Но вернемся к главному: в высшей степени существен тот факт, что наша жизнь во время войны была насквозь пронизана лирическими песнями (это подтвердит, вне всякого сомнения, любой мой ровесник), между тем как в Германии их или не было вообще, или по крайней мере они играли совершенно незначительную роль (иначе мой немецкий ровесник не мог бы их «не заметить»).

И еще об одном. Эберхард Дикман очень полюбил наши военные песни и не раз просил меня напеть какую-ли-

бо из них; правда, как-то после пения фатьяновской «Давно мы дома не были», созданной в 1945-м и говорящей о парнях, которые находятся уже

*В Германии, в Германии –
В проклятой стороне... –*

притом строки эти, в соответствии с построением песни, дважды повторяются, – Эберхард заметил, что, быть может, не стоило бы повторять слово «проклятой» (мне пришлось напомнить ему известное изречение «из песни слова не выкинешь»).

Приверженность немца к нашим песням, рожденным войной, трудно объяснима; сам он не смог дать ясного ответа на вопрос о том, чем они ему дороги. Но можно, думается, ответить на этот вопрос следующим образом. Как бы ни относился тот или иной немец к Германии 1930–1940-х годов, развязавшей мировую войну, он не может не испытывать тяжелого чувства (пусть даже бессознательного) при мысли о полном поражении своей страны в этой войне.

Видный германский историк и публицист Себастиан Хаффнер в 1971 году писал о своих соотечественниках: «Они ничего не имели против создания Великой германской империи... И когда... этот путь, казалось, стал реальным, в Германии не было почти никого, кто не был бы готов идти по нему». Однако, заключал Хаффнер, «с того момента, когда русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского народа. С этого момента был ясен также исход: русские были сильнее... прежде всего потому, что для них решался вопрос жизни и смерти».

В конечном счете именно это и воплощено в поэзии военных лет и особенно очевидно в песнях, которые посвящены не столько войне, сколько спасаемой ею жизни во всей ее полноте – от родного дома до поющих соловьев, от любви к девушке или жене до желтого березового листа...

И, возможно, эти песни, «объясняя» германской душе неизбежность поражения его страны, тем самым «оправдывали» это поражение и, в конечном счете, примиряли с ним... Отсюда – выглядящее парадоксальным пристрастие моего германского друга к этим песням.

Но главное, конечно, в самом этом резком контрасте; нашу жизнь в 1941–1945 годах невозможно представить себе без постоянно звучащих из тогдашних радиотарелок и поющих миллионами людей лирических песен о войне, а в Германии их нет вообще! Перед нами, несомненно, чрезвычайно многозначительное различие, которое, в частности, начисто перечеркивает потуги иных нынешних авторов, преследующих цель поставить знак равенства между Третьим рейхом и нашей страной.

Тот факт, что смысл войны воплощался и для маршала Жукова, и для рядового бойца в написанных в 1942 году словах:

*Пришла и к нам на фронт весна,
Ребятам стало не до сна
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.*

– раскрывает ту историческую истину, о которой не говорится ни во многих несущих на себе печать «казенщины» книгах о войне, изданных в 1940–1980-х годах, ни тем более в очернительских писаниях 1990-х.

Но внуки пережившего войну поколения, поющие подобные песни сегодня, надо думать, как-то чувствуют эту воплотившуюся в них глубокую и всеобъемлющую истину. ■

Л. Русланова у Рейхстага. 1945 г.

Февральская вьюга засыпала снегом город и напомнила монреальцам, что зима все-таки есть зима. Два месяца, декабрь и январь, она баловала горожан, играя с ними в увлекательную игру: плюс-минус, минус-плюс. Но в начале февраля, наконец, установилась морозная погода с обычными в это время года снегопадами.

По заснеженному тротуару, наклонив голову навстречу ветру, шел бродяга. Шаги его были тяжелыми, как и его ноша – большая матерчатая сумка, перекинутая через плечо. Одет он был не по сезону: легкая курточка, бежевые «бермуды», едва прикрывающие колени, стертые кроссовки, носки до лодыжек. Голову покрывала выдвигавшая шапочка. Ему было на вид лет сорок. Огромные усы, свисая до подбородка, делали его похожим на моржа.

Было раннее утро. Бродяга не знал точно, который час, но годами выработанная интуиция подсказывала ему, что он должен успеть к открытию метро. Опаздывать нельзя. Двери открываются ровно в 5 часов 20 минут, и, если подойти к этому времени, то можно проскочить бесплатно. Первые пять минут служитель занят. Ему надо включить эскалаторы, проверить работу автоматов, выдающих трансферы, привести в порядок свое рабочее место. В это время все проходят на «зеленый», платить не надо.

На подходе к метро бродяга увидел у дверей несколько человек, притоптывающих на снегу.

«Двери еще не открылись, – подумал он, – значит, успел вовремя. Теперь надо проскочить турникет, взять трансфер и прямоком в «музыкальной точке» – забить время. Лучшее время мне не достанется, но я на него и не претендую, мне любое время подходит. Впереди целый день и спешить мне некуда. Главное, что в метро тепло. Вот сейчас запишусь, затем прилягу на скамеечку, и можно немного вздремнуть. Пассажиров в это время мало, полиция появится только через час-полтора: легонько потормошат, чтобы не испугался, спросят про самочувствие, убедятся, что все в порядке, поднимут и отойдут. Они вроде будильника, проспять не дадут, а там и за работу...»

Анатолий с детства любил автомобили. Еще школьником он начал коллекционировать игрушечные машины. Ими была заставлена его комната. Он мог играть часами, общаясь с ними, как с живыми существами. Особое удовольствие доставляли ему машины, в которых можно было крутить руль. При этом колеса поворачивались, как на настоящих машинах, и мальчик, увлекшись, чувствовал себя заправданным шофером. Его мечтой было купить настоящую машину, и не просто ездить на ней, а, изучив ее, иметь возможность копаться во всех узлах.

После окончания школы он стал учеником автослесаря и одновременно пошел на курсы водителей грузовиков, что пригодилось ему в армии – там он два года крутил баранку. После армии Анатолий устроился автослесарем и скоро купил старенький «Москвич». Приведя его в порядок, он поехал с год, затем выгодно продал его и купил «Жигули». Вечерами после работы он просматривал автомобильные журналы и любовался иномарками. Он знал о них все, что только можно было.

Но все это в прошлом. Теперь Анатолий живет в Монреале, женат, имеет двоих детей. В первое время ему было трудно, как и всем иммигрантам. Однако он с самого начала отверг всякую государственную помощь: никакое велфера, никаких «кормушек» и прочего. Он приехал в Канаду не прозябать, а жить как можно лучше и усердным трудом получить от жизни максимум. Анатолий купил «Хонду» с рук и начал развозить пиццу в вечернее время. Дело это оказалось хлопотным, а заработки – низкими и непостоянными.

Сдав на канадские права, позволяющие управлять большегрузными автомобилями, он начал ездить на «траках». Поначалу это были близкие рейсы, но затем он стал брать рейсы и до Ванкувера и даже в штат Вашингтон, до Сиэтла. Заработки были хорошими, но работа изнуряла. Особенно много хлопот было зимой, когда снегоочистители не успевали убирать снег и дороги становились опасными. Хозяйка же ничего не хотела знать: для них главное – вовремя доставить груз. Чтобы не терять время и деньги приходилось рисковать. Однажды он чудом избежал столкновения: его «трак» занесло, и, буквально перелетев через кювет, машина застряла в снегу.

Никакой романтики в своей работе Анатолий не видел. Маршруты его часто проходили по живописным местам, но он не обращал внимания на мозаичные леса, глубокие, отдающие голубизной, озера, быстрые речки,

своего тела? Или, плюнув на все, жить только для Высшего Разума? Ах, если бы знать все наперед, знать не только начало и конец, но и то, что будет потом! Но Анатолий ничего не знал и ничего не хотел знать; его интересовали только материальные аспекты жизни.

И вот теперь, вдруг, сидя в любимой машине, он почувствовал себя в чем-то ущемленным и даже обманутым. Откуда-то появилось предательское чувство неудовлетворенности жизнью, и какая-то неземная пустота стала заполнять его тело и терзать душу. В это время резкая боль в груди заставила его тормознуть и съехать на обочину. Какое-то время он сидел неподвижно, уставившись в ветровое стекло бессмысленным взглядом. Но постепенно боль отпустила его, и, немного успокоившись, он стал отгонять от себя грустные мысли. «Это просто переутомление, – подумал он. – Скоро приеду домой и постараюсь как следует отдохнуть, и надо бы показаться врачам».

Спустя несколько минут он уже мчался по дороге в Монреаль. Вехав в город, он решил заскочить в «Макдоналдс», перекусить и выпить чашечку кофе. Ему повезло: на стоянке около метро было свободное место, и, припарковав машину, он направился в ресторан...

Было около десяти часов утра, когда бродяга, взяв последнюю трель, закончил играть. Он собрал очередную партию мелочи и, не считая, опустил ее в накладной карман «бермудов». Затем положил в сумку свирель.

для приличного завтрака с чашечкой кофе. Больше ему ничего и не было нужно. Бродяга ограничивался минимумом и существовал, не имея больших забот. Он хорошо был известен работникам ресторана и заведующим, так как бывал здесь часто. Поговаривали, что когда-то он был доктором, но череда неблагоприятных обстоятельств помutilа его рассудок. Многие считали его немного сумасшедшим. Он часто бормотал себе под нос и почти все время что-то записывал в блокнот. Бродяга не был наркоманом, и никто не видел его пьяным. Иногда он доставал из сумки маленькие шахматы и играл сам собой. Вместе с тем нельзя сказать, что он был нелюдим. Если к нему обращались с каким-нибудь вопросом или предложением, он охотно поддерживал разговор, но в определенный момент давал понять, что продолжать больше не хочет.

Покончив с завтраком, бродяга достал из сумки блокнот, ручку и, углубившись в работу, стал что-то чертить и писать.

В это время открылась дверь, и в ресторан вошел Анатолий. У стойки была небольшая очередь. Анатолий не любил очередей и, занервничав, стал переминаться с ноги на ногу. Вдруг он схватился левой рукой за сердце, дернулся, изогнулся дугой и упал на пол. Стоящие в очереди и сидящие за столами оглянулись и ахнули. Мужчина, стоящий перед ним, нагнулся и легонько ударил его по щеке, пытаясь привести в чувство.

– Врача, врача! – крикнул он. – Вызовите кто-нибудь «скорую помощь»!

– Боже мой, – воскликнула женщина, сидящая рядом за столиком, – он не шевелится, наверно, умер!

Бродяга, услышав крики, оторвался от своего блокнота, недоуменно посмотрел по сторонам, а, увидев лежащего человека, встал и быстрым шагом направился к нему. Подойдя к Анатолию, он опустился на колени, расстегнул ворот его рубашки, запрокинул ему голову, и стал делать искусственное дыхание. Одновременно он пытался прощупать пульс. Окружающие молча наблюдали за его действиями. Прошло около минуты, прежде чем бродяга почувствовал толчки в кровеносном сосуде, а затем ощутил ровный, ритмичный пульс. Сердце снова стало работать.

Анатолий открыл глаза. Он дышал неглубоко. Бродяга поднялся с колен и предложил перенести лежащего на стул и укрыть чем-нибудь теплым. Анатолия осторожно подняли, посадили на стул и укрыли курткой. Вокруг него собралась толпа сочувствующих, раздавались утешительные реплики. Во всех уголках «Макдоналдса» слышались возгласы: «Он ему жизнь спас», «Вы видели, как он это сделал?», «Просто потрясающе!», «Да где же эта чертова «скорая помощь?»

Анатолий молча сидел на стуле. В его глазах не было испуга, а только бесконечное удивление. Он пытался выговорить слова благодарности, но губы не слушались. Он почти не осознавал своего положения. И вдруг он понял, что пустота, терзавшая недавно в машине его душу, материализовалась и навсегда осталась в нем. И что бы не случилось, жизнь его отныне потечет по другому руслу, и его максимум желаний превратится в необходимый минимум. Но его это уже не беспокоило. За те минуты, что он пролежал без сознания, почти мертвый, он приобрел у вечности некий иммунитет против бессмысленного накопления материальных благ. Коснувшись бездны смерти, он увидел нечто очень чистое, глубокое, непостижимое, неведомое нашему миру.

Вскоре он услышал сирену подвезающей «скорой помощи». Через минуту его обступили врачи, задали несколько вопросов, уложили в каталку. Анатолий был почти невменяем и все прислушивался к себе, стараясь не упустить и запечатлеть то новое, что зародилось в нем, удержать то, что вдохнул в него бродяга, о котором он ничего не знал и никогда ничего не узнает. ■

Минимум и Максимум

из года в год шлифующие на пути камни, бескрайние огненно-желтые поля еще небранной пшеницы, заснеженные вершины гор, зеленые оазисы буйно растущей травы. Все его внимание было сосредоточено на дороге, на которую зачастую выбегали олени, что представляло собой еще одну опасность. Он много времени проводил в пути и слишком мало внимания уделял семье. Работа стала тяготить его.

Пряатель предложил ему работу в дилерской фирме: ведь он прекрасно разбирался в машинах и мог бы хорошо зарабатывать. Надо только не лениться, быть оборотистым, успевать вовремя перехватить нужную машину и выгодно ее продать, получая различные комиссионные.

Анатолий ухватился за это предложение. Оработав два года, он ушел из фирмы и стал работать на себя. Заработки были нерегулярными, но в месяц удавалось продать несколько машин. Он постоянно просматривал объявления о продаже машин, а иногда, чтобы опередить конкурентов и подвезать первым, ему приходилось вставать ночью и проделывать путь в несколько сот километров.

Вот и сейчас он возвращался из Кингстона, где заключил удачную сделку, но поездка его утомила. В последнее время Анатолий чувствовал себя скверно. Он понимал, что работает на износ, но ничего не мог с собой поделать. Всю жизнь он старался заполнить целиком дни, месяцы, годы какими-то делами, чтобы не оставалось времени на пустые, как ему думалось, размышлениями о смысле жизни. Со стороны казалось, что он был счастлив, ибо за свой труд имел все, что хотел. Но был ли он счастлив? Ах, если бы знать, что такое счастье на самом деле! Прожить отведенный срок без болезней? Не чувствовать угрызений совести от непоправимо скверных поступков? Иметь успех во всех начинаниях? Блаженствовать, потакая капризам

↔ Левон КЕШ

КАНАДА, МОНРЕАЛЬ

Окончил Московский горный институт. Автор трех сборников стихов и двух романов. Публикуется в периодической печати. Лауреат Всемирного литературно-поэтического конкурса «Надежды лира золотая» (Нью-Йорк).

⇨ **Шалва БАКУРАДЗЕ**
ГРУЗИЯ

Поэт, переводчик. Окончил филфак Тбилисского университета. Автор трех поэтических сборников. В 2009 году по опросу пользователей Интернета был признан самым популярным молодым поэтом Грузии.

ВЕЧЕРНЯ

То, что я хочу рассказать, светлей,
чем младенца смех и теплее рук
материнских, быть может.
Безмятежный сон, что лежит вокруг
бездорожья, там, где нехожен луг,
безмятежен сон, там трава служит ложем.

Океан небес синевее всех
высей, чище всех, прежде виденных,
высей дальних – бескрайней.
Лишь глаза закрой, сердце вспомнит их
и увидит, лишь задержи на миг,
лишь дыханье на миг задержи, дыханье.

Аз есмь пекарь и на своем веку
я влеку судьбу – что мука бела,
счастье – теплое тесто.
Золотым, доставшимся бедняку,
солнцем полон рот – весь словарь дотла,
лишь люблю, люблю, люблю, слов вместо.

Я рыбак – моя улыбка, на дне
глаз твоих, блестит, разнежась, плывет
рыбкой в светлой лагуне.
Твоего давно зная сердца ход,
понял лишь сейчас я свое и вот –
без тебя уже не могу, не могу, не могу, не...

Помню, как сейчас, как я покидал
незабвенную родину мою,
небеса с облаками,
в дом к тебе придя, подожди, когда
одиночество сгинет без следа,
под тобой простыню увлажню словами.

Я твоя жена, я тебе верна.
Я твой муж, Господу вверенный, я
муж твой, муж я твой верный.
Знаю, в главном, ты не поймешь меня,
ибо слышишь все из пределов сна,
соглашаясь: ветер, да, ветер в двери.

Вновь ложусь с тобой, моему в ответ
доверяется дыханье твое,
и темнеют волос волны –
так, любя в тебе каждый жизни след,
я люблю твое же небытие,
ну на что мне это, скажи, на что мне?

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Снова в отцовскую комнату входишь, – как прежде:
Ласточки – там за окном – возвратившись, щебечут,
Все расцветали бутоны сирени, за нежным
Мартом торопится сердце свободней и легче.

Ты, кто так любит всегда находиться в сомненье,
Даже любовь под вопросом, – заметив у двери,
Пух от чинары, клубящийся густо, и тени
Больше не вносишь во всю эту жизнь недоверья.

С ясностью каждую трещинку в комнате помня,
Ищешь, она ли ночами все снилась и снилась,
Отчая комната эта, которая кроме
Пыли и стен для тебя ничего не хранила.

Только лишь сад неизменным остался: парная
Дышит земля, воробьев крик на груше в ветвях ли,
Прежние ль песенки дождь в мандаринах играет, –
Но постарело все, сделалось хрупким и дряхлым.

Смотришь на ласточек, словно желаешь, чтоб крылья
Мысли твои обрели, чтоб когда-нибудь рано
Утром собраться – они над землей бы парили –
И полететь вслед за птицами в теплые страны.

Перевод Анны Золотаревой.

⇨ **Максим ЗАМШЕВ**
РОССИЯ, МОСКВА

Автор шести книг стихов и трёх романов. Главный редактор журнала «Российский колокол». Первый секретарь правления Московской городской организации Союза писателей России. Автор 1000 публикаций в разных жанрах в России и за рубежом. Имеет правительственные награды.

* * *

В этом городе нет ничего. Не найдётся угла
Тем, кто хочет укрыться
от самой безжалостной стужи.
А в крови тишина. И никто никому здесь не нужен.
В этом городе ты никогда никого не ждала.

Я с ума не схожу, оттого что не вижу огня,
И слова расставляю упрямо в обратном порядке,
Нет игры непонятней и злее, чем с памятью в прятки.
В этом городе нет ничего для тебя и меня.

В этом городе нет ничего. Я всё выдумал сам,
До последних глубин одинокую нежность терзая,
Там бежишь ты по льду, постепенно вдали исчезаая,
Оставаясь при этом так близко, что больно глазам.

Ты, конечно, не знаешь, что время отстало на час
От моих самолётов, которым взлететь не придётся.
Ты спешишь по зиме, и зима за тобой крадётся,
В этом городе нет ничего. Ничего кроме нас.

То, чему не бывать, не вернётся – зови не зови,
Всё давно решено. Этот лёд никогда не растает,
Всё, что легче земли, непременно от нас улетаёт,
В этом городе нет ничего кроме нашей любви.

* * *

Боль утихает, как будто и не было боли,
Новые буквы толпятся на спусках крутых.
Тёмные тучи скрывают большие мозоли
От самолётов и птиц да от взглядов пустых.

Вот тебе мир, о котором писали поэты
И прославляли горнисты, побудку трубя.
Примешь его? Иль как Чацкий попросишь карету?
Выпьешь его перед тем, как он выпьет тебя?

Боль утихает, как мышь, забивается глубже,
Кто её тронет, мгновенно почувствует сам,
Как я ходил босиком по космическим лужам,
И своё сердце на сотни кусков искромсал.

Звёзды посланы густо. От всей этой пыли
То и останется, что начиналось вразлёт.
Чацкий уехал, и гости о нём позабыли,
След от кареты теперь уж никто не найдёт.

Вальсы звучат. Бесполезные длинные вальсы,
Ноги и руки летают, боятся соврать,
Знаешь, любимая, я ничего не боюсь,
Кроме любви, чьи цветы невозможно сорвать.

Снова дорога и снова мне стискивать зубы,
Видеть холодные сны, просыпаться в поту.
Боль утихает и мира засохшие губы
Ищут воды, как последнюю ищут мечту.

⇨ **Владимир ТРОФИМОВ**
ЛИТВА, КЛАЙПЕДА

Моряк, автор стихотворных сборников «Причалы судьбы», «Мои февраль» и «Девятый вал». Член Международной ассоциации писателей и публицистов.

ГРУСТНЫЙ МОТИВ

Малиновый звон напольных часов,
Он скоро пробыёт потерю надежды,
Не взвесить урон созвездьем Весов –
Туман потечёт рекой безутешной.

Малиновый звон – целебный бальзам
Влюблённой душе, тревогам открытой, –
Растаял, как сон. Разбитым сердцам
Осталась уже тоска безлимитной.

Светились в былом кристаллики звезд,
И окна домов призывно светились.
Пошёл на излом построенный мост,
Под нами без слов земля провалилась.

Малиновый звон, сердец перезвон,
Сердце перестук... И вечность страданья.
Молчит телефон, глухой телефон.
Светильник потух во тьме мирозданья.

Угрюмых небес кружит кутерьма.
Когда он, когда проклюнется лучик?
Пустой интерес, весна – как зима.
Упала звезда. Висела бы лучше.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Сиренью пропахла весна –
По времени и по веленью,
В распахнутость створок окна
Врывалось нахальство сирени.
Тревожа короткие сны,
Горячая простынь шуршала,
В приливе, в накате весны
Звезда незакатно дрожала.
Проспать неприлично, грешно –
Прости, разлюбезный Морфей.
Врывается посвист в окно –
Знакомый свистит соловей.

ОТВАГА МАРТОВСКАЯ

Залежи в тёмном овраге
Рыхлого снега скромны.
Марту хватило отваги
Выдать начало весны
Первой надеждой, грачами,
Солнышком, синью небес,
Льнущим к оврагу ручьями ...
Мир обновления – здесь,
Здесь, над обрывом, оврагом
И за исходом зимы.
В марте ускоренным шагом
К маю торопимся мы.

ПРИЗНАКИ ВЕСНЫ

Светлей витрины и панели,
Намётки нежности видны,
И лица вроде просветлели
В большой провинции страны.

На расстоянии от столицы
Заметней более контраст:
Мужчины чище стали бриться,
Бомжам на пиво Бог подаст.

Подвинув к северу морозы,
Возникли признаки весны.
Поэты – все. Отринув прозу,
Уже поэзией грешны.

→ Константин СЕМЁНОВ
РОССИЯ, ВОЛГОГРАД

Родился в Грозном. Застал первую чеченскую войну. Кроме Интернет-изданий публиковался в Альманахе «ArtOfWar», сборниках рассказов «На море на суше и выше» и «Тринадцатый», журнале «Ковчег». В прошлом году в издательстве ЭКСМО вышел роман «Нас предала Родина».

Люди уходили всё дальше. Всё дальше от пропахших родными запахами мест, всё дальше и дальше в пугающую неизвестность.

Сначала новые места пахли обычно: железом, огнём и пеплом. К этому стая уже привыкла. Смутные воспоминания, что когда-то было не так, ещё жили, но с каждым днём становились слабее. Они не были нужны в новом мире, они мешали. Зачем помнить, что раньше с ревущего неба не сыпалось раскалённое железо? Для чего память о временах, когда огонь был маленьким и нестрашным и всегда слушался людей? Зачем воспоминания о жирных косточках из ласковых рук? Теперь всё совсем не так. И пахнет теперь тоже иначе. Привыкла стая.

Новым запахло, когда пересекли большой двор и вышли на незнакомую широкую улицу. Земля была привычно покрыта смесью снега и пепла, обломками деревьев и мелким, уже остывшим железом. Это стаю не интересовало, её волновало другое. Новое и очень неприятное. Пахло чужими. Запахи были сильны, они висели в воздухе плотным облаком, лезли в ноздри, пытались прогнать. Пугали.

Дайк втянул сырой холодный воздух, недовольно фыркнул и оглянулся по сторонам. Кроме него не жалась к ногам людей только двое. Молодая самка, которую люди называли Винтовкой, и старый самец Шайтан. Винтовка была ещё слишком мала и носилась вокруг с задорно поднятым хвостом. Шайтан, как и положено вожаку, бежал немного сбоку, не выпускал стаю из вида и оставлял метки. До большой дороги Дайк занимался тем же, пытаясь, как и всё последнее время, отеснить вожака на второе место. Он делал это, даже когда запах чужих бросил всю стаю искать защиты у людей, когда сама собой стала подниматься шерсть на загривке. Дайк не хотел уступать старому вожаку.

После большой дороги уступить пришлось. Запах стал плотнее, стало казаться, что из-за незнакомых углов вот-вот выскочит громадная свора чужих и вцепится ему в глотку. Дайк оглянулся на беззаботно прыгающую Винтовку, на настроенного Шайтана, подбежал к людям и, срываясь на визг, залаял.

– Дайк! – повернулся идущий последним мальчик. – Дайк, ну нету у меня ничего!

Дайк потёрся о руку мальчика, и окружающий мир тут же изменился. Исчезло всё – грязный, пахнувший смертью асфальт, горящие дома, угрожающие запахи чужих. Он снова сидел на пахнувшем пылью асфальте в старом, ещё нетронутым огнём дворе, рядом со знакомым крыльцом. В животе разливалось приятное тепло, язык ещё хранил вкус только что проглоченных кусочков мяса, а на его голове лежала тёплая ласковая рука и тихонько почёсывала за ухом. Дайк сладко жмурился под осенним солнцем, облизывался и слушал. «Я тебе специально отдельно принёс, – говорил мальчик. – А

то Шайтан самые лучшие куски выхватывает. Конечно, он вожак, ему положено. Ну, ничего, скоро ты тоже станешь вожаком – вон ты какой уже большой».

– Ну нету, нету у меня кушать! Правда!

Дайк услышал слово «кушать», пустой живот свело судорогой, и картина исчезла. Дайк мотнул головой и залаял громче, словно досадуя на людскую недогадливость. Они что, не понимают? «Кушать», конечно, очень хочется, но ведь это сейчас не главное. Зачем они уходят так далеко и почему от этого так плохо? Ведь мальчик и остальные люди уходили и раньше, но никогда от этого не становилось тоскливо и страшно. Или это из-за запаха чужих?

Мальчик поставил на землю сумку, высвободил руку и потрепал его по загривку. «Ну, ну, – тихо сказал он. – Не надо, всё будет хорошо». Дайк замолчал и закрыл глаза, а когда открыл, увидел только его спину: мальчик, снова повесив на плечо сумку, быстрым шагом до-

одинаково серые лица с тёмными кругами под глазами, одинаково потухший взгляд. Когда-то они выглядели не так, и стая это ещё помнила. Впрочем, собакам было не так уж важно, как выглядели люди. Главное – они пахли также. Как тогда, когда небо не плевалось раскалённым железом, и почти каждый день была еда.

– Дайк, – сказал мальчик, – иди домой. Домой!

Дайк услышал слово «домой», завилял хвостом и, не сводя взгляда с мальчика, повернул назад. Мальчик стоял, не двигаясь. Дайк отбежал ещё на несколько шагов и снова посмотрел назад: люди стояли. Он вернулся к мальчику и встал напротив, не сводя с него взгляда. Сбоку подскочила Винтовка, игриво куснула его за загривок. Дайк резко оттолкнул глупую корпусом, снова повернулся к мальчику и обиженно залаял.

– Нет! – сказал мальчик, старясь, чтобы голос не дрожал. – Мы назад не пойдём, нам нельзя. Идите одни, сами. До-

гонял взрослых. Дайк взвизгнул, в два шага догнал мальчика и схватил его за палец. Из горла вырвался глухой рык.

– Дайк! – повернулся мальчик. – Папа, что с ним?

– Скажи ему, чтоб шёл назад, – сказал мужчина.

– Куда? Там же стреляют! И пожары...

– Антон! – остановился мужчина. – Ты что, хочешь, чтоб они пошли с нами? До Минутки или прямо до Хасавюрта? Мы ведь не знаем, что с нами будет. Может, удастся вырваться, а может, мы все уже сегодня...

– Коля! – закричала женщина, испуганно оглянувшись по сторонам и перешла на шёпот. – Коля, не смей!

Мужчина вздохнул, поправил сумку и взял мальчика за плечо.

– Да и есть у нас нечего, – сказал он виновато, – а во дворе дядя Андрей остался. Глядишь, даст чего.... Пусть возвращаются. Видишь, они дальше боятся.

Мальчик посмотрел на женщину, перевёл взгляд на мужчину, кивнул и повернулся к стае. Собаки, немного оживившись во время разговора, снова притихли и смотрели на людей выжидательно.

А люди смотрели на собак и молчали. Они были похожи друг на друга, эти трое – одинаково чёрная из-за пепла одежда,

мой! Домой, Дайк! Урхан, Тайга, Римба, Рекс, домой! Шайтан! Винтовка!.. Что я сказал?! Домой!

Собаки, услышав свои имена, оживились, подняли уши и завиляли хвостами. Все, кроме Шайтана и Дайка. Шайтан стоял настороженно, старясь не упустить из виду одновременно и стаю, и людей, и чужую, враждебную территорию, а Дайк... Дайк всё понял, сел на покрытый серо-чёрным снегом асфальт, поднял голову к затянутому дымом небу и завыл.

Звук поднялся вверх, оттолкнулся эхом от притихших домов и полетел над проспектом. Он был непривычен для города, который судорожно привыкал совсем к другим звукам: к вою самолётов над облаками, залпам орудий, рёву огня. К автоматной стрельбе город привык давно. Он был нов, этот звук, но за тёмными, заклеенными бумажными крестами окнами не мелькнуло ни одного любопытного лица: те, кто ещё оставался в городе, давно избавились от любопытства.

Стая притихла и сгрудилась вокруг Дайка, некоторые неумело попытались присоединиться. Винтовка впервые за сегодняшнее утро остановилась и опустила хвост. На месте остался только Шайтан: стоял, оглядываясь по сторонам и ничего не предпринимал – думал.

Мальчик посмотрел на мужчину: в окаменевших глазах не отражалось ничего. Перевёл взгляд на женщину: она стояла с закрытыми глазами, а по щекам, размазывая пепел, ползли две чёрные слезинки.

Мальчик шмыгнул, вытер нос рукавом и повернулся к стае.

– Замолчи! – закричал он и топнул ногой. – Замолчи! Я думал, ты вожаком будешь, а ты... Как не стыдно! Домой, идите все домой! Шайтан, веди их домой! Возвращайтесь! Домой, Шайтан, веди их домой! Дайк...

Мужчина поправил свою сумку, поднял с земли сумку мальчика, протянул ему. Свободной рукой обнял его за плечи, повернул, и они медленно пошли вперёд. Мальчик сначала приник к мужчине, потом отстранился. С другой стороны к нему потянулась женщина, но мужчина мягко перехватил её руку и отрицательно покачал головой. Мальчик вскинул сумку повыше и ускорил шаг. Ползущих теперь и по его лицу чёрных дорожек никто не заметил.

Шайтан принял решение, коротко и внушительно рывкнул, привлекая внимание стаи, и медленно повернул назад. Несколько собак сразу пошли за ним, остальные остались на месте. Дайк не видел ни тех, ни других: он смотрел только на удаляющихся людей и, когда те отошли метров на пять, снова завыл. Часть стаи, следовавшая за Шайтаном, замерла и повернула назад. Оставшись один, старый вожак мгновенно преобразился: хвост распушился и вытянулся назад, уши отклонились и прижались к голове, угрожающе блеснули жёлтые клыки. Глухо ворча, Шайтан бросился вперёд, отрезая стаю от людей. Некоторым оказалось достаточно одного вида вожака, других пришлось толкнуть грудью или легко куснуть. Результат был одинаков: собаки подчинились. Все, кроме одной.

Дайк стоял на месте и смотрел вперёд. Ни вожака, ни повернувшей назад стаи он не заметил. Шайтан прищурил глаза и заворчал, ещё сильнее сморщив кожу на верхней губе, но и это ни к чему не привело. Дайк лишь мельком глянул на него и снова уставился в спину людям. Шайтан заколебался: ему уже порядком надоел этот человеческий любимчик. Он здорово вырос, стал заметно крупнее Шайтана и всё чаще покушался на его авторитет. А в последнее время он стал вообще странным, почти демонстративно игнорируя привычные нормы поведения. Словно сошедший с ума мир понемногу менял и его, превращая из обычной собаки в странное, но очень понятное существо. Вот и сейчас – что это у него за поза? Угрозы, вроде бы, нет, но и на покорность тоже не похоже. Хорошо хоть выть перестал, а то стая от этого совсем странная становится.

Шайтан ещё раз проворчал – безрезультатно – и медленно, не теряя достоинства, двинулся к стае. Пусть остаётся один, пусть бежит за людьми, если совсем обезумел. А он должен вести стаю назад. Там тоже плохо, тоже летит с неба пахнувшее смертью железо, и ревёт вырвавшийся на свободу огонь, но там хоть всё знакомо. Там знаешь, где укрыться, не пахнет чужими и, возможно, повезёт найти еды. Да и маленький человек сказал ясно: «Домой!». Пусть остаётся. Домой!

Резкий порыв ветра прибил к земле чёрный дым, бросил его вдоль улицы. Едой дым не пах. Он не обещал ничего

хорошего, даже тепла и уюта, как бывало раньше, когда люди разводили костёр. Этот дым пах угрозой и уверенностью. Угрозой сожрать всё и уверенностью, что спрятаться от него не удастся никому.

Спины людей стали призрачными, и Дайк, не выдержав, двинулся вперёд. Остановился, посмотрел назад, на удаляющуюся стаю. Повернул, снова остановился, побежал вперёд, оглянулся и застыл на месте, крутя головой по сторонам. Вперёд, в неизвестность, уходили люди, назад, в ставший чужим дом возвращалась стая. И те, и другие не оглядывались. И тех, и других быстро скрывал дым. Дайк заскулил, сделал несколько неуверенных шагов вперёд, остановился. Фыркнул, отгоняя лезущий в нос дым. Верхняя губа сморщилась и приподнялась, обнажая не тронутые желтизной клыки. Жалобный скулёж перешёл в глухое рычание. Дайк ещё раз посмотрел на удаляющуюся спину того, кто кормил его косточками и гладил за ухом, и решительно повернул назад.

Стая возвращения беглеца или не заметила, или не показала вида. Только Винтовка приветливо помахала хвостом. Стая была подавлена и серьёзна и смотрела только на вожака. И всем очень хотелось есть.

На той стороне большой дороги из дыма вынырнула кучка людей, и Шайтан, еле слышно заворчав, свернул в сторону. Будь люди одеты иначе, он, скорее всего, повёл бы стаю хорошо знакомыми местами, да ещё и облаял бы незнакомцев. Но только не этих – слишком сильно веяло от них угрозой, и слишком хорошо знала стая и эту пятнистую одежду, и висащие на плечах людей железные палки, от которых пахло огнём и смертью. Лучше обойти. Тем более, что обходить не очень далеко – сначала прямо, до большого дома, где раньше всегда было полно детей, а там направо.

Квартал стая пробежала без приключений. Узкая улочка была пуста, дым вытеснил запахи чужих, да и до своей территории оставалось совсем ничего. Вот и большое, давно опустевшее здание – пора поворачивать домой. Поворачивать, несмотря на то, что чуть дальше дорога перегорожена чем-то непонятным, и оттуда плывёт странный запах. Чем это пахнет?.. Поворачивать!

Дайк давно уже не скулил и не оглядывался. Он бежал теперь сразу за во-

жаком, и стая не сопротивлялась. Непонятное он увидел одновременно с Шайтаном, сразу остановился и стал принохиваться. Стая автоматически сделала несколько шагов за вожаком и повернула назад. Шайтан отрывисто пролаял, понял, что стаю сейчас не повернуть, и вернулся назад. К непонятному он подошёл последним.

Посреди дороги замерла большая железная машина. Похожая на те, на которых зачем-то ездят люди, только больше, и очень страшная. На такую старый вожак, наверное, не осмелился бы лаять. Впереди у машины торчал длинный железный хобот, снизу, по грязному разбитому асфальту волоклись железные кишки. Из открытого люка в небо тянулся жирный дым. Машина была явно мертва, но всё равно сама собой вставала шерсть на загривке, и поджимался хвост. Пахло тоже плохо – гарью, железом, смертью и ещё чем-то, от чего хотелось сесть, поднять голову к небу и завывать.

Что это люди, Дайк понял не сразу: слишком сильно смердела машина, и слишком непривычно было видеть людей вот так. Они лежали рядом с машиной, прямо на грязном, заляпанном остро пахнувшей жидкостью снегу. Два человека. Одежда одинакова и очень похожа на ту, которую носили «пятнистые» хозяева стреляющих железок. Двое мужчин. Почти такие же, как и тот, который называл мальчика сыном и приносил косточки. Почти такие же. Только пахло от них не едой и не теплом.

Дайк, преодолевая непонятно почему нахлынувший страх, подошёл поближе.

Оба человека были мертвы. Один смотрел в небо, и на его лоб, тихо кружась, опускались чёрный пепел и белый снег. Человек их не видел. На лице другого навечно застыла гримаса. Остекленевшим взглядом он смотрел на лежащую чуть поодаль руку, словно не мог понять, почему она отдельно. Почему на её месте только обрубок? И почему так больно?

Среди чёрного, чёрно-белого и серого лишь два пятна сверкали ярким красным цветом, притягивая на себя взгляд. Оторванная рука и обрубок. И яркие капли крови на чёрно-белом снегу.

Дайк втянул носом воздух и вздрогнул. Хвост поджался, а уши встали торчком. Глаза видели теперь только красные пятна, а ноздри, отсеивая ненужные за-

пахи, пропускали внутрь лишь то, отчего живот сводило острой судорогой, а лапы сами собой шли вперёд. «Да не хватай ты так», – тихо прошелестело в голове. Дайк остановился и голос исчез. Он постоял, шумно втянул воздух и снова пошёл вперёд. «Я ещё принесу, – сказал мальчик, – тебе же много есть надо, чтоб вожаком стать». Дайк мотнул головой, постоял и оглянулся назад. Стая ждала. Ждала, не сводя с него жадного, напряжённого взгляда. Ждали Тайга и Рекс. Ждала не отходящая ни на шаг от Шайтана Римба. Ждал помогающий во всём вожаку Урхан. Ждали Бумбо, Мент и Динка. Ждали остальные. Ждала непривычно присмирившая Винтовка. В глазах собак, нагоняя друг друга, прыгали нетерпение и надежда. И что-то ещё, от чего Дайк сразу почувствовал себя большим и сильным. Он распрямился, обнажил клыки и поискал глазами вожака. Шайтан стоял сзади и тоже смотрел на Дайка. Его взгляд был не таким, как у других, и сначала Дайк чуть было не вернулся назад. Но красные пятна манили, запаха крови щекотал ноздри, и стая смотрела на него, как не смотрела никогда раньше. «Скоро ты сам станешь вожаком», – совсем издали прозвучало в голове, и Дайк, зарывчав, решительно двинулся к еде.

– Х1ей! – громко раздалось из-за дыма. – Маамед, вон ещё танк!

– Мичахь?¹

– Ц1ийна т1ехьа!² А ну пошли отсюда! Воздух рвануло автоматным выстрелом, и стая, стремительно набирая скорость, бросилась врассыпную.

Через два дня, пересидев в подвале очередной обстрел, собаки, шурясь от яркого солнца, выползли наверх. Они не ели ничего больше трёх дней, и ни о чём другом думать уже не могли. Едва выйдя наверх, стая бросилась по улицам в поисках пищи, но ничего не нашла. На улицах было полно поваленных деревьев и разбитых домов, было много железных осколков, покорёженного асфальта и обгоревших кирпичей. Еды не было. Нигде.

Последней прибежала Винтовка. Сразу подскочила к Дайку, потёрлась носом и, постоянно оглядываясь, помчалась в старый двор.

Во дворе, среди полуразрушенного дома, лежал человек. Когда-то его звали «дядей Андреем», и он изредка выносил

собакам остатки еды. В самом начале бомбёжек ему попал в ногу малюсенький осколок. Нога распухла. Сначала он ещё ходил, опираясь на палку, потом слёг. Спал, просыпался, пил водку, загрызая её сухарями, смотрел на ногу и снова засыпал. Жена и дети ушли. Он не возражал, он даже сам гнал их, притворяясь пьяным и ругаясь на них матом. Теперь он лежал мёртвый с распухшей до безобразия ногой и с вывороченными осколками мины кишками.

Стая сгрудилась вокруг человека и возбуждённо повизгивала. Одни смотрели на Шайтана, другие не сводили нетерпеливого взгляда с Дайка. Шайтан принял решение первым, грозно зарычал и повернул назад. Несколько собак неуверенно двинулись за ним. Дайк распушил шерсть, прижал уши и уверенным шагом двинулся к человеку. Крепкие, не тронутые желтизной клыки, рассекли человеческую плоть легко, словно давно забытую колбасу. Пасть наполнилась кровью, и по телу пошли тёплые волнующие волны.

Через несколько минут, когда стая ещё насыщалась, отталкивая и огрызаясь друг на друга, новый вожак поднял окровавленную морду. Мельком глянул на так и не подошедшего к еде Шайтана и сел на землю. Небрежно облизнулся и залаял. Собаки на секунду оторвались, увиделись, что вожак не сердится и вновь вернулись к еде.

«Время придет, и ты станешь настоящим вожаком. Обязательно станешь!» – тихо прозвучало в голове у нового вожака. Он на мгновение замолчал, пытаясь вспомнить голос. Не вспомнил, поднял морду к затянувшемуся тучами небу и завыл.

Высоко за тучами тяжело загудел самолёт. Стая, готовая тут же нырнуть в подвал, оторвалась от еды и наострила уши. Тот, которого когда-то звали Дайком, завыл громче. Он словно пел, рассказывая кому-то неведомому, что всё так и произошло. Он вожак, и рядом его стая, готовая идти за ним, куда угодно.

А железных птиц он больше не боялся. Пусть режут, пусть чаще кидают вниз железо. Тем больше будет еды. Вкусной жирной еды.

Пусть летают. ■

1 – Где? (чеченск.)

2 – За углом! (чеченск.)

ПОЭЗИЯ

⇨ Ольга РЯБИНИНА ЛИТВА, КАУНАС

Автор десяти поэтических сборников, очерков, эссе, публицистических статей; переводит стихи и прозу. Член Русского литературного клуба имени Г. Державина (Каунас) и Международной ассоциации писателей и публицистов.

ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ

Вернуться хочу на родную могилу,
В дом старый и сад.
Тоскую о том, что так рано забыла,
Что так берегла от чужих, так хранила...
Но осень уже, листопад...

Всегда говорила: ах, брось, ностальгия!
Ты здесь или там - всё равно.
Прости мне, прости мне, родная Россия,
Не знала твоей заколдованной силы.
Не каждому это дано...

Вернуться хочу не надолго, навечно
В черёмухи майскую тень,
В ковыльные степи, конечно,
Там время летит быстротечно,
И тянется памяти день...

ВСТРЕЧА С ОБЛАКОМ

Бедное, бедное облако, мне его стало жалко.
Оно ... заболело!
Оно заболело, набухло, отяжелело.
Ему тяжело ... – уже немогуту!
– Тяжелую ношу я несу, несу, несу ...
– Несу ношу ... – больше не могу!
– Кому подарю? ...
– Возьмите мой дар, приглушите пожар!
– Охладите сердца, запрокиньте глаза!

Облако болело!
Облако стонало...
... и запело!
Песнею грома и шумом дождя.
Криками птиц и белизною лиц.
Блёсками Солнца и нежностью...
кап – кап!

– Возьмите! Возьмите!
Возьмете ... ?
Мои Поцелуи?!
Поцелуй листьев – Поцелуй щеки.
Поцелуй кисти – Поцелуй мечты.

– Спасибо!
Спасибо – тебе, моё облако.
Ты облегчило себя и меня.

⇨ Николай НАУМОВ РОССИЯ, МОСКВА

По образованию прикладной математик. Основные работы последних лет выполнены на стыке науки и искусства для решения естественно-научных и культурологических задач. Занимается скульптурой, литературой, исследовательской деятельностью в области философии и теории искусств.

Облако облегло побелело.
Всё!!! Всё – что имело, оно отдало ... нам ...
– Вот – Вам Всем – Вся Моя – Ноша!
– Возьмите Её! Берите, Берите ...! Несите, Несите!

PS.
Синева облаков обратилась сутью. Сутью картин.
Краснота кисти ожила в лицах.
– Спасибо тебе, облако, –
говорили лица твоих картин.

→ Ирина
ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА
ПОРТУГАЛИЯ

Кандидат педагогических наук. Автор более 60 опубликованных научных и методических работ. Принимала участие в международных научных конференциях по проблемам творчества, языка и культуры. Пишет стихи, публикуется в литературных изданиях России и зарубежья. Член Союза российских писателей.

Лев Семенович Выготский в своем знаменитом исследовании «Психология искусства» выделяет три основные типические психологические системы. Первая из них определяет искусство как познание. Эта точка зрения развивалась в трудах В. Гумбольдта, А.А. Потебни и их последователей, которые считают поэзию особым способом мышления и познания. Она помогает познать то, что непознаваемо «в лоб», точными методами науки, но может быть понято окольным путём, путем иносказания, широко известным, начиная с самых древних авторов. Таким образом, поэзия дополняет науку в деле познания мира. На взгляд Л.С. Выготского, в интеллектуализме этого направления проявилось непонимание психологии формы художественного произведения. Он настаивает на том, что интеллектуальные процессы являются служебными и вспомогательными в том сцеплении мыслей и слов, которое и есть художественная форма. Л.С. Выготский опирается на Л.Н. Толстого, настаивавшего, что сама форма художественного произведения составлена не мыслью, а чем-то другим. Ссылаясь в свою очередь на известное высказывание живописца Брюллова, что искусство начинается там, где начинается чуть-чуть, Толстой утверждает: «чуть-чуть недосказано, пересказано, преувеличено в поэзии – и нет заражения». Заражение достигается только тогда, когда художнику удаётся найти какие-то бесконечно малые моменты – единственно верные, научить этому невозможно, их подсказывает только чувство. Л.С. Выготский вводит свой термин: «эмоция формы» как начальный и отправной момент, без которого понимание искусства не осуществляется вовсе.

Л.С. Выготский приходит к выводам: поэтическое описание по самому своему существу внеобразно – это не чувственный образ объекта, но безобразное впечатление предмета.

Думаю, под безобразностью Л.С. Выготский понимает не отсутствие в стихотворении чувственных образов. Мы знаем такие стихотворения у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, но они далеко не настолько многочисленны, чтобы считаться типичными. Думаю, в понятие безобразности Л.С. Выготский вкладывает другое значение: сохранение качеств многозначности, это хаос, не вполне преодоленный формой, это Венера, просвечивающаяся сквозь мрамор и в то же время не отделённая от глыбы камня, это чуть-чуть... Силуэт, легкая прорисовка, незаконченность – «не черты, а очертанья, контуры любви». Но здесь особенно необходимо чувство меры, иначе получается нарочитое запутывание, бессмыслица или косноязычие. Есть и другая опасность, которой на мой взгляд не избежала даже «Поэма без героя» А. Ахматовой: из-за обилия недоговорённостей, намёков она сильно привязана ко времени и к месту, а это

«Дар отражения – Преображение»

Попытка размышления о критериях истины в поэзии

Никола Пуссен. Вдохновение поэта. 1628.

значит, в значительной степени подвержена старению.

Вторым направлением, которое подвергает анализу Л.С. Выготский, является формальное течение. Оно видит в искусстве приём, игру художественной формы, чистой формы, не зависящей ни от какого содержания. В этом направлении понятия «форма» и «содержание» заменены своеобразно понимаемыми терминами «форма» и «материал». Причем, материалом художественного произведения является всё, что художник находит готовым: слова, фавулы, обычные образы, даже мысли. Отношение художественное расположение материала в произведении, нацеленное на возникновение эстетического эффекта, является формой или приёмом. Формула формалистов «искусство как приём» вызывает вопрос. Приём чего? – справедливо замечает Л.С. Выготский. Он ссылается на В.М. Жирмунского, указывавшего, что приём ради приёма, ни на что не направленный, – есть не приём, а фокус. Последнее ярко проявляется в современном нам направлении постмодернизма в поэзии, для которого характерна фрагментация и нивелировка смысла, «неверие в слово, как таковое, вражда к Логосу» (С.С. Аверинцев). Формализм ведёт к выводу, что удовольствие от игры художественной формы следует признавать основным и определяющим моментом психологии искусства. Логично вытекает из этого направления утверждение первенствующего значения звуковой стороны стиха. Не отрицая значения звукообраза в стихотворении, Выготский, используя исследования В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума и др., утверждает: задача звукового построения в стихе выходит за пределы про-

стого чувственного удовольствия, тесно переплетается с идеей стихотворения, представляя собой сложный психологический эффект художественного построения.

Л.С. Выготский обращается к идеям психоанализа, приобретавшим всё большую популярность в годы написания его работы, к анализу бессознательного в искусстве. Известно, что основоположник психоанализа З. Фрейд полагает, что в основе поэтического творчества лежат неудовлетворенные желания, часто такие, которых мы стыдимся. Художник, чтобы дать удовлетворение своим вытесненным желаниям, должен облечь их в художественную форму. Эта форма служит приманкой, заманивающей читателя

“

Выготский считает функцией искусства уравниванием нервного энергетического баланса человека с миром.

в трудное и тяжёлое дело «отреагирования бессознательного». В настоящее время в свете идей К. Юнга и других психологов ясны слабые места концепции З. Фрейда: чрезмерное преувеличение им роли полового чувства, роли раннего детства в дальнейшей судьбе человека, фактическое сведение роли сознания к нулю – оно есть слепое орудие в руках бессознательного. Но уже в 1925 году Л.С. Выготский приходит к выводу: искусство должно быть социальным решением бессознательного.

Подошёл ли Выготский к выведению законов поэтического творчества на основе тщательного анализа существовавших психологических теорий искусства? Да, он предлагает закон уничтожения

формой содержания. На примере анализа тонкой новеллы И. Бунина «Лёгкое дыхание» он показывает, как художник претворяет мутную воду жизни в вино, форма произведения подбирает и сцепляет материал таким образом, что всё заключённое в нём напряжение, всё тяжёлое и мутное чувство разрешено, преобразовано в чувство освобождения, лёгкости, отрешённости и совершенной прозрачности жизни. Выготский подчёркивает: в течение столетий эстетики твердят о гармонии формы и содержания, и вдруг обнаруживается, что форма воюет с содержанием, преодолевает его, и в этом диалектическом противоречии содержания и формы заключается истинный психологический смысл нашей эстетической реакции. Попутно Л.С. Выготский фиксирует ещё одно важное открытие: вслед за П.П. Блонским утверждает – мы чувствуем так, как мы дышим, чрезвычайно показательным для эмоционального действия каждого произведения является та система дыхания, которая ему соответствует («Лёгкое дыхание»).

Итак, Выготский приходит к выводу, что в художественном произведении всегда заложено некоторое противоречие, внутреннее несоответствие между материалом и формой, автор подбирает как бы нарочно трудный, сопротивляющийся материал, чем непреодолимее, упорнее и враждебнее самый материал, тем как будто оказывается он для автора более пригодным. Эмоции, вызываемые материалом, и эмоции, вызываемые формой, находятся в постоянном антагонизме, направлены в противоположные стороны. «Закон эстетической реакции один: она заключает в себе аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит своё уничтожение... этот процесс мы и хотели бы определить словом катарсис».

Мысль об аффективном противоречии как центральной и важнейшей части эстетической реакции Л.С. Выготский подтверждает известными в поэтике исследованиями метра и ритма, начатые А. Белым и Ф. Сараном, продолженные В. Жирмунским и Ю. Лотманом. Именно ощущение борьбы размера со словами, разлада, расхождения, отступления, противоречия между ними и составляет основу ритма.

Вскрывая психофизические начала, лежащие в основе искусства, Выготский считает функцией искусства уравнивание нервного энергетического баланса человека с миром, взрывное уравнивание со средой в критических точках нашего поведения. Даже самое искреннее чувство само по себе не в состоянии создать произведение искусства. Необходим творческий акт преодоления этого чувства, его разрешения, победы над ним. И для восприятия искусства тоже необходимо творчество: читатель должен творчески преодолеть своё собственное чувство, найти его катарсис.

Следует отметить, что синтез в стихотворении двух противоречивых идей и выведение благодаря этому новой ис-

тины как критерий истинности в поэзии выдвигался и таким типичным представителем интеллектуального направления, как В. Брюсов в статье «Синтетика поэзии». Статья В. Брюсова предлагает, наряду с вышеуказанным, и явно наивные критерии подлинности произведения искусства: перевести поэтические образы, заметим, подчёркивается необходимость именно образа как единственного способа воплощения идеи, в форму аналитических суждений, и если в переводе получается мысль скудная, бедная, банальная, это считается доказательством того, что и само произведение бедно, скудно и банально. Справедливости ради, отметим, что в другой статье В. Брюсов показывает ложность устремления на «погоню за образами» в поэзии, которая приводит к быстрому обветшанию произведений искусства «по образам». Писатель интуитивно чувствует служебность миссии образа, необходимую связь его с другим материалом, который он пока не может назвать. Как точно отметил О.Мандельштам: «образы выпотрошены, как чучела, и набиты чужим содержанием, ничего настоящего, подлинного, страшный контраст «соответствий», кивающих друг на друга».

Слова –
Подмены и обманы.
Слова,
Поддетые на вилку.
Метафорические брызги,
Осколки
Прежнего значенья.
Слова – звучанья,
Звонко, колко
Навеянные льдыстым ветром
На ткань, распятую на палках.
Слова –
На откуп и на ощупь.
Слова –
Всевидящие пальцы.

Идея о дихотомичности истины четко представлена в творчестве замечательного представителя русской философии XX века П.А. Флоренского. «Несокрушимая стена и непереплываемое море; мертвенность остановки и суетливость непрекращаемого движения; тупость золотого тельца и вечная недостроенность вавилонской башни, т.е. истукан и «Будьте как боги»; наличная действительность и никогда не завершённая возможность; бесформенное содержание и бессодержательная форма... – вот сцилла и харибада на пути к достоверности» – пишет он в «Столпе истины». Он говорит об истине как высшем синтезе, при попытке охватить который рассудок, по самой природе своей, не может воспринять его целостности и неминуемо разлагает его на несовместимые, противоположающиеся термины. Для отречения от замкнутости рассудочных построений нужен подвиг – усиление, напряжение, самоотречение, сбрасывание с себя «ветхого адама», в то время, как всё знакомое, естественное тянет к себе. Единящая сила бытия по Флоренскому – вера, любовь, отречение от самости: «любящий душу свою погубит её, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную».

Флоренский утверждает: в любви и только в любви мыслимо действительное познание Истины. Явленная истина есть любовь. Осуществлённая любовь есть красота. В другом, через уничтожение своё человек освобождается из-под власти греховного самоутверждения, обособленного существования – это как бы переход в новую действительность.

Там, где сольются
Высота и низость,
И по ночам
Разводятся мосты...

Близки до боли,
И до боли «близость
Есть теснота
И мука тесноты». 1
В медлительные
Огненные ночи,
Под покрывалом
Липкой духоты,
За пазухой – душой
Исповедально:
Не ближний – дальний!
И сон наш рядом
За семью печатями,
С желаньями, болями,
Печальями,
В зародыше, рождении,
Начале,
Отчаянно друг другу
Замолчали,
Отчаянно цепляясь за себя.
И головы с подушки не поднять,
Тяжелый сон...
В начале было слово...
- Что сделал в этой жизни
Для другого,
Ты сделал для Меня.

Чтобы узнать Истину, надо перестать быть только собою и причаститься, общиться к самой Истине – эта мысль философа получила развитие в трудах современного нам мыслителя М. Мамардашвили.

В том и заключается главная причина кризиса современного искусства, что оно перестаёт быть пространством действительного творчества, сводится к творчеству новых изобразительных средств, нового языка и форм выражения. Самовыражение людей искусства часто становится самоутверждением за счёт других, на фоне их, порой совершенно незаслуженного, принижения. Самым страшным для писателя становится обвинение в несамостоятельности, заимствовании у другого авторитета. Я бы назвала это непризнанием преемственности, единства потока мысли в человеческой культуре. На мой взгляд, исключительно актуальной является мысль Н. Берковского: «Когда мы встречаем совпадения, иногда поразительные, у Тютчева с Новалисом, то нельзя всё же спешить с выводами. Тютчев – поэт слишком сильный и самостоятельный, чтобы допустить в этих

Осуществлённая
любовь есть красота.

случаях простые заимствования. Нужно бы вообще пореже говорить о заимствованиях и влияниях. Объяснения такого рода всегда унизительны для влияемой стороны. Нас заставляют думать, что один поэт находится в подчинении у другого. На деле же совпадения и сходства только свидетельство, что оба поэта подчиняются третьей силе, большей, чем они оба, – общей для них поэтической культуре. Совпадения не более как признак этой сопринадлежности, один поэт может входить в общую культуру через другого, но проводник поэта не есть владыка над ним».

Развитием мыслей Л.С. Выготского о концепции искусства можно назвать концепцию искусства как решения задачи на смысл. Идея смысла жизни как интегрирующего фактора была намечена в работах А. Адлера и К. Юнга, легла в основу теории личности В. Франкла. В отечественной психологии понятие личностного смысла было введено А.Н. Леонтьевым ещё в 40-ые годы. По мнению Д.А. Леонтьева, понятие смысла может претендовать на роль центрального понятия в новой, неклассической или постмодернистской психологии, по вы-

ражению Асмолова, «психологии изменяющейся личности в изменяющемся мире». Болезнь отсутствия смысла жизни – тревожный символ нашей эпохи, отразившийся в литературе, искусстве и философии нашего столетия. Чтобы выстоять перед бездной отсутствия смысла, надо сознавать присутствие скрытого смысла внутри разрушения (П. Тиллих).

Согласно теории личности и психотерапии В. Франкла, непременным условием психического здоровья является определённый уровень напряжения между человеком и локализованным во внешнем мире объективным смыслом, который ему предстоит осуществить. При этом наибольшие практические достижения Франкла связаны с нахождением людьми смысла своего существования в тех ситуациях, которые представляются им безвыходными и бессмысленными. По Франклу даже самоактуализация человека является лишь побочным продуктом осуществления им смысла своей жизни. Думаю, это следует понимать таким образом: главная задача человека – не максимально развить и проявить во внешнем мире все свои способности,

“ Самовыражение
людей искусства
часто становится
самоутверждением за счёт
других, на фоне их, порой
совершенно незаслуженного,
принижения.

возможности, таланты, любой ценой, в том числе и ценой гибели своей души, но – сознательно творить себя, жертвуя ради этого порой даже успешным самопроявлением вовне.

Д.А. Леонтьев предлагает считать жизненный смысл единицей анализа жизненного мира. Люди, погружённые в один и тот же миф – «тайный язык смыслов», понимают друг друга с полуслова. Важнейшая функция произведения искусства по М. Мамардашвили – оно способствует внезапному усмотрению смысла путём инсайта, когда «твоя, действительно тобой испытанная жизнь как бы всплывает в тебе, очищенная и ясная». Если этого не происходит, взаимодействуя с искусством, человек взаимодействует с альтернативными смысловыми мирами, что также имеет для него важное значение.

Д.А. Леонтьев предлагает, на мой взгляд, интересный критерий различения квазиискусства и истинного искусства. Он базируется на выделении двух классов эмоциональных процессов в восприятии искусства: рефлексии и реакции (Дж. Купчик и Э. Уинстон). Реакция – простой аффективный отклик в результате воздействия, например, сентиментального романа на эмоции неискушенного читателя. Рефлексия предполагает воздействие на личность в целом, это сложный тип восприятия, связанный с процессами переработки, интерпретации и оценивания информации, которые присущи эстетически развитым читателям..

А.Н. Леонтьев писал, что сознание формируется в результате решения двух задач: задачи познания реальности и задачи на открытие смысла. Последняя – труднейшая, она фактически является «задачей на жизнь». Д.А. Леонтьев выделяет три класса ситуаций «смыслостроительства». К третьему классу относятся ситуации воздействия искусства на лич-

ность. Многие психологи рассматривают личностные смыслы как специфическое содержание художественного произведения. Смысловой опыт художника соотносится с личным смысловым опытом читателя. В случае, если это приводит к трансформации смыслов читателя, происходит катарсис – диалектическое разрешение внутреннего противоречия в смысловой сфере личности читателя. Но этого может и не быть, если смысловой опыт читателя намного беднее или имеет противоположный знак опыту художника. Понятно, что возникновение катарсиса у любого читателя нельзя считать объективным критерием ценности художественного произведения.

Сотворчество читателя при восприятии произведения искусства состоит во временном отказе от своей уникальной личностно-пристрастной позиции в мире, слияние с позицией художника, взгляд на мир его глазами. Только в этом случае читатель обогащает свои смыслы теми, которые заложены автором в произведении.

Таким образом, решение художником задачи на смысл является необ-

ходимым, хотя и не достаточным критерием подлинности произведения искусства, «художника не спасёт мастерство, если ему нечего сказать людям», но смысл в виде голой идеи не является художественным произведением. Художественная форма выполняет психологическую функцию настройки сознания читателя на восприятие данного содержания. Она облегчает доступ в глубины сознания, мнимая психологические барьеры –

как бы гипнотическое воздействие. Эту функцию в стихотворении, на мой взгляд, выполняет особенный ритм, как бы ритм дыхания стихотворения.

Подлинное искусство можно отличить от квазиискусства по следующему критерию: взаимодействие с ним (только в том случае, когда это взаимодействие оказывается полноценным, что зависит от сотворчества читателя) приводит к формированию новых смыслов, личностных конструктов, благодаря которым человек воспринимает действительность. Такое взаимодействие как бы расшатывает смысловые стереотипы, позволяет увидеть одни и те же вещи одновременно с разных точек зрения.

Подведём итоги. Мы видим, как приобщенность к общечеловеческой культуре заставляет перекликаться мысль психологов, философов, искусствоведов. Например, требование отсутствия фотографической образности, «безобразное впечатление предмета» по Л.С. Выготскому ведёт к расшатыванию смысловых стереотипов, позволяет увидеть вещи одновременно с разных точек зрения (Д.А. Леонтьев и др.) – это первый критерий подлинности произведения искусства.

Диалогичность, дихотомичность, противоречивость формы и материала произведения – второй критерий, который выделяется всеми исследователями.

Побуждение читателя к восприятию по типу рефлексии, а не простой эмоциональной реакции, сильнейшее воздействие на личность читателя целиком (при условии его сотворчества с автором), которое проявляется в катарсисе, самопреодолении, формировании у читателя новых смыслов – третий и важнейший критерий истины произведения искусства. Подобными преобразующими свойствами, на мой взгляд, обладает воплощенная в произведении искренняя материализация любви – явленная истина есть любовь (П.А. Флоренский). ■

Тенденция к замене культуры живописного мастерства намеренной аляповатостью, агрессией подчеркнута «неживописного» материала с некоторых пор называется «верным отражением реальности».

Холодным и ветреным воскресным утром я шла на выставку в Новую Третьяковку в надежде, что мало кому придет в голову та же мысль, что и мне. Я ошиблась. В кассу стояла длинная очередь. Выставка называлась чуть иронично и снисходительно: «Пленники красоты», но публика все шла и шла, стремясь своими глазами увидеть то, что кураторы проекта определили как «салонно-академическое искусство». Публика хотела понять, что плохого в «пленности красотой». Интернет пестрил насмешливыми комментариями к выставке, среди наиболее часто встречающихся определений было слово «слащавый».

Взгляд свысока на зрителя, падкого до разного рода красотостей, понятен. Но сегодня проблема «знатоков» и «дилетантов» не сводится к проблеме профессионального искусствоведческого подхода и наивных зрительских пристрастий, она заключена глубже. Разумеется, конфликт между профессионалами и публикой в определенном смысле неизбежен, но в данном случае он был словно нарочно подчеркнут списком лекций, которые предлагают искусствоведы, работающие в Новой Третьяковке, всем остальным. В этом списке были перечислены разнообразные формы современного процессуального искусства и искусства объекта, известные специалистам, но не делалось не малейшей попытки рассказать публике о том, что ее действительно волнует, разобраться в чем разница между красотой и красивостью.

Странное создавалось впечатление, словно все, пришедшие на выставку «Пленники красоты», обречены нести бремя снисходительно-высокомерного отношения специалистов, а единственным достойным внимания профессиональных историков изобразительного искусства предметом изучения оказываются попытки отрицания изобразительности, суть которых для простого смертного остается до сих пор загадочной. Можно, разумеется, и так трактовать проблему знатоков и дилетантов, но такой трактовке уже сто лет (в точном хронологическом смысле этого выражения), именно так она понималась художниками и теоретиками авангарда на заре его формирования. И неизбежный конфликт с обычным вкусом составляет его определяющую черту. Сегодня оставаться на той же позиции, постоянно трактуя о консерватизме публики и революционности новаторов – означает искать потерянную денежку не там, где она была уронена, а под фонарем, поскольку там светлее.

Мне кажется, что проблема соотношения профанного и профессионального восприятия искусства сложнее, а история смены зрительских пристрастий может быть рассмотрена как параллель истории мирового искусства. И в каждый период

Знатоки и дилетанты

Микеланджело. Сотворение Адама. Фреска Сикстинской капеллы.

проблематика, интересующая нас, будет насыщаться новыми темами. В этой работе мы выберем только один аспект: формирование знаточеских оценок произведений искусства в самом начале Нового времени, в Италии XIV – XVI столетий.

Как известно, это было время формирования новой интеллигенции, не связанной больше с университетской наукой, но стремящейся к созданию (и создавшей!) основы новоевропейской гуманитаристики – филологии, истории, философии. Я говорю о гуманистах, чье наименование происходит от круга изучаемых ими предметов – *studia humanitatis*, наук о человеке. Однако, исследование их эстетических предпочтений не входит в мою задачу, достаточно будет сослаться на то, что они ясно осознавали себя интеллектуальной элитой и вели постое-

живописи называться подлинной наукой, споря и с поэзией, и с царством «обманчивых мысленных наук», то есть философией и теологией.

Отвлеченная образованность в глазах теоретиков искусства XVI века уже не поддерживает сравнения с профессиональным мастерством художника, и именно поэтому Джорджо Вазари посвящает множество рассуждений защите изобразительного искусства как самостоятельной сферы интеллектуальной активности, если использовать современное выражение.

Ситуация меняется кардинальным образом, главный же принцип изменения заключается в том, что художники заменяют прежнюю цеховую замкнутость не попыткой пробиться в круги интеллектуалов, а стремлением собственное профессиональ-

ное сообщество поднять до уровня подлинной элиты общества. Характерно, что и отношение к гуманистической элите, к «образованным», теперь становится двойственным. Все чаще именно с ними спорят художники о праве на истинное суждение о произведении искусства, подразумевающее не только и не

столько общую эрудицию, сколько знание законов ремесла и умение со знанием дела судить о предмете. Именно профессиональное мастерство людей, реально создающих произведения искусства, становится условием права судить о нем.

Не случайно к середине XVI столетия появляется первое противопоставление профессионалов и дилетантов, когда именно позиция художников, их понимание произведений и их умение оценивать качество изображения начинают рассматриваться как более высокие по сравнению с обычными нормами отношения к искусству. Принципиально важно, что оппонентами в этом случае оказывались именно «образованные», прежде так чтимые литераторы. Приятные, слишком литературные и изысканные выражения кажутся Вазари претенциозными, более того, сама рафинированность, утонченность, *delicatezza*, писателей для него достоинство весьма сомнительное. Есть и в принятой «правильной» речи что-то искусственное, даже вычурное, во всяком случае, специально отобранное и далекое от самого предмета разговора. Предмет же этот (практически новый для научной литературы, для всего круга «*studia humanitatis*») – это изобразительное искусство и рождающаяся здесь и сейчас наука о нем. Спор о языке был спором о праве искусства, часто относимого к кругу «механических», быть самостоятельным предметом теоретического анализа. «Слова и выражения» диктует сам предмет, а вовсе не представления о подбавляющей в литературно образованном кругу лексике. Вазари хочет «на своем языке

использовать собственные выражения наших художников».

И его цель заключается в том, чтобы сохранить память о выдающихся современниках, о целом мире, который впервые осознал себя совершенно особой средой со своим профессиональным языком, достойным того, чтобы рассказать на нем о том, что раньше интересовало лишь узкий круг мастеров цеха, а теперь заслуживает право стать достоянием всех.

Актуальная во времена альбертиевских иногда скрытых, а иногда и явных выпадов против схоластической («философской») абстрактности защита права говорить «как художники» становится подтверждением права художественной элиты принадлежать к новому сообществу элиты интеллектуальной. Это право нельзя приобрести по наследству, но его можно заслужить личной доблестью, понимаемой как синоним высокого профессионализма. Идущее от латинской традиции представление о доблести (*virtu*) переосмысливалось в это время как идеал человека, проявляющего высший артистизм во владении своим ремеслом (*uomo virtuoso*). И то, что именно «наиболее знаменитые живописцы, ваятели и зодчие» имеют такое право, имеют его с большим основанием, чем кичащиеся собственной утонченностью «писатели», для Вазари было очевидно.

Когда ренессансный автор перечисляет высокие качества произведений, он самым внимательным образом останавливается на их техническом уровне, на том, что в первую очередь привлекает профессионалов, постоянно повторяя, что произведение «ценится среди всех художников» или получило одобрение «художников и людей, понимающих в искусстве».

В этот период, разумеется, еще не сформировалось романтическое противостояние творческой элиты и «всех остальных». Художники еще не относят себя к «касте браминов» по примеру романтиков, но они уже достаточно высоко себя ценят, чтобы претендовать на общезначимость своих цеховых критериев. В романтической традиции элитарность оценки всегда несет на себе печать особой замкнутости цеха творцов, противопоставивших себя мещанскому зрителю, обывателю. В Ренессансе это цех профессионалов, лишь недавно вышедший (и то не до конца) из положения обычного ремесленника, он не столько противопоставит общему человеку, сколько гуманитарной элите, позволяющей себе по традиции относиться к художникам свысока.

Эта позиция целиком полемична, она пронизана огнем споров о роли и величии изобразительного искусства, и в этой попытке защитить право на звание высокого искусства, а не просто ремесла, ее историческая правда. Романтики в этом смысле слишком уже близки к декадентской замкнутости, они завершают спор эпохи, ренессансные авторы его начинают. Во всяком случае, вопрос об элитарной и обычной оценке ставится не в социальном плане, а в профессиональном, это своеобразная трансформация ремесленной гордости за профессию в вопрос об истинном суждении, а не проблема противопоставления обывденных людей и демиурга-художника.

Что же касается позиций интеллектуальной элиты, гуманистов, то профессиональные оценки еще не стали для них оценками референтной группы, внутренне они считают себя гораздо выше их, стараясь не замечать качества технического воплощения замысла, сосредоточив все свои усилия на литературной основе произведения. Не способны по-настоящему видеть произведе-

Критика невежд – совершенно особый жанр в гуманистической традиции.

янную полемику с «невеждами», к которым чаще всего относили более традиционно воспитанную старую и вполне средневековую по своим позициям университетскую «научную общественность». Критика невежд – совершенно особый жанр в гуманистической традиции. Критика «тех, кто без основания хочет казаться знающим», сближалась с критикой «бессмысленной толпы». Но были в это время и другие «невежды», которые не знали обычных гуманистических дисциплин, связанных с филологией и риторикой, они не обращались к древним источникам в поисках интересных программ для своих произведений, но было у них и свое знание, и своя правда, они ощущали свою особую избранность и даже противопоставляли себя филологической интеллектуальной элите своего времени. Речь идет о художниках. Их самосознание сформировалось в эпоху Ренессанса, времени, когда впервые ремесленная (плебейская в точном смысле слова) оценка произведений искусства стала претендовать на элитарность.

Произошло это не сразу. Так, например, автор XIV столетия, Ченнинно Ченнини, пытался еще обосновать высокое положение живописи через ее сопоставление с творческой свободой поэта, имеющего несравненно более высокий социальный статус в глазах его современников. Автор XV века, Леон Баттиста Альберти, считал, что художник должен заимствовать у своих более образованных знакомых идеи для исторических, мифологических и сюжетно-тематических композиций («историй»). Но уже Леонардо да Винчи на рубеже XV и XVI столетия ярко выступает в защиту права

«» **Ольга ДУБОВА**
РОССИЯ, МОСКВА

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник в НИИ Российской Академии художеств.

дение и профаны, люди с «простоватым» восприятием, которых восхищает лишь гладкая отделка или избыточная позолота, которая, по мнению профессионалов, только убивает художественную выразительность произведения.

Важно отметить, что столкновение двух типов отношения к материалу, воплощенных в консервативной ювелирной отделке позолотой у Гиберти и новом стремлении подчеркнуть своеобразие его природного характера, найти присущую самому материалу художественное качество (Донателло, а позже и знаменитое нон-финито Микеланджело) имело свою предысторию.

Техническое совершенство, которого достигали средневековые мастера, поражает. Но для них оно было естественной цеховой добродетелью, именно ремесленным умением достичь совершенства. Они не рассматривали свое владение материалом, свои виртуозные методы его обработки как проявление художественности. «Арс» оставалось еще мастерством, но не искусством. Отсюда и равнодушие к природным свойствам материала, даже равнодушные к техничности своей обработки – как позже Гиберти гордился, что тщательно отделявал (т.е. золотил, а тем самым мешал воспринять подлинную виртуозность своей техники работы в бронзе) рельефы, так и средневековые мастера скрывали сырой материал. Полихромия, как и во времена античности, была нормой.

Сегодня мы смотрим на эти работы, которые по большей части утратили следы маскирующей их фактуру раскраски, и наше новое восприятие их выразительности гораздо ближе тому, которое было рождено в итальянской культуре Кватроченто. Мы, разумеется, можем представить себе их в подлинном виде, а профессиональные реставраторы могут этот вид восстановить, но нам они больше не кажутся без реставрационных усилий реконструировать их первоначальный облик «неукрашенными» (как говорили в ту эпоху). Виртуозность и артистизм исполнения существовали, но не получали адекватной оценки. Для наступившей новой эпохи характерно, что Вазари гораздо выше, чем усилия Гиберти по сокрытию материала скульптуры с помощью обильного золочения, ценит уровень пластического мышления Донателло. Он ценит выразительную художественную форму. Сам уровень мышления в материале. Не случайно он лишь бегло описывает сюжет, что особенно контрастно выглядит по сравнению с дошедшими до нас античными экфразами, описания произведений искусства, например, «Картинами» Филостратов. Произведение искусства для Джорджо Вазари становится значимым настолько, что все подчинено его описанию. Мысль никогда не отвлекается от поверхности изображения, как это было у эллинистических авторов, чье внимание целиком поглощено литературной

стороной изображенного и которые почти не описывают качество исполнения.

Картины для Филостратов остаются лишь поводом, не становясь предметом. И отношение к ним сознательно противопоставляется в античности суждениям профессионалов, «ремесленников», что объяснимо в конечном счете низким социальным статусом последних и общим пренебрежительным отношением к технэ, ремеслу. В тот исторический момент, когда на смену средневековому символизму приходило искусство, ориентированное на изображение видимого мира, впервые возникла и проблема восприятия искусства, ориентированного не на предстоящего перед иконой, но на зрителя, созерцающего картину. Именно это повлекло за собой принципиально новую проблему, проблему оценки качества изображения. Разумеется, все сказанное о специфике восприятия ремесленной стороны изображения в эпохи, предшествующие Возрождению, вовсе не означает, что ничего иного в истории культуры античности или Средних веков не было. Естественное для человека, живущего в условиях высокой цивилизации, внимание к мастерству исполнения переносилось и на произведения «механических искусств», к которым традиционно относились искусства изобразительные, но это внимание к качеству сделанности было чем-то вытесняемым. Всегда чувство низкого статуса художника определяет специфику восприятия его произведения. Происходит это влияние не совсем обычным для нашего современного отношения к искусству способом, через нейтрализацию, если позволительно будет употребить здесь это слово, материального, вещественного слоя искусства.

Античный автор специально подчеркивает отличие понятий «мимесис-воображение» и «мимезис-ремесло». Первое дано человеку от природы, его можно развивать. По сути дела это образное мышление, то есть духовная способность. Подражание, по Филострату, «есть деятельность ума, мышление образами». Это та способность, которую ценит интеллектуальная элита, но совершенно иное – подражание-ремесло, которому специально обучаются и которое свойственно только мастерам, ремесленникам. Они учатся воспроизводить похоже, но навыки этого умения, равно как и критерии оценки его результатов, никого кроме них не интересуют и интересоваться не должны. Здесь фактически повторяется знаменитый лукиановский спор Скульптуры с Образованностью, спор малодостойного, грубого и, по сути дела, рабского физического труда с высокой способностью к интеллектуальному действию.

Но в эпоху Ренессанса полностью меняется вся культурная ситуация, снимая противоположность ремесленного и интеллектуального труда. Иным становится социальный статус художника. Новое положение профессионального художника получило отражение и во множестве других характерных для ренессансной художественной теории проблем, но одна из них имеет особое значение. Речь идет о появлении первых серьезных размышлений о восприятии произведения искусства и о взаимоотношении художника и публики. Пока еще рано говорить о формировании художественной критики, но некоторые предпосылки для ее вычленения в самостоятельную дисциплину уже достаточно определены.

В Ренессансе, разумеется, еще не существовало конфликта публики и художника, чьи произведения она не понимает. Конечно, переосмысление механических и свободных искусств не пришло сразу. Традиционное противопоставление двух типов искусств сохраняется и в Ренессансе. И когда Альберти говорит: «Мне хочется, чтобы

Леонардо да Винчи. «Дамы с горностаем».

живописец был как можно больше сведущ во всех свободных искусствах, но прежде всего я желаю, чтобы он узнал геометрию», он невольно присоединяется именно к этой традиции. Уже само противопоставление живописца и свободных искусств показательно. Ренессансная трактовка художественного творчества формировалась на фоне очень глубоко укорененной традиции, обосновывающей принадлежность искусства изобразительного к «механическим» искусствам.

Дополнительный негативный оттенок понятию «механическое искусство» сообщает еще и тем, что в староритальянском языке слово «meccanico» приобретает значение «необразованный, грубый». Здесь есть переключки с греческой традицией,

“ У нас все попытки уничтожить культуру воссоздания реальности воспринимаются с чисто провинциальным энтузиазмом.

где скульптор или живописец назывался «banausos», то есть ремесленник, занятый механическим трудом. В более широком контексте этот термин тоже означал все низкое и вульгарное. Однако ситуация кардинальным образом меняется в Кватроченто. Альберти уже противопоставляет людей «с умом тонким и с дарованием к живописи» и людей грубых, «от природы мало способных к этим благороднейшим искусствам».

На новом историческом уровне эта проблема вновь возникла в момент формирования русской академической школы. Не случайно для Петра I «академия художеств» означала по сути дела академию искусств «механических», рисование занимало вполне подсобную роль в изучении науки навигации или картографирования, ему обучали, но обучали как вспомогательной дисциплине, и «художества» включали в себя ряд ремесел. Позже, ближе к моменту создания шуваловской академии «Трех знатнейших художеств», русская культура очень быстро повторила путь европейской традиции сближения свободных искусств и искусств изобразительных, приравнивания живописи, скульптуры и архитектуры к благородным занятиям. В теории второй половины XVIII века акцент делается и на осознании благородства занятия изобразительными искусствами. Художник переставал быть просто ремесленником, но становился на уровень образования своего времени. Микеланджело изучал Данте, Петрарку, Бокаччо. Первые стихи он написал под впечатлением канцон Петрарки. Микеланджело поэт и Микеланджело скульптор, в каждом из искусств он

доводит все до предельной ясности выразительных средств, он ничуть их не смешивает, напротив, его поэтический язык чужд описательности и зримости образов, а когда он прибегает к этому приему, то подчеркнуто теоретичен и философичен, он с его помощью высекает высокую поэзию литературного образа, он не смешивает здесь жанры, как не смешивает их и в своем пластическом творчестве.

Сегодня представления об элитарном и профанном полностью поменялись. И современный критик с иронией замечает, что отсутствие на холстах одного из современных художников ценимого знатоками обильного слоя «вкусной», «культурной», «драгоценной живописи», возможно, и раздражает людей, привыкших мыслить традиционно, но для художника в этом отказе есть принципиальный пункт, связанный с отходом от диктата «школьного закона».

Негативное отношение «новой» критики к профессиональной дисциплине, трактуемой как «школьность», неизбежно ведет к еще более резкому падению уровня профессионального мастерства, который и так у нас достаточно низок. В распространенной версии «свободного творчества» элементы творческой дисциплины, усвоенной во время обучения, предстают безнадежно устаревшими и даже отмеченными печатью банальности. Зато тенденция к замене культуры живописного мастерства намеренной аляповатостью, агрессией подчеркнуто «неживописного» материала с некоторых пор называется «верным отражением реальности».

Агрессия подчеркнуто «неживописного» материала, демонстрирующего свою «всамделишность», подчеркивает неподлинность живописной иллюзии, которая на глазах зрителя распадается на ряд случайно собранных бросовых материалов. Иллюзия изображения трансформируется в грубую бутафорию, а смонтированная из готовых деталей, так называемых «реди-мейд» (в данном случае – макулатуры и старогохлама), композиция отрицает принцип изобразительности, поскольку каждый предмет как бы представляет сам себя. Реальность же этих, если так можно выразиться, «изобразительных средств» подчеркивает условность изображения. Соответственно и основой произведения становятся не сюжет, а средства, используемые художником.

У нас все попытки уничтожить культуру воссоздания реальности воспринимаются с чисто провинциальным энтузиазмом. К сожалению, защищать сегодня традиционные нормы эстетического вкуса означает прослыть человеком примитивным, защищать же намеренный примитив – самый верный способ показаться тонким ценителем эстетического. Следуя этой перевернутой логике, вас заподозрят чуть ли не в умственной отсталости, если вы рискуете не согласиться с намеренным раскультиванием живописи, с засильем воинствующего дилетантизма. По крайней мере это будет признаком вашей отсталости от умственных усилий наших законодателей мод. Но в этой «отсталости» есть что-то более привлекательное, чем в восторгах тонких ценителей вкусовых качеств «кипящего керосина» новейших исканий.

Я предпочитаю среди всего этого оставаться дилетантом и выдавать общую с простыми людьми очередь за билетами на выставку «Пленники красоты», но привлекает меня там не налет слащавости, не красавица, а сохранившаяся профессиональная традиция, то уважение к ремеслу, которое было открыто ренессансной художественной теорией, продолжено академической педагогией эпохи ее расцвета и так нужно сегодня уставшему от агрессии непрофессионализма зрителю. ■

Рафаэль Санти. Ангел (фрагмент алтаря).

⇨ Анатолий КОШОКИН

РОССИЯ, МОСКВА

Автор нескольких поэтических сборников. Публикуется в периодической печати. Член Международной ассоциации писателей и публицистов.

Можно все всегда измерить
В единицах измерения,
Результат еще проверить,
Чтобы не было сомнений.

Существуют эталоны,
Чтобы исключить ошибки,
В государствах есть законы,
Чтобы не терпеть убытки.

В чем любовь измерить? В ласках!
В нежных, страстных поцелуях,
Может быть, в красивых красках
В чем? И сколько это будет?!

Знайте, что она безмерна,
Как вселенная, как звезды,
Бесконечна, это верно,
И намного выше прозы!

РАЗГОВОР С АНГЕЛОМ-ХРАНИТЕЛЕМ, ЗАПИСАННЫЙ 11.05.02

-А есть лекарство от любви?
- На то дана любовь другая.
- Тогда, стой, узы расторгаю.
- Да пригодятся, погоди.
- А страсть, а нега, а томленья,
Здесь не осталось ничего.
- На то судья есть, в свое время
Расставит точки все над «ё».
- Нет, ты неверно рассуждаешь.
Я сразу все хочу и здесь.
- Ну, поступай тогда, как знаешь,
И за советами не лезь.
- Как знаешь? Я погорячился,
Прости меня, мой друг, прости.
Я с выводом поторопился,
Грехи мне, слушай, отпусти.
- Прощаю, по грехам сложнее
На то есть Бог, вопрос к нему.
И обращайся поскорее...
Вообще, где грех-то, не пойму.
- Но как же, прелюбодеянье...
- Ах, ты об этом, то не грех,
Вот погоди, придут страдания,
И всё искупишь, да за всех!
- Спасибо, - скромно умолкаю. -
Ты в небо?
- Да.
- Я в мир пошел. До встречи, залетай.
- Не знаю...
Махнул крылами,
Я побрел.

За пеленою суеты
И занавесом мрачных буден,
Не видишь перспективы ты,
Но остаешься неподсуден.

Порой сверкнет прозренья луч,
Сомнений темень гасит быстро,
Я верю, выйдет из-за туч
Светило, глаз увидит искру.

И полыхнет страстей пожар,
И пути разорвет желанье,
Свободы ты вкусишь нектар
И новый уровень познанья.

⇨ Гиви АЛХАЗИШВИЛИ

ГРУЗИЯ

Известный поэт, прозаик, эссеист, автор нескольких книг. Лауреат литературных премий.

Уплыл в туман, пропал и с глаз долой!
линованный квартал микрорайона.
Прощай навеки, воздух неживой
и серый труп из мрачного бетона.

Я покидаю этот жилмассив,
многоэтажный, сумасшедший улей,
где, голову руками обхватив,
я эту зиму прожил, как под пулей.

...Я помню, как сейчас, тот срыв и злость,
и хмурый день и хохот — ор вороний.
Но мне сбежать тогда не удалось
от плесени, от духоты и вони!

И новый путь я принял как закон,
путь рабского, покорного смиренья,
любых проблем берущий бастион,
путь увяданья, высуханья, пленья...

От застоявшихся болотных облаков,
от нетопырей тьмы однообразных,
я крыльями взмахну — и был таков,
я, давний враг дробей и протоплазмы.

Покуда Богу душу не отдал,
я брошусь вниз с огромным облегченьем,
меняя заключительный удар
на краткий миг свободного паренья!..

Поддельно твое золото — октись!
Ведь сам себя обманешь, а не нас.
Твой постоянный компас — компромисс,
Бескомпромиссность — это мой компас.

Когда фальшивку в ком-то замечаю —
уже не раздражаюсь, а скучаю...
Я никого давно не поучаю,
чтоб самому не натворить ошибок.
Вот так, несложно, жить предпочитаю
в своем микрорайоне на отшибе.

Как бы по кругу душа ни носилась —
все приземляется там, где не надо.
Я не хочу, чтобы ты мне приснилась -
просто хочу, чтобы ты была рядом.

Ты засыпаешь в объятиях боли.
Ночь твоя темная трауром дышит.
Мы об одном по отдельности молим
Господа Бога —
он нас не слышит.

Как просто Он берет любого и уводит.
Куда? Мы не хотим об этом говорить.
И хочется вопить, когда до нас доходит,
что Он не где-то там... — у каждого внутри.

Прекрасна эта мысль, да держится недолго.
Прекрасен этот путь, да только весь — изъян:
то женщина легко тебя сбивает с толку,
то твой печальный друг, который вечно пьян.

А годы всё идут, бессмысленно и грозно;
и душу, словно мох, окутывает грех.
Лишь только иногда взбунтуешься, да поздно.
Смеешься над собой, и горек этот смех.

Перевод А.Еременко.

⇨ Михаил СМЕРНОВ

КАНАДА, МОНРЕАЛЬ

Член Международного и Московского союзов художников, автор статей об искусстве и стихотворений. Публикуется в периодической печати.

МНЕ ЗА ТВОЕЙ СПИНОЙ

Песни довольно одной
Лестницу в небо искать,
Мне за Твоей спиной
Тысячи лет шагать.

Людам моим воды,
Вере моей коня...
Где же Твои следы,
Стопп Твоего огня!
Господи, Твой покой,
Где мне его искать?
Мне за Твоей спиной
Тысячи лет шагать.
Где я найду слова?
Имя Твое окрест
Пусть разнесет молва -
Я воздвигаю крест.

Лестницу в небо вновь
Мне по ступеньке рыть.
Горлом идет кровь,
Чтобы водою быть.

Горлом идет кровь,
И не видать лица.
Дева Мария вновь
Ждет Тебя у крыльца.

СЖИГАТЬ ЛИСТВУ.

Сжигать листву,
коробить ком жестянки золотой
И падать яблоком, смотреть, какой покой
В саду и в поле, где земля черна,
В воздушной воле, где едва видна
Звезда горящая на темени небесном,
Таким таинственным, обманно-бестелесном.

Сжигать листву, сжигать её до тла,
До дыма, до хрустального стекла.
Листать её, как книжку записную,
Как прошлое и, если уж впустую
Оно прошло, пускай горит листва
Без боли, без обид, без хвастовства.

Пускай горит, сливаясь с чернотой
Земли и сада, ночи тишиной.
Метаморфоз обычай превращать
Всё прожитое в пламени печать
И дым, и пепел. Память только часть
Всего того, что хочешь ты начать!

ФЕВРАЛЬ

Коростой губ февраль растрескался.
Рам паруса.
Двенадцатый час, я проснулся,
Открыл глаза.

Таганскую прелесть,
Как ветром сдуло
Серостью туч.
Февраль начинается тихо, сутуло
Весенний путч.

Я ставлю чайник. Ещё немного
Дремать на ногах.
Серостью серой земная дорога
На облаках.

Скомканность мыслей, уснувших в подушке,
На перевес,
День начинается —
Психологический тест.

«Славянское объятие» Варны

▲ Лауреаты фестиваля.

▲ Елка Няголова и Елица Виденова.

▲ Е.Парушевский, К.Йорданов, А.Навроцкий, Б.Юрковска.

▲ Скоро начнется торжественное шествие.

▲ Михаил Казиник.

▲ Р.Василевский и В. Щечеровский.

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

Огненное искусство Татьяны Обуховой

Диапазон творчества известного керамиста - от малых форм до фасадов современных зданий.

Международная ассоциация писателей и публицистов объединяет литературный мир русского зарубежья

Журнал «Настоящее время» - проза, поэзия, публицистика со всех континентов

Начиная с 2005 года, когда вышел первый номер журнала, на его страницах встречаются авторы, разделенные в обычной жизни тысячами километров.

«Настоящее время» – это объединение через творчество. Журнал читают в 38 странах мира.

«Настоящее время» – это стартовая площадка в библиотеку МАПП. Каждый год она пополняется авторскими книгами и новыми литературными сборниками из серии «Планета поэтов», «Публицистика», «Юмор», «Фантастика».

Журнал «Настоящее время» дает возможность заявить о себе и быть услышанным в нашем многоголосом мире.

Международная ассоциация писателей и публицистов (МАПП), Фонд им. Романа Майорова и Академия российской словесности приглашают на Фестиваль славянской поэзии.

Он пройдет в Москве с 25 по 28 сентября. Участвуют ведущие литераторы из 25 стран.

«Читающая Европа». Международный литературный проект – место встречи авторов из 22 стран с издателями.

www.readingeurope.com

Education and Culture DG

Lifelong Learning Programme

МАПП
apra
alerp

KONTINENTS

В проекте участвуют литераторы:

Австрии	Норвегии
Болгарии	Польши
Великобритании	Румынии
Германии	Сербии
Дании	Словении
Ирландии	Финляндии
Испании	Франции
Италии	Чехии
Латвии	Швеции
Литвы	Хорватии
Македонии	Эстонии

Reading Europe

